

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 1 (33) 2021

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, профессор

Зам. главного редактора:

Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд. юрид. наук, доктор права, магистр административных наук
Сиземова О.Б., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Щарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Бачурин А.Г., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Ботвин И.В., канд. юрид. наук, доцент
Давыдов С.И., д-р юрид. наук, доцент
Кабанова Ю.С., канд. юрид. наук
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О.С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О.М., канд. юрид. наук
Шاپорев Д.А., канд. ист. наук, доцент
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с АО «АРЗИ» Э70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 16.03.2021.
Выход в свет 19.03.2021.
Заказ № 125. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 21,3. Тираж 80 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2021

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 1 (33) 2021

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Anisimov P.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Afanasiev V.S., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Arystanbekov M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor

Baranov A.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor

Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor

Filippov P.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor

Knjazkov A.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Koryakin I.P., Doctor of Juridical Sciences

Kuzmina I.D., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Maile A.D., Candidate of Juridical Sciences, Doctor
of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences

Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Sizemova O.B., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor

Shepel T.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences

Bachurin A.G., Candidate of Juridical Sciences

Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Botvin I.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Cherepanova O.S., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Davidov S.I., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Kabanova Ju.S., Candidate of Juridical Sciences

Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Semenyuk R.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shaganova O.M., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shapov D.A., Candidate of Historical Sciences, assistant-professor

Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shmidt A.A., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «ARZL»
Agency Ltd is Э70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 16.03.2021.
Issue date 19.03.2021.
Order 125. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 21,3.
Issue 80 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2021

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Насыров Р.В., Иванов А.В.</i> Об актуальности евразийского идеала носителя государственной власти для современной России	7
<i>Прудников А.С.</i> Значение Конституции Российской Федерации на реализацию права каждого на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства	13
<i>Рыболовлева Н.С.</i> О правовом обеспечении организации общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел	17
<i>Слабухо М.Е.</i> Эволюция понятия «ответственность» в отечественном праве.....	22
<i>Сухова Н.И.</i> Нейтрализация закона в конструкции противодействия его осуществлению	29
<i>Фазлиева Л.К.</i> Резервирование земельных участков через призму полномочий органов местного самоуправления: правовой и правоприменительный дискурс	34

Административное право и административный процесс

<i>Атанова Т.О.</i> Лишение права управления транспортным средством как мера наказания за систематическое совершение административных правонарушений.....	38
<i>Бучакова М.А., Гайдуков А.А.</i> Международно-правовой механизм противодействия насилию в семье	42
<i>Веренич А.В.</i> Проблемы применения административных мер защиты детей органами внутренних дел.....	46
<i>Гришаков А.Г.</i> Административная деятельность участкового уполномоченного полиции при проведении профилактического обхода в жилом секторе обслуживаемого участка.....	51
<i>Слышалов И.В., Корыц С.И., Рудьман Д.С.</i> Направления повышения эффективности подготовки водителей транспортных средств	59
<i>Ярковой С.В.</i> Административно-наказательная деятельность: понятие, основные черты и законность осуществления	66

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Веснина Е.П.</i> Дифференциация уголовной ответственности за совершение развратных действий	72
<i>Осипов И.В.</i> Уголовно-правовая характеристика размера преступной деятельности как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности	78
<i>Плаксина Т.А.</i> Применение насилия в отношении представителя власти: законодательная и практическая пенализация.....	85
<i>Телегина Е.Г., Размётов П.Ю.</i> Терроризм как форма проявления международной преступности: криминологический аспект	92
<i>Уматкулова Р.Р.</i> Причины присутствия усмотрения в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы	98

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Кураков Д.В.</i> Некоторые проблемы, связанные с использованием результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовном судопроизводстве	102
<i>Монин А.Г., Кондаков А.В., Донцов Д.Ю.</i> Отдельные аспекты совершенствования методики экспертного исследования механических замков, отомкнутых криминальным способом	107
<i>Овсянников В.В.</i> Внешний облик лица, причастного к совершению преступления, как криминалистическая информационная система.....	114
<i>Пушкарев В.В., Терехов А.Ю.</i> Преступления с использованием криптовалюты: актуальные вопросы уголовного преследования	122
<i>Спирин А.В.</i> Об особых видах деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве	128
<i>Степанов С.А.</i> Цифровое уголовное дело: дань моде или современные тенденции развития уголовного судопроизводства.....	133

<i>Черепанова Л.В.</i> Процессуальный порядок придания уголовно преследуемому лицу статуса обвиняемого: сравнительный анализ современных российских процедур.....	138
<i>Чечетин А.Е., Анохин Ю.В., Шатохин И.Д.</i> Некоторые проблемы применения гласного обследования в оперативно-разыскной деятельности	145

Гражданско-правовые отношения

<i>Алексанова Т.В., Мареев Ю.Л., Юргель О.Н.</i> О перспективах активизации роли прокурора в гражданском процессе	153
<i>Карпычев В.Ю., Карпычев М.В.</i> Правовое регулирование смарт-контрактов: новеллы законодательства и технические решения	159
<i>Панчук А.В.</i> Понятие недвижимости в доктрине, законодательстве и судебной практике	163
<i>Шапортов Д.А.</i> Правомерность увольнения работника за прогул при несвоевременном закрытии больничного	167

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Nasirov R.V., Ivanov A.V.</i> On the Relevance of the Eurasian Ideal of the Representative of Authority for Contemporary Russia	7
<i>Prudnikov A.S.</i> The Importance of the Constitution of the Russian Federation for the Implementation of the Right of Everyone to Freedom of Movement, Choice of Place of Stay and Residence.....	13
<i>Rybolovleva N.S.</i> On the Legal Support of the Organization of Public Control over the Activities of Internal Affairs Bodies.....	17
<i>Slabukho M.E.</i> Evolution of the Concept of Responsibility in Domestic Law	22
<i>Sukhova N.I.</i> Neutralization of the Law in the Construction of Counteraction to its Implementation	29
<i>Fazlieva L.K.</i> The Reservation of Land Plots through the Prism of the Authority of Local Government Bodies: Legal and Law Enforcement Discourse.....	34

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Atanova T.O.</i> Driving License Suspension as a Punishment for Systematic Commission of Offenses	38
<i>Buchakova M.A., Gaidukov A.A.</i> International Legal Mechanism for Combating Domestic Violence	42
<i>Verenich A.V.</i> Application Problems of Administrative Measures to Protect Children by Internal Affairs Bodies	46
<i>Grishakov A.G.</i> Administrative Activities of Local Police Officer in the Residential Sector of the Administrative District during a Preventive Inspection of the Territory	51
<i>Slyshalov I.V., Koryts S.I., Rudman D.S.</i> Directions for Improving the Efficiency of Training of Vehicle Drivers.....	59
<i>Yarkovoy S.V.</i> Administrative-Punitive Activities: Concept, Main Features and Legality of Implementation....	66

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Vesnina E.P.</i> Differentiation of Criminal Liability for Committing Sexual Depravity	72
<i>Osipov I.V.</i> Criminal-Legal Characteristics the Size of Criminal Activity as a Formal Element of the Crimes in the Sphere of Economic Activity	78
<i>Plaksina T.A.</i> Use of Violence against a Representative of the Power: Legislative and Practical Penalization.....	85
<i>Telegina E.G., Razmetov P.Yu.</i> Terrorism as a Form of Manifestation of International Crime: Criminological Aspect	92
<i>Umatkulova R.R.</i> Reasons for the Presence of Discretion in the Activities of Institutions of the Penal System of the Russian Federation.....	98

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Kurakov D.V.</i> Some Problems Related to the Use of the Results of Operational-Search Activities in Criminal Proceedings.....	102
<i>Monin A.G., Kondakov A.V., Dontsov D.Yu.</i> Some Aspects of Improving the Methodology of Expert Investigation of Mechanical Locks of the Castle.....	107
<i>Ovsyannikov V.V.</i> The External Appearance of a Person Involved in the Commission of a Crime as a Forensic Information System.....	114
<i>Pushkarev V.V., Terekhov A.Yu.</i> Cryptocurrency Crimes: Current Prosecution Issues	122
<i>Spirin A.V.</i> Special Activities of the Prosecutor in Criminal Proceedings.....	128
<i>Stepanov S.A.</i> Electronic Criminal Case: a Fashion Statement or Current Trends in the Development of Criminal Proceedings	133
<i>Cherepanova L.V.</i> Procedural Procedure for Granting the Status of an Accused Person to a Criminal Prosecution: a Comparative Analysis of Modern Russian Procedures	138
<i>Chechetin A.E., Anokhin Yu.V., Shatokhin I.D.</i> Some Problems of Using the Open Enquiry in Operational-Search Activities	145

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Aleksanova T.V., Mareev Yu.L., Yurgel O.N.</i> On the Prospects for Enhancing the Role of the Prosecutor in Civil Procedure	153
<i>Karpychev V.Yu., Karpychev M.V.</i> Legal Regulation of Smart Contracts: Novelties of Legislation and Technical Solutions	159
<i>Panchuk A.V.</i> The Concept of Real Estate in Doctrine, Legislation and Judicial Practice.....	163
<i>Shaportov D.A.</i> Legality of Dismissal of Employee for Unexcused Absence in Case of Untimely Closure of a Sick Leave.....	167

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 34.01

Р.В. Насыров, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru;

А.В. Иванов, канд. филос. наук
Алтайский государственный университет
E-mail: avialtai@yandex.ru

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ИДЕАЛА НОСИТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена исследованию и оценке учения евразийства о государстве и политической элите («правлящем слое») в контексте современного состояния российского государства и перспектив его развития. Актуальность статьи предопределена кризисным состоянием современного государства, которое проявляется в этатизации общественной жизни и снижении качества политических элит. Интерес к евразийскому учению вызван тем, что преодоление кризиса государства требует возврата к традиционным принципам и критериям формирования и оценки государственных элит. Определена взаимосвязь основных концептов евразийства: симфоническая личность, демотия, идеократия, правящий слой, ведущий отбор. Оценка евразийства как учения, в котором поставлены вопросы об идеократическом государстве, но не даны ответы о формах и средствах его построения, авторами статьи признается справедливой. Сделан вывод о важности изучения теоретического наследия евразийства, необходимости объективной и верной оценки как истинных, так и ошибочных положений этого учения.

Ключевые слова: евразийство, государство, политическая элита, симфоническая личность, демотия, идеократия, правящий слой, ведущий отбор.

R.V. Nasirov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Altai State University
E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru;
A.V. Ivanov, Candidate of Philosophical Sciences
Altai State University
E-mail: avialtai@yandex.ru

ON THE RELEVANCE OF THE EURASIAN IDEAL OF THE REPRESENTATIVE OF AUTHORITY FOR CONTEMPORARY RUSSIA

The article is devoted to the study and evaluation of the doctrine of Eurasianism about the state and the political elite («ruling stratum») in the context of the current state of Russia and its development prospects. The relevance of the article is determined by the crisis situation of the modern state, what manifests in the etatization of public life and in the decline in the quality of political elites. Interest in the Eurasian doctrine is caused by the fact that overcoming the crisis of the state requires a return to the traditional principles and standards for the formation and evaluation of political elites. The interrelation of the main categories of Eurasianism is determined: symphonic personality, demotia, ideocracy, ruling stratum, leading selection. Evaluation of Eurasianism as a doctrine that raises questions about the ideocratic state, but does not provide answers about the forms and means of its construction, is considered correct by the authors of the article. The conclusion is made about the importance of studying the theoretical heritage of Eurasianism, the need for an objective and correct assessment of both true and erroneous provisions of this doctrine.

Key words: Eurasianism, state, political elite, symphonic personality, demotia, ideocracy, ruling stratum, leading selection.

Интеллектуалы, с тревогой говоря о глобальных проблемах современности, в числе иных называют и опасность того, что так и не реализовался важнейший пункт проекта Модерна об установлении ограниченных форм государственного правления на основе различения сфер гражданского общества и государства. Оказалось, что дуализм «гражданское общество – государство» не препятствует этатизации общественной жизни. Одновременно с этим в политологических и юридических исследованиях признается кризисное состояние современного государства, которое прежде всего проявляется в снижении качества государственных элит и их отрыве от общества. П. Рикер констатирует: «Исторический опыт свидетельствует о том, что избранники народа стремятся создать некую закрытую среду, становятся политическим классом, в котором народ не узнает сам себя» [8, с. 110-111]. Это реальность, которую невозможно устранить внедрением в политическую сферу информационных технологий и технократических проектов (например, «электронной демократии»). Политологи признают манипуляционный характер современных демократий, о чем ещё сто лет назад писали евразийцы: «Не столько в улавливании и отражении фактического общественного мнения разных групп граждан, сколько в том, чтобы внушить этим группам граждан разные мысли и желания под видом мнений самих этих граждан, осуществляется процесс создания необходимого мнения посредством влияния СМИ» [2, с. 480]. В условиях, когда и в политической сфере подтверждается общий вывод о том, что развитие технологий и цивилизации сопровождается регрессом культуры, возникает закономерный интерес к традиционным основам организации политической элиты, в частности учению евразийцев об идеале носителя государственной власти.

Исследование евразийского идеала носителя государственной власти в целом подтверждает общую оценку, которую дал этому направлению отечественной политико-правовой мысли Г.В. Флоровский: «Нельзя замалчивать евразийскую правду. Но нужно сразу и прямо сказать – это *правда вопросов*, не правда ответов, правда проблем, а не решений. Так случилось, что евразийцам первым удалось увидеть больше других, удалось не столько поставить, сколько расслышать живые и острые вопросы творимого дня» [11, с. 237]. Действительно, евразийцы осознали ложность рационально-секуляризованных и прагматичных представлений и теорий об обществе и государстве: «Нельзя сверх известной меры попираТЬ безнаказанно древнюю мудрость, ибо в ней правда; не на основе возведения в высший принцип первоначально себялюбивых человеческих инстинктов, преподанного в философии "воинствующего эгоизма", но на основе просветленного религиозным

чувством обуздания этих инстинктов достижима высшая осуществимая на земле мера "общего блага". Общество, которое поддается исключительной заботе о земных благах, рано или поздно лишится и их, таков страшный урок, просвечивающийся из опыта русской революции» [9, с. 109-110].

Евразийцы разрабатывали концепцию демотии и идеократии исходя из очевидного и подтвержденного в конце XX в. факта: попытка утвердить в России общественное и государственно-правовое устройство, основанное на утилитарных принципах «экономизма» (в коммунистическом или либеральном вариантах), неизбежно ставит страну на грань гибели. Поэтому требуется не только внимательное изучение наследия евразийцев в рамках истории политико-правовой мысли России, но и постановка вопроса о необходимости использования отдельных положений евразийского учения в процессе реформирования и развития сфер государственного управления, образования и др. [5, с. 35-36]. Евразийцы определили позитивный и во многом аутентичный историческому пути России вектор развития общества и государства, т.е. ответили на вопрос «Что делать?». Но при этом не дали ответа на вопрос «Как делать?», т.е. каковы формы, методы, сроки движения к идеалу демотического и идеократического государства. По справедливому суждению Г.В. Флоровского, самому мышлению евразийцев была присуща «лжедейственная торопливость» и «вожделение быстрой и внешней удачи» [11, с. 239].

Изучение социально-экономических, политико-правовых, духовно-мировоззренческих проблем современного российского общества должно осуществляться в контексте судьбоносных событий прошлого века – катастроф 1917 и 1991 годов. Говоря юридическим языком, прекращение деятельности СССР было не событием, но деянием (разумеется, невозможно отрицать и наличие к тому объективных поводов и условий). В науке познавательно ценно рассматривать причины исторических явлений как сочетание объективных и субъективных факторов. Состояние социально-экономической, политической и идеологической сфер общественной жизни в СССР 70-80-х гг. объективно характеризуется как кризисное. Но было бы упрощением считать, что этот кризис и является причиной развала СССР. Страна, привыкшая к волевым и опиравшимся на искренний энтузиазм основной части населения «рывкам в развитии», нуждалась в постепенных и тонко сбалансированных реформах, которые могла осуществить соответствующая сложности проблем и целей политическая элита. Поэтому допустимо считать одной из основных причин гибели советского государства отсутствие ответственной и самостоятельно мыслящей элиты.

В истории приходится не столько описывать цивилизации и государства как воплощения надежд и соответствующих проектов на установление земного рая, сколько констатировать библейскую истину «Мир лежит во зле» и фиксировать удивительный факт, что, по известным словам В.С. Соловьева, мир окончательно не погружался в состояние ада. П.Н. Савицкий писал: «Евразийцы в предельной степени ощущают реальность зла в мире – в себе, в других, в частной и социальной жизни. Они менее всего утописты. И в сознании греховной поврежденности и проистекающего отсюда эмпирического несовершенства человеческой природы они ни в коем случае не согласны строить свои расчеты на посылке "доброты" человеческой природы» [9, с. 112].

Исследование евразийского учения об идеале носителя государственной власти требует констатации того факта, что оно носит религиозный характер. Соответствующее сознание, в отличие от секуляризованного (механистического), призвано постоянно определять соотношение противоположных и одинаково ложных установок и принципов. Так, религия запрещает впадать в уныние и пессимизм, но одновременно грехом является гордыня, самонадеянность и погруженность в дела «Града земного». Эта амбивалентность сознания и бытия человека отразилась в учении евразийцев о симфонической личности. Л.П. Карсавин в своей известной, но редко цитируемой работе «Основы политики» пишет: «Соборный или симфонический субъект есть действительность не меньшая, чем индивидуум, но даже большая. Индивидуум в том виде, как его обычно себе представляют, просто не существует и является вымыслом или фикцией. Человек "индивидуален" вовсе не потому, что он отделен и отделён от других и целого и замкнут в себе, но потому, что он *по-своему, по-особенному, специфически* выражает и осуществляет целое, т.е. высшее сверхиндивидуальное сознание и высшую сверхиндивидуальную волю. Другие "индивидуумы" выражают и осуществляют то же самое иначе, каждый по-своему» [6, с. 177].

Ясно, что с социологической точки зрения речь идет об идеале гармоничного сочетания в индивидуальном общественном и индивидуальных начал. «Атомарного индивидуума» как социальной реальности не существует. Противопоставление «личность – коллектив» является ложным, а в действительности для человека существует альтернатива: или раствориться в толпе индивидов или самореализоваться как личность в определенной социальной общности. Социализация, превращение индивида в личность предполагает реализацию им своих способностей и достижение общественного престижа в рамках данной социальной группы, народа, цивилизации. Л.П. Карсавин пишет: «Субъект культуры дифференцируется

в первую очередь... на ряд частных соборных субъектов по принципу функционального различия их качественностей». Далее философ выделяет три сферы культуры именно в следующем порядке: «1) сферу государственную или политическую, в которой преимущественно осуществляются единство культуры и личное бытие её субъекта; 2) сферу духовного творчества, или духовной культуры, духовно-культурную сферу и 3) сферу материально-культурную или сферу материальной культуры» [6, с. 188]. Философ, раскрывая понятие симфонической личности, продемонстрировал динамизм и диалектичность мышления. Но, определяя в таком же стиле начало, обеспечивающее единство культуры, можно было бы назвать не государство, а само состояние постоянно возобновляемого диалога (собора) представителей трех сфер («дел») общественной жизни: в терминах традиционной России – сферы «святого, государева и земского дел».

Возникает вопрос о том, насколько справедлива критика евразийцев за этатизм их мировоззрения. Н. Бердяев отмечает, что евразийцы правомерно исходили из того, что возрождение России – это вопрос не политический, а духовно-культурный. Но при этом философ констатирует: «Их идеология соответствует душевному укладу нового поколения, в котором стихийное национальное и религиозное чувство не связано со сложной культурой, с проблематикой духа» [3, с. 292]. Критики упрекали евразийцев в понимании религии лишь как одного из проявлений культуры: «Вопрос духовного очищения и преобразования свести к смене идеологий, к замене одной "программы" другой, "ясной и четкой", точно всё зависит от додуманности, настойчивости и упорства» [11, с. 244]. Обнаруживается указанная выше способность евразийцев ставить истинные вопросы и цели, но не учитывать сложность самого процесса разрешения проблем и достижения поставленных целей.

Такие суждения актуальны и в настоящее время, т.к. и в конце XX – начале XXI веков проявились эти характерные для отечественной интеллектуальной и политической элиты идеологизированность мышления, волюнтаризм и неспособность связать достижение позитивных целей с соответствующими им стилем деятельности и средствами. Так, процесс возрождения в России церкви и религиозного сознания не может не быть длительным и сложным. Но возвращение к вере в Бога оказалось слишком поспешным, суетливым и внешним; стремились, не завершив выдох недавнего безбожного прошлого, поспешно сразу вдохнуть и наполнить легкие новым религиозным воздухом. В результате социологи в 2015 г. установили, что за 25 лет почти в 2 раза уменьшилось число россиян, считающих полезным распространение религиозных убеждений (с 61 до 36%) [4].

В политической сфере к концу 90-х гг., как и предсказывали евразийцы, стала очевидной ложность попыток обустроить российское общество и государство на утилитарных принципах либерализма. Вначале доминировало открытое отрицание традиционных ценностей и институтов, когда, например, само понятие патриотизма считалось устаревшим, проявлением некой мировоззренческой пошлости. К концу 90-х гг. наступило осознание того, что навязывание и последовательная реализация начал либерализма и глобализма, по сути, являются способом склонения России к суициду. Этот поворот в поиске цивилизационной идентичности России к патриотизму сопровождается возникновением не столь явной, но более фундаментальной опасности в виде профанации традиционных ценностей. Речь идет о том, что нет таких позитивных идей и принципов (права человека, демократия, патриотизм и даже вера в Бога), которые невозможно было бы подвергнуть процессу искажения и выхолащивания их содержания. Сюрреализм современного российского бытия проявляется в том, что поголовно убежденными патриотами стали наши чиновники, но при этом «почему-то» сохраняется высокий уровень коррупции. Очевидно, что центральным вопросом самосохранения России и её позитивного развития всегда является наличие в стране национальной, суверенной и высокопрофессиональной элиты. Евразийцы это ясно осознали, что и объясняет несколько этатистский уклон в их учении об обществе и государстве.

Евразийский идеал носителя государственной власти необходимо выводить из указанного выше учения о симфонической (соборной) личности, формирование которой означает, что индивид проходит стадии постепенно усложняющихся и расширяющихся форм общения: «Функциональная личность становится многообразною, действительно личностью лишь путём постоянного и живого взаимообщения с другими такими же личностями» [6, с. 186]. Не должно оцениваться исключительно отрицательно, если карьерой молодого чиновника движет честолюбие и стремление к материальному благополучию. Но достижение им очередной ступени карьерной лестницы в идеале должно сопровождаться и соответствующим внутренним возвышением, т.к. более высокая должность предполагает расширение круга социального пространства, на который своими решениями оказывает влияние «высоко поставленный» чиновник. Н.С. Трубецкой писал: «Ведь истинное счастье заключается не в комфорте, не в удовлетворении тех или иных частных потребностей, а в равновесии, в гармонии всех элементов душевной жизни» [10, с. 41]. В идеале у чиновника столь значимые в начале карьеры честолюбивые установки на приобретение внешних атрибутов власти не исчезают, но

должны перемещаться на периферию его сознания. В противном случае чиновник сам мельчает и на фоне высокой должности его мелочность и суетливость становятся особенно заметными.

В настоящее время стали практиковаться носящие несколько искусственный и заорганизованный характер формы отбора кандидатов на управленческие должности (например, конкурс «Лидеры России»). Но евразийцы настойчиво указывали на необходимость естественного, органичного формирования государственной элиты. «Из множества индивидуумов, которые составляют данную соборную личность (например, народ) и которые склонны действовать так, что единично-индивидуальные акты их "означают" или "символизируют" друг друга и единый симфонический акт, – органически вырастает правящий слой. Существенно, что он находится в органической связи с массой населения и способен выразить её сознание и волю... Также органически, как он рождается сам, правящий слой порождает правительство, уже обязательно организованное» [6, с. 182]. Н.Н. Алексеев даже указывает на то, что в формировании «ведущего (правлящего) слоя» отражается стихийно-природная сторона государственного бытия, в этом процессе важную роль играет социально-психологическая основа властвования [2, с. 164]. Источником социальных конфликтов выступает не то, что народу не дают возможности осуществлять государственную власть непосредственно, а то, что правительство не ведет реального диалога с обществом и не учитывает его мнения. Яркой иллюстрацией изложенного в настоящее время может служить проводимая в последние десятилетия в России реформа науки и образования. Многомиллионная корпорация ученых, учителей и преподавателей постоянно твердит о ложных направлениях и формах проведения этой реформы. С этой точки зрения несправедливой является критика евразийцев за их стремление найти в советском строе позитивные начала. Так, имея в виду проводимую в последние десятилетия реформу науки и образования, следует признать, что в советский период при отсутствии демократии, все же в такой степени игнорировать общественное мнение было бы сложно. Через систему пусть и находящихся под партийным и государственным контролем, но реально функционирующих профсоюзных, научных, творческих и иных организаций можно было донести до руководства страны мнение о недопустимости подобной политики. Этот пример убеждает в том, что, используя терминологию евразийцев, общество может быть формально демократическим, но при этом не демотическим. Демотию (народность) евразийцы понимали как «нормальное и по возможности непрерывное взаимообщение правительства, правящего слоя и широких масс населения» [6, с. 194].

Евразийцы, трактуя демотию как перманентное состояние диалога общества и государства и не отрицая свободу мнений, при этом настойчиво подчеркивали, что «правлящий (ведущий) слой» должен характеризоваться единством мировоззрения, а выделяемое из «правлящего слоя» правительство (государственный аппарат) также и единством и упорядоченностью действия. Н.Н. Алексеев называет «ведущий слой» организацией, в основе которой «единство внутреннего убеждения в истине», причем это единство возникает не принудительно, а в процессе «высшего духовного общения»; философ определяет «ведущий слой» как «духовный орден, который призван водить морально, а не насильственно» [2, с. 165]. Исходя из этого, государство должно иметь форму идеократии, т.е. власти идеи. Но возникает самый сложный вопрос в понимании и оценке политической концепции евразийства: «Кто и как будет определять содержание этой идеи и соответствие ей мировоззрения и образа жизни представителей «ведущего слоя», как может выглядеть эта процедура «идеократического отбора»? И современное российское законодательство закрепляет широкий перечень требований, предъявляемых к государственному служащему, в т.ч. этичность, внимательность, терпимость, объективность и иные [7]. Эти характеристики чиновника таковы, что они не могут быть обеспечены формально-юридическими средствами, но предполагают наличие соответствующих внутренних качеств. Поэтому евразийцы подчеркивали, что идейной основой правящего (ведущего) слоя может быть только искреннее и глубокое религиозное мировоззрение, а сам процесс формирования такой элиты может быть только естественным и, следовательно, в условиях секуляризованного общества длительным.

Напомним критику Г.В. Флоровским евразийцев за торопливость: «Евразийская историософия не перегорела, не очистилась в животворном искусстве церковного опыта и раздумья» [11, с. 250]. Само мировоззрение евразийцев предполагало, что подго-

товка к возрождению России после 1917 г., прежде всего, должна была быть направлена на сознание советского человека и обоснование того, что возможен и неизбежен возврат к традиционным ценностям и институтам. Но представители евразийства стремились начать достижение своих целей с «вхождения во власть». Так, Н.Н. Алексеев в 1927 г. предсказывал и одновременно фиксировал установление в СССР режима единоличного и коллективного Бонапарта и призывал в скором будущем «просачиваться в этот новый режим и руками новой власти построить новое государство» [1, с. 167]. Евразийцы верно предсказали крах коммунистической идеологии и советского строя, но не предполагали, что произойдет это только в конце XX в., и не предвидели, что постсоветское общественное сознание останется во власти ложных антиномий. После крушения советского проекта страна в конце XX в. вновь наступила на «исторические грабли» и предприняла не менее трагичную по своим последствиям попытку реализовать иную, рожденную на Западе модель общественного устройства – либеральную.

Таким образом, основным в политике является вопрос о качестве государственной элиты, представители которой в своей деятельности не только под воздействием внешнего контроля, но и в силу внутреннего убеждения следовали бы началам общего блага. Состояние современной политической системы общества – это кризис секуляризовано-прагматичной модели организации и функционирования государства, в связи с чем закономерно ставится вопрос о переосмыслении принципов и критериев формирования политических элит. В настоящее время Россия переживает сложный этап развития, что предполагает обретение цивилизационной самоидентификации, в т.ч. в сфере государственно-правовой культуры. Для достижения этой цели важно изучать отечественное философско-политическое наследие, в частности учение евразийства, взвешенно и непредвзято оценивая его идейный и прикладной потенциал.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 161-173.
2. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
3. Бердяев Н.А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 292-300.
4. В РПЦ объяснили снижение интереса к религии // Сайт «Закон и порядок». URL: <https://zakon-i-poryadok.com/2018/06/v-grc-obyasnili-snizhenie-interesa-k-religii.html> (дата обращения: 30.06.2020).
5. Васильев А.А., Мухопад В.В. Идеал элиты в политико-правовом наследии евразийства // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 33-37.
6. Карсавин Л.П. Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 174-216.

7. Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 (в ред. от 16 июля 2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 33. Ст. 3196.
8. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: Изд. центр «Academia», 1995. 159 с.
9. Савицкий П.Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 100-113.
10. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 36-47.
11. Флоровский Г.В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993. С. 237-265.

УДК 342.721

А.С. Прудников, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

E-mail: prudi1@rambler.ru

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВА КАЖДОГО НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ, ВЫБОР МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ И ЖИТЕЛЬСТВА

В данной статье раскрывается право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, которое является одним из главных элементов в системе личных прав и свобод человека, элементом конституционно-правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации. Указывается на проблемы правового регулирования в силу отсутствия понятийного аппарата – документально не закреплены такие определения, как трудовой, временный, краткосрочный, долгосрочный, образовательный (учебный), незаконный, нет определения организованного привлечения иностранной рабочей силы, квотирования привлечения иностранной рабочей силы. Заканчивая рассмотрение обозначенных вопросов, автор подытоживает, что устранение противоречий на законодательном уровне в сфере реализации права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания должно определяться правовым положением иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, право, передвижение, пребывание, гражданин, выбор, свобода, миграция, проблемы.

A.S. Prudnikov, Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: prudi1@rambler.ru

THE IMPORTANCE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF EVERYONE TO FREEDOM OF MOVEMENT, CHOICE OF PLACE OF STAY AND RESIDENCE

This article reveals the right of citizens to freedom of movement, choice of place of stay and residence, which is one of the main elements in the system of personal rights and freedoms of a person, an element of the constitutional and legal status of a person and a citizen in the Russian Federation. The author points out the problems of legal regulation due to the lack of a conceptual apparatus – such definitions as labor, temporary, short-term, long-term, educational (training), illegal, labor are not documented, there is no definition of organized attraction of foreign labor, quotas for attracting foreign labor. Concluding the consideration of these issues, the author concludes that the elimination of contradictions at the legislative level in the field of the implementation of the right of citizens to freedom of movement, the choice of place of stay should be determined by the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation.

Key words: Constitution of the Russian Federation, law, movement, stay, citizen, choice, freedom, migration, problems.

Россия – в соответствии с Конституцией Российской Федерации [4] правовое, демократическое государство, в котором права человека – высшая его ценность. В системе прав и свобод человека и гражданина право каждого на свободу передвижения, выбор места пребывания (жительства) занимает особое место. Конституция Российской Федерации предоставляет каждому, кто законно находится на территории государства, право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. При этом иностранные граждане и лица без гражданства в соответствии со ст. 62 Конституции Российской Федерации пользуются всеми правами и несут обязанности наравне с ее гражданами, кроме случаев, установленных федеральным законом и международным договором Российской Федерации [4].

Право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства не только занимает важное место в системе основных прав и свобод человека и гражданина, но и влияет на логику развития науки конституционного права. Своего научного решения требует проблема унификации понятийно-категориального аппарата и выявления проблем и противоречий в законодательстве в сфере миграции.

Сегодня передвижение людей приобрело масштабы, невиданные в истории человечества. Россия является одним из глобальных центров миграционного притяжения наряду с США, Саудовской Аравией и странами Западной Европы, в т.ч. и для трудовых мигрантов.

Если обратиться к статистике Главного управления по вопросам миграции МВД России, то на территорию Российской Федерации [2] в 2020 г. прибыло 5,8 млн иностранных граждан, как показывает изучение практики, это значительно ниже показателя прошлого года. Покинули территорию России в 2020 г. 5,7 млн иностранных граждан.

В числе въезжающих в Россию иностранных граждан большинство по-прежнему составляют граждане государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). В 2020 году их доля в общем потоке составила 81%, при этом в количественном выражении число прибывших граждан государств – участников СНГ в 2020 г. в сравнении с 2019 г. снизилось почти на 8 млн [2].

При этом опыт стран, проводящих активную миграционную политику, показывает, что отсутствие действенных механизмов контроля и регулирования миграционных потоков способствует возникновению межнациональных конфликтов, формированию этнических анклавов, ухудшению социальной обстановки. Система управления миграционными потоками в Российской Федерации в интересах национальной безопасности должна включать в себя комплекс механизмов, позволяющих государству оперативно

регулировать направление миграционных потоков, их интенсивность и структуру [3].

Очень важно отметить, что в рассматриваемой сфере необходим системный подход по данным и другим вопросам, касающимся развития законодательства в сфере миграции. Прежде всего это касается явных пробелов, которые охватывают иногда не какой-то один вид отношений, а подчас целые блоки таких отношений в сфере миграции. Речь идет, например, о регламентации отношений в сфере свободы передвижения, выбора места пребывания и жительства [1].

Не в полной мере решены вопросы осуществления государственно-частного партнерства в сфере привлечения иностранной рабочей силы. Деятельность частных агентств занятости в этой сфере остается неурегулированной.

Следует отметить, что часть пробелов остается на законодательном уровне и в определении понятийного аппарата – трудовая, временная, краткосрочная, долгосрочная, образовательная (учебная), незаконная, сезонная трудовая; определение организованного привлечения иностранной рабочей силы, квотирования привлечения иностранной рабочей силы и др. Имеется ряд проблем и в определении других основополагающих понятий данной сферы законодательного регулирования.

В силу данных определений, если у лица нет доказательств наличия гражданства иностранного государства, его автоматически следует признавать лицом без гражданства. Вместе с тем такой подход не корреспондируется с процедурой установления личности, предусмотренной статьей 10.1 Федерального закона № 115-ФЗ [7].

Так, например, отсутствие в законодательстве Российской Федерации критериев, которые подлежат оценке при вынесении решений о неразрешении въезда (ст. 26 и 27 Федерального закона № 114-ФЗ) [6] и о нежелательности пребывания, приводит к неоднозначной правоприменительной практике, что является причиной отмены в судебном порядке таких решений (в частности, постановления Европейского Суда по правам человека от 26.07.2011 «Дело Лю (Liu) против Российской Федерации (№ 2)» [8] и др.

Заимствования и внедрение в национальное законодательство права граждан на свободу передвижения иностранных государств должны основываться на их научном осмыслении и оценке с учетом анализа миграционной и демографической ситуации в Российской Федерации, специфики ее исторического, географического и геополитического положения.

Поэтому, признавая актуальность проведения сравнительного анализа права граждан на свободу передвижения как в России, так и за рубежом, необходимо осуществлять научные исследования и

экспертную проработку с учетом приоритетных направлений государственной миграционной политики, стратегических целей и задач национальной безопасности.

В этой связи нуждается в дальнейшем совершенствовании информационно-аналитическое обеспечение миграционной политики, прежде всего в части повышения полноты и объективности данных о миграционной ситуации.

Изучение практики применения законодательства в сфере миграции выявило проблемные вопросы в сфере внешней трудовой миграции, требующие комплексного решения, в т.ч. в целях снижения административных барьеров, затрудняющих движение рабочей силы, при безусловном сохранении первоочередного права на трудоустройство граждан Российской Федерации.

Активное развитие электронных (цифровых) технологий и связанное с этим изменение характеристик труда как общественного явления привели к распространению так называемых нетипичных форм трудоустройства иностранных граждан (например, дистанционный и заемный труд). Эта тенденция характерна как для зарубежных стран, так и для Российской Федерации.

Все это позволит не только совершенствовать институт права граждан на свободу передвижения, но и устранить пробелы в правовом регулировании в сфере миграции и подготовить единый правовой акт, затрагивающий неотъемлемое право граждан в рассматриваемой сфере [5].

Также при подготовке проекта федерального закона следует дать определения уже существующим институтам, понятия которых в законодательстве Российской Федерации в настоящее время отсутствуют (например, реадмиссия, убежище).

Отдельные понятия требуют уточнения с учетом динамично развивающегося законодательства. В частности, понятие «иностранец» как физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства, и понятие «лицо без гражданства» как физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства.

В целях решения вышеуказанных задач прошедший тридцатилетний период становления миграционного законодательства и правоприменения требует концептуального, в т.ч. научного, осмысления и анализа с целью выработки системного, комплексного подхода к его реформированию, коррелирующемуся с новыми задачами государственной миграционной

политики в условиях современных вызовов и угроз как внутривнутриполитического характера, так и внешних.

Из этой цели могут вытекать следующие задачи и предложения:

- унификация миграционных правил, создание простых, понятных для исполнения гражданами и юридическими лицами механизмов взаимодействия с государственными органами;

- более широкое внедрение современных информационных технологий в процедуры осуществления государственного контроля и предоставления государственных услуг в сфере миграции;

- введение реестра иностранных трудовых мигрантов;

- введение реестра работодателей, привлекающих иностранную рабочую силу;

- осуществление иностранными гражданами независимо от порядка въезда трудовой деятельности на основании электронного патента и уплаты ими авансовых платежей по налогу на доходы физических лиц;

- повышение уровня обеспечения безопасности и правопорядка;

- закрепление правовых основ информационно-аналитического обеспечения миграционной политики;

- установление эффективных регуляторов миграционными процессами;

- обязательное медицинское освидетельствование иностранных граждан на предмет опасных заболеваний, полный курс лечения в случае выявления опасных заболеваний, в т.ч. в принудительном порядке;

- обязательная государственная дактилоскопическая регистрация иностранных граждан и т.д.

Эти и другие задачи будут способствовать совершенствованию законодательства в сфере миграции и реализации права граждан на свободу передвижения.

В заключение следует отметить, что пандемия коронавируса внесла существенные коррективы в миграционные процессы, в т.ч. и в реализацию права каждого гражданина на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства. Закрытие границ, прекращение транспортного сообщения между странами, введение карантинных ограничений привели к тому, что люди, оказавшиеся в тот момент за границей, не смогли вернуться на родину.

Устранение проблем и противоречий законодательства в сфере реализации права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства должно быть направлено на более четкое правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства [3] в Российской Федерации трудовой, предпринимательской и иной деятельности.

Литература

1. Государственно-правовые основы миграции населения в Российской Федерации: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 02.11.00 «Юриспруденция» / А.С. Прудников и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020.
2. Государственная информационная система миграционного и регистрационного учета. URL: www.mvd.ru.
3. Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. Правовые и организационные аспекты: учебное пособие / А.С. Прудников, Т.А. Прудникова, С.О. Харламов, П.О. Дутов и др.; под общ. ред. А.С. Прудникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2018. 215 с.
4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию [Электронный ресурс]: федеральный закон от 15.08.1996 (ред. от 25.06.2020) № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 (ред. от 24.04.2020) № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Официальный сайт Европейского суда по правам человека. URL: <https://espch.ru>.

УДК 342.7

Н.С. Рыболовлева

адъюнкт Академии управления МВД России

E-mail: n-rybolovleva@mail.ru

О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье автором рассматриваются нормативно-правовые акты, способствующие становлению и развитию общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел, а также регламентирующие в настоящее время осуществление общественного контроля за деятельностью полиции. Важным направлением деятельности государства является взаимодействие всех органов государственной власти с институтами гражданского общества. Именно надлежащая организация и осуществление общественного контроля его субъектами за деятельностью органов внутренних дел будет способствовать улучшению работы полиции, прозрачности и открытости ее деятельности, снижению фактов коррупции, а также повышению доверия граждан к полиции.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, общественный контроль, общественный совет, Общественная палата, граждане, государство.

N.S. Rybolovleva

postgraduate student of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: n-rybolovleva@mail.ru

ON THE LEGAL SUPPORT OF THE ORGANIZATION OF PUBLIC CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

The author of the article examines the normative legal acts that contribute to the formation and development of public control over the activities of internal affairs bodies, as well as currently regulating the implementation of public control over the activities of the police. An important area of the state's activity is the interaction of all state authorities with civil society institutions. A proper organization and implementation of control subjects over the activities of internal affairs bodies will contribute to the improvement of police work, transparency and openness of its activities, reducing corruption, and improving citizens' trust in the police.

Key words: internal affairs bodies, police, social control, social council, public chamber, citizen, state.

В 1993 году на всенародном референдуме была принята Конституция Российской Федерации – Основной Закон страны, содержащий правовые основы становления правового государства и гражданского общества и, как следствие, демократических принципов функционирования органов государственной власти.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила Россию демократическим правовым государством с республиканской формой правления, важным направлением деятельности которого является совершенствование демократических процедур, взаимодействие всех его органов с институтами гражданского общества, привлечение российских граждан к участию в управлении делами государства непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления должна прежде всего соответствовать интересам населения страны и реализовываться только в пределах делегированных им полномочий.

Текстового упоминания об общественном контроле в Конституции Российской Федерации не содержится, вместе с тем он определен наличием конституционных норм, которые закрепляют общественные отношения, связанные с формированием, объединением общественных отношений в процессе организации взаимодействия общества и государства.

В данном контексте заслуживает внимания высказывание автора Конституции 1993 г. С.М. Шахрая: «...Перенос акцента в "треугольнике" отношений "государство-общество-человек" на приоритет интересов, прав и свобод человека привел и к такому эффекту, как закрепление в Конституции РФ модели общественного гражданского контроля над властью. ...Согласно этому подходу у каждого гражданина существует не только конституционная обязанность, но и конституционное право на участие в управлении делами государства путем осуществления контроля за эффективностью работы органов государственной власти...» [15, с. 8]. Со слов С.М. Шахрая, модель общественного контроля в действующей Конституции РФ закреплена, и с этим невозможно не согласиться.

Несмотря на то что летом 2020 г. были внесены поправки в Конституцию РФ, подвергающиеся тщательному анализу со стороны юридического и правозащитного общества, институт общественного контроля так и не нашел своего закрепления в Основном Законе страны.

Не вызывает сомнения, что для обеспечения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод граждан важное значение имеет

институт общественного контроля за деятельностью органов власти.

Общественный контроль является индикатором развитого общества и неперенным атрибутом демократически развитого и правового государства, и как явление социально-правового характера направлен на реализацию конституционного права на защиту прав граждан.

В Российской Федерации институт общественного контроля получил свой правовой статус после вступления в действие Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [10]. Указанный закон «во многом аккумулировал опыт деятельности общественных организаций и активистов, устанавливая правовые основы организации и осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия» [3, с. 112].

В статье 4 закона дается определение общественного контроля. Так, в ней говорится: «...деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений» [10].

Вместе с тем дефиниция «общественный контроль» не является новой для российской и иностранной наук. Элементы контроля, являющегося универсальным механизмом взаимодействия государства и общества, коренятся в скандинавском институте омбудсмана, идущем из глубины веков, народных собраниях, в конституционном контроле, возникшем в США в начале XIX века [14, с. 359].

Институт общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел стал формироваться в 1990-е гг., именно тогда активизировалась инициативная деятельность граждан, например, по посещению отделов органов внутренних дел, изоляторов временного содержания и осуществлению наблюдения за работой сотрудников.

В 2000-е годы законодательное закрепление получила деятельность по осуществлению общественного контроля. Так, 1 сентября 2008 г. вступил в силу Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о

содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [8]. В качестве субъекта, осуществляющего общественный контроль и содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания, закон определил общественные наблюдательные комиссии, а также регламентировал порядок их создания.

В 2011 году вступил в действие Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [6]. Статья 50 указанного закона устанавливает ряд субъектов, наделенных правом осуществления общественного контроля за полицией. К ним относятся: граждане, общественные объединения, Общественная палата Российской Федерации, общественные наблюдательные комиссии, общественные советы, формируемые при МВД России и его территориальных органах.

В части 2 статьи 8 Федерального закона «О полиции», устанавливающей принцип открытости и публичности деятельности полиции, указано, что «граждане, общественные объединения и организации имеют право в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, получать достоверную информацию о деятельности полиции, а также получать от полиции информацию, непосредственно затрагивающую их права, за исключением информации, доступ к которой ограничен федеральным законом» [6]. Так, можно сказать о том, что задачам контроля граждан за деятельностью полиции служат, например, регулярные отчеты перед населением участковых уполномоченных и других должностных лиц полиции.

Общественная палата РФ контроль за деятельностью полиции осуществляет в соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» [7]. Согласно статье 1 указанного закона «Общественная палата Российской Федерации обеспечивает взаимодействие граждан Российской Федерации, общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, а также иных некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты интересов профессиональных и социальных групп, с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений и иных некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной вла-

сти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания» [7].

Базовыми формами контроля Общественной палаты РФ за деятельностью полиции являются: 1) проведение гражданских форумов, слушаний и иных мероприятий в порядке, установленном Регламентом Общественной палаты РФ; 2) приглашение руководителей МВД России на пленарные заседания Общественной палаты РФ; 3) направление членов Общественной палаты РФ для участия в заседаниях коллегии МВД России; 4) направление запросов Общественной палаты в МВД России по вопросам деятельности органов полиции. Решения Общественной палаты России по итогам контрольной деятельности принимаются в форме заключений, предложений и обращений и носят рекомендательный характер [7].

В соответствии с Указом Президента РФ от 23 мая 2011 г. № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» [9], определяющим правовой статус, порядок формирования, основные задачи, полномочия общественных советов при МВД России и его территориальных органах, были учреждены общественные советы. Указом определено, что общественные советы создаются в целях обеспечения согласования общественно значимых интересов граждан, органов власти всех уровней, общественных объединений, правозащитных, религиозных и иных организаций, в т.ч. профессиональных объединений предпринимателей, а также для решения наиболее важных вопросов деятельности полиции.

Указом Президента Российской Федерации от 28 июля 2011 г. № 1027 в целях реализации пункта 11 Указа Президента от 23 мая 2011 г. № 668 утверждено «Положение об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации» [11]. Следует констатировать, что совет стал первым и пока единственным общественным советом при федеральном органе исполнительной власти, положение о котором утверждено главой государства.

Приказом Министра внутренних дел РФ от 15 августа 2011 г. № 939 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 23 мая 2011 г. № 668» утвержден порядок образования общественных советов при территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации и формирования состава этих советов, а также порядок утверждения положений о них.

В то же время порядок формирования общественных советов при территориальных органах МВД России является одной из проблем реализации и осуществления общественного контроля. Так, пер-

сональный состав Общественного совета формируется руководителем органа внутренних дел, что несомненно способствует включению в состав общественных советов граждан, в которых заинтересована полиция. Общественные советы не должны формироваться руководителями тех органов, при которых они созданы, т.к. это является нелогичным способом объективности работы этих советов, а также вызывает сомнения в беспристрастности принимаемых общественными советами решений и независимости их деятельности. В целях устранения указанной проблемы порядок формирования общественных советов при территориальных органах МВД подлежит изменению и закреплению на нормативно-правовом уровне.

Дальнейшее становление системы общественного контроля связано с принятием в 2012 г. Министром внутренних дел Российской Федерации Колокольцевым В.А. «Дорожной карты реформирования органов внутренних дел Российской Федерации». Одним из ключевых пунктов «Дорожной карты» являлось «восстановление доверия общества посредством создания дополнительных механизмов для организации эффективного взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества» [2].

Общественный контроль за деятельностью полиции, наряду с государственным контролем и прокурорским надзором, является средством совершенствования работы органов внутренних дел, борьбы с коррупционными проявлениями, соблюдения законности в деятельности.

А.Г. Воробьева выделяет два вида общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел [1]:

- стихийный (осуществляемый гражданами, общественностью);
- сознательно организованный (общественные наблюдательные комиссии по контролю над обеспечением прав граждан в местах принудительного содержания, Общественная палата, общественные советы, общественные объединения).

Осуществление гражданами стихийного контроля сопряжено с определенными проблемами, которые обусловлены прежде всего характеристиками российского гражданского общества, в частности низкой социальной активностью граждан. Е.Е. Типалю справедливо отмечает: «проблемы становления в России общественного контроля во многом обусловлены спецификой отечественного восприятия государства как субъекта властного действия, управляющего обществом при помощи механизма принуждения» [13, с. 19].

В условиях развития цифровых технологий социальная активность граждан возрастает, в связи с чем

можно утверждать, что это непременно окажет положительное влияние на организацию общественного контроля за деятельностью властных органов государства, в т.ч. и за деятельностью полиции.

В настоящее время в России происходит динамичное развитие институтов гражданского общества, для обеспечения эффективности и позитивной результативности общественного контроля велико значение общественного мнения, оказывающего воздействие на деятельность государственных органов власти.

Также одним из важных критериев эффективности деятельности органов внутренних дел являются качественные характеристики. К ним относятся прежде всего уровень удовлетворенности граждан организацией работы органов внутренних дел как в целом, так и отдельных структурных подразделений, а также сотрудников, степень доверия к ним, а также готовность граждан оказать поддержку и содействие полиции в работе.

«Именно мнение населения зачастую становится определяющим критерием оценки не только деятельности правоохранительных органов, но и уровня развития правовой системы государства и общества в целом» [5, с. 10].

Активисты правозащитной организации «Московская Хельсинская группа» совместно с членами общественных советов при МВД России и его территориальных органов в целях реализации функции общественного контроля за деятельностью полиции приняли участие в кампании «Гражданин и полиция». Так, в 2016 г. в кампании приняли участие 33 субъекта Российской Федерации, мониторингу подверглись более 1300 объектов, включая 234 отдела полиции, 11 линейных отделов на транспорте, 483 участковых уполномоченных полиции, 523 наряда дорожно-патрульной службы, 44 регистрационно-экзаменационных отдела, 12 стационарных постов ГИБДД [12], а в 2018 г. в кампании приняли участие уже 39 субъектов. По результатам проведенных кампаний в каждом субъекте были проведены круглые столы с участием руководителей органов внутренних дел и общественности.

Деятельность полиции затрагивает в той или иной мере почти каждого гражданина Российской Федерации, т.к. ее органы являются основным звеном в обеспечении общественной безопасности и правопорядка в государстве. От того, насколько органы внутренних дел справляются со своими обязанностями, во многом зависит уровень охраны прав, свобод и законных интересов граждан. Согласно опросу общественного мнения, проведенному в сентябре 2019 г. на территории одиннадцати субъектов России среди 7300 респондентов, 26% опрошенных граждан Российской Федерации связывают возможность полноценной реализации, соблюдения и защи-

ты своих прав, свобод и законных интересов именно с деятельностью органов полиции [4, с. 31].

В современных реалиях одним из приоритетных направлений деятельности государства является действенное взаимодействие всех его органов с институтами гражданского общества. В этом процессе важную роль играют контроль граждан за деятельностью органов государственной власти, в т.ч. и за деятельностью органов внутренних дел, соблюдением выполнения последними своих обязанностей перед народом, защита прав и свобод человека и гражданина, недопущение нарушения законности, исключение злоупотребления властью.

Вместе с тем недостаточно создать нормативно-правовую базу для функционирования системы общественного контроля, необходимо наличие работоспособных институтов гражданского общества, налаженное взаимодействие между ними и органами

власти, а также высокий уровень правосознания и активности граждан.

Осуществление общественного контроля за деятельностью полиции институтами гражданского общества должно способствовать повышению эффективности охраны общественного порядка, снижению бюрократических и коррупционных проявлений, а также установлению партнерских отношений между гражданами и полицией.

Следовательно, институт общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел в настоящее время совершенствуется, взаимодействие граждан и органов внутренних дел развивается, становится все более эффективным, однако необходимо применять и новые формы взаимодействия, этому будет способствовать и использование развивающихся цифровых технологий при осуществлении общественного контроля.

Литература

1. Воробьева А.Г. Социальный контроль как фактор повышения эффективности деятельности полиции (на примере Московской области): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2013. 26 с.
2. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html> (дата обращения: 29.09.2020).
3. Загребин А.Е., Поздеев И.Л. Организационно-правовые аспекты участия институтов гражданского общества в общественном контроле (опыт Общественной палаты Удмуртской Республики) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2015. № 3. С. 111-117.
4. Лобов А.В. Органы полиции как основа механизма обеспечения общественной безопасности и правопорядка в Российской Федерации: монография. Калининград, 2019. 187 с.
5. Майоров В.И. Повышение уровня доверия к деятельности полиции как направление реформы органов внутренних дел // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: мат-лы ежегодной Всероссийской научно-практ. конф-ции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина: в 2 ч. СПб., 2012. С. 10-14.
6. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. 06.02.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
7. Об Общественной палате Российской Федерации: федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. 05.12.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
8. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. 27.12.2018). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
9. Об Общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 23.05.2011 № 668 (ред. от 17.09.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. 27.12.2018). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
11. Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 28.07.2011 № 1027 (ред. от 17.09.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Обзор о результатах взаимодействия полиции с институтами гражданского общества по итогам 2016 года. URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/OBZOR_o_rezultatah_vzaimodeystviya2016.pdf (дата обращения: 29.09.2020).
13. Типало Е.Е. Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 196 с.
14. Чиркин В.Е. Государствоведение: учебник. М.: Юристъ, 2000. 382 с.
15. Шахрай С.М. Удовлетворён реализацией Конституции на 65% // Наша власть: дела и лица. 2008. № 12. С. 8-9.

УДК 34.03

М.Е. Слабухо

ГУ МВД России по Новосибирской области

E-mail: mslabukho2@mvd.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ

В настоящей статье рассмотрена роль юридической ответственности в отечественном праве. Обозначены актуальные проблемы современной теории юридической ответственности, а именно: отсутствие единого понятия юридической ответственности, точное размежевание с институтом наказания и недостаточная конкретизация общих положений института ответственности в нормативных правовых актах. Представлен анализ возникновения и формирования понятия «ответственность» в дореволюционном праве и справочной научной литературе. Исследован феномен ответственности в различные исторические периоды совместно с понятием «наказание». Представляется авторский подход к совершенствованию института юридической ответственности в современной юриспруденции. Делается вывод, что с момента начала своего формирования на рубеже XIV-XV вв. понятие «ответственность» использовалось в правоохранительных отношениях прежде всего в негативном аспекте и применялось для обозначения государственной реакции на правонарушения без конкретизации неблагоприятных последствий, которые, в свою очередь, реализовывались посредством применения различных видов наказания.

Ключевые слова: юридическая ответственность, понятие ответственности в праве, эволюция ответственности, дореволюционное право, правонарушение, наказание, древнерусское право, история права.

M.E. Slabukho

Russian MIA General Administration for the Novosibirsk Region

E-mail: mslabukho2@mvd.ru

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF RESPONSIBILITY IN DOMESTIC LAW

This article examines the role of legal liability in domestic law. The current problems of the modern theory of legal responsibility are identified, namely: the lack of a single concept of legal responsibility, the exact separation from the institution of punishment and the insufficient specification of the general provisions of the institution of responsibility in normative legal acts. The article presents an analysis of the emergence and formation of the concept of «responsibility» in pre-revolutionary law and reference scientific literature. The phenomenon of responsibility in various historical periods together with the concept of «punishment» is investigated. The author's approach to improving the institution of legal responsibility in modern jurisprudence is presented. It is concluded that since the beginning of its formation at the turn of the XIV-XV centuries, the concept of «responsibility» was used in law enforcement relations primarily in a negative aspect and was used to denote the state reaction to offenses without specifying the adverse consequences, which, in turn, were implemented through the use of various types of punishment.

Key words: legal liability, concept of responsibility in law, evolution of responsibility, pre-revolutionary law, offense, punishment, old Russian law, history of law.

Государство в своем историческом развитии сталкивается с проблемой защиты общества от противоправных посягательств, охраны права собственности, общественного порядка и борьбы с преступностью. Эффективным средством её решения является развитие института юридической ответственности. Однако ряд положений, посвященных теории ответственности в праве, остается дискуссионным на протяжении многих лет. К одному из таких положений относится определение понятия юридической ответственности.

На наш взгляд, это представляет общую проблему для юридической науки, законодателя и правоприменительной практики, оставление без внимания которой может привести к неэффективной государственной политике в сфере профилактики правонарушений и борьбы с преступностью.

В связи с этим представляется актуальным исследовать эволюцию понятия «ответственность» в источниках отечественного права XI – начала XX веков. Это обусловлено тем, что социально-экономические преобразования, последовавшие за Октябрьской революцией 1917 г., привели к возникновению советского права, основанного на идеях марксизма-ленинизма и отрицавшего преемственность с дореволюционным русским правом, считавшимся инструментом эксплуатации трудящихся в руках буржуазии.

Идеологизированность и изолированность права советского периода, пренебрежение законодателя многовековым опытом, накопленным отечественным правоведением, привели к искаженному пониманию его правовых институтов. Кроме того, концепция разделения ответственности на позитивную и негативную, зародившаяся в 60-х годах XX в., только добавила противоречий и отдалила законодателя от единообразного понимания указанного явления.

В свою очередь, современное российское право унаследовало традиции права дореволюционного и советского периодов, что послужило основой для еще большего многообразия подходов к содержанию понятия ответственности. Поэтому обращение именно к источникам дореволюционного права может послужить основой для преодоления разногласий в этой области знания.

Несмотря на всестороннюю изученность института ответственности в праве, современная юридическая наука не может однозначно определить исторический период включения понятия «ответственность» в язык правового общения.

Например, Ю.И. Гревцов на этот счет заключает: «Считается, что понятие "ответственность" (и не только в русском языке) появилось сравнительно недавно, примерно в конце XVIII века (определение "ответственный" имеет более глубокую историю). Понятие "ответственность" начинает использовать-

ся в философской литературе во второй половине XIX века, впервые термин "ответственность" ввел в философию А. Бэн в книге "Эмоции и воля", изданной в 1959 году» [2, с. 201].

Неоднозначный подход к временным оценкам отражает неопределенность в юридической науке относительно круга общественных отношений, регулируемых институтом ответственности на определенных исторических этапах развития общества. На наш взгляд, решение данного вопроса может послужить основой для конкретизации содержания ответственности в современном российском законодательстве, точного размежевания с институтом наказания и иными видами социальной ответственности.

Древняя Русь на определенном этапе своего исторического развития стала нуждаться в законодательном закреплении универсального регулятора общественных отношений, способного разрешать конфликты между их участниками, дистанцировавшись от правоохранительных механизмов, унаследованных от первобытнообщинного строя (изгнание из общины, кровная месть и т.п.). Это обусловило необходимость создания специального терминологического аппарата, понятного всем участникам правоотношений.

Юридическая ответственность, по мнению Н.В. Козловской, может быть представлена «как результат вербализации специального концепта, то есть мыслительного предмета, содержащего как объективные знания о мире, так и субъективные моменты, включающие результаты категоризации и концептуализации знания» [4, с. 42]. Приняв изложенное во внимание, можно прийти к выводу, что понятие ответственности изменялось в различные периоды развития русской государственности.

Нельзя утверждать, что отечественная правовая мысль на протяжении всей своей истории употребляла термин «ответственность», тем более четко разграничивала его с более традиционными и ясными элементами правового быта, такими как наказание, кара, казнь и т.п. В то же время не вызывает сомнения тот факт, что совокупность общественных отношений, регулируемых понятием «ответственность», в современном значении существовала до введения его в научный оборот.

Однако наиболее точно определить время начала становления понятия «ответственность», его содержание и область его применения можно, лишь исследовав памятники отечественного права, которые могут содержать терминологию, близкую по значению изучаемому явлению.

Русская правда, составляющая основу русского права вплоть до XV-XVI вв., не употребляла лексических единиц, близких по значению слову «ответственность», равно как и слову «наказание». Кру-

общественных отношений, регулируемых этими правовыми нормами в современном понимании, определялся простым перечнем последствий для нарушителя практики общественного быта. К таким последствиям отнесены вира, головничество, поток и разграбление и др.

Но уже в правовых актах XIV-XV вв. можно отметить повсеместное использование понятий, однокоренных слову «ответственность», таких как «отвечать», «ответчик», «отвечивать» и «отвечаючи».

Например, ст. 12 Новгородской судной грамоты гласит: «А кои истец похочет искать наезда или грабежа и земли вдруг, ино другому истцу ему отвечать» [17, с. 75]; ст. 15 Новгородской судной грамоты определяет: «А кому будет отвечивать, а креста не целовав на сей грамоте, ино ему крест поцеловав да отвечать» [17, с. 76]. В то же время Псковская судная грамота лишь однажды упоминает выражение: «И сябры вси станут на суду в одном месте отвечаючи» [6, с. 13].

Кроме того, в указанных памятниках употребляются схожие по смыслу понятия «казнить» или «казнити». Так, Новгородская судная грамота гласит: «А почнет хорониться от приставов, ино его казнить всим Великим Новгородом» [17, с. 78]. А Псковская судная грамота устанавливает следующую норму: «Что бы и на посад (е) но крадется ино двожды е пожаловати, а изличив казнити по его вине» [6, с. 2]. Стоит отметить, что в пореформенное время отечественный историк Н.Н. Мурзакевич составил пояснительный словарь к тексту Псковской судной грамоты, где определил понятия «казнить» как «наказывать», «взыскивать» [7, с. 6].

Вышеуказанные примеры позволяют заключить, что в период феодальной раздробленности в наиболее экономически и политически развитых частях Древнерусского государства, таких как Новгородская и Псковская республики, право начало отходить от простого перечисления последствий правонарушения. Вместо этого посредством понятий «отвечать», «отвечивать», «отвечаючи» и «отвечяти» оно начало определять в общем значении правовую реакцию государства на ущерб его устоям.

Стоит отметить, что Новгородская и Псковская республики, будучи крупными центрами торговли того времени, строили правовую систему для регулирования товарно-денежных отношений, спецификой которых являлось прежде всего личное обогащение, поэтому было сложно декларировать, что неисполнение обязательства причиняло вред всему государству. В этой связи понятия, близкие по значению слову «ответ», часто употреблялись совместно со словом «истец», что отражает гражданско-правовую природу понятия «ответственность». В свою очередь, можно предположить, что когда вред причинялся публичным отношениям, например Великому Новгороду, то

употреблялись понятия, близкие по значению слову «наказание».

Судебник 1497 года, явившийся первым сводом феодального права Русского централизованного государства, продемонстрировал преемственность по рассматриваемому вопросу с правовыми актами предыдущего периода. Он твердо закрепил понятие «ответчик» в современном понимании и употреблял термин «казнить» наряду с выражением «казнить смертной казнью». Например, ст. 36, посвященная процедуре обращения к правосудию при имущественных спорах, определяет, что «а кто ишеа или ответчик сам не поедет ко ответу, а пришет в свое место срока отписывати» [24, с. 179], а ст. 8, посвященная вопросам уголовного права, гласит: «А доведуть на кого татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью» [25, с. 172].

Но уже Судебник Царя Иоанна IV Грозного, ставший основным источником права периода сословно-представительной монархии в России, развил исключительно положения о наказании, повсеместно вводя понятие «казнить торговой казнью», отмененное лишь в 1845 г. с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Кроме того, ст. 6 установила положение «сверх его вины казнити», что, по мнению В.Н. Татищева, который первый провел его историко-правовое исследование в 1733 г., ещё до обнаружения в 1817 г. рукописи Судебника 1497 г., понимается как «тяжчайшее наказание» [19, с. 15].

Судебник Царя Федора Иоанновича ограничился использованием понятий более ранних источников: например, отвечать перед судом в ст. 135 употребляется как «отвечяти перед тем судиею» [18, с. 37].

Соборное Уложение 1649 г. употребляет такие понятия, как «наказанье» и «казнь», тем самым обобщив неблагоприятные последствия для правонарушителя. Так, в ст. 2 главы IX говорится: «Да тем же мытчиком и перевозьщиком и мостовщиком учинити наказанье, бить кнутом» [20, с. 92], а в отдельных нормах стал употребим термин «к ответу» [20, с. 147] в понимании «призвать к действию».

Артикул Петра I, посвященный законам о воинских преступлениях, в артикуле 40 использовал термин «ответ дать», который раскрывался однозначным перечнем последствий для офицера, нарушившего порядок несения караульной службы, а именно: «оный имеет живота лишен быть, аркебузировав (расстрелян)» [1, с. 16].

Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения, основное внимание уделял вопросам наказания и лишь единожды в ст. 523, посвященной заключительным положениям, упоминал слово «ответство-

вать» в современном значении «ответить на вопрос» [8, с. 142].

Таким образом, начиная с середины XVI в. до конца XVIII в. законодатель не развивал положения об ответственности, а ограничивался перечислением видов и размера наказаний за нарушение закона.

Период правления Александра I положил начало глубокому преобразованиям в области права и государственного управления. В частности, можно увидеть, что уже в первые годы его правления полицейское законодательство использовало термин «ответствовать» в близком значении к его современному понятию «ответственность». Так, Указ от 24 октября 1803 г. «О средствах к исправлению полиции в городах» предписывал, что «издержки на содержание Полиции и её штата из городских доходов, назначаемые в каждом городе, должны быть приведены в известность и подчинены ежегодной ответственности и отчету» [17, с. 88].

В это же время М.М. Сперанский, стоявший во главе процесса реформирования государства и права, проводимого в первой трети XIX в., в проекте Уголовного уложения Российской империи 1813 г. сделал попытку введения в научный оборот и законодательную практику термина «ответственность», отделив его от более понятного и устоявшегося термина «наказание». Так, устанавливая общие начала о наказаниях за нарушения обязанностей по службе, § 293 определяет, что «виновный в сём преступлении освобождается от должности и не подлежит именно какой-либо высшей степени наказания и ответственности» [10, с. 93].

Определяя соотношение между обозначенными терминами, можно предположить, что ответственность рассматривается как дополнение к наказанию. Например, § 226 «Дальнейшая ответственность присвоителя» гласит: «Сверх оных наказаний, завладевший насильственно, отвечает за все нанесенные убытки и вред вознаграждением» [10, с. 54], а § 327 «Дальнейшая ответственность обличенного во взятках» устанавливает: «Сим наказанием, обличенный во взятках не освобождается от ответственности за все убытки и вред, частным лицам неправосудием его нанесенные» [10, с. 108].

В целом Проект Уложения Российской империи 1813 г. упоминает ответственность в связи с наказанием и последствиями правонарушения. Например, предусматривая ответственность участников бунта за вред [10, с. 24-25] и ответственность несостоятельного поручителя [10, с. 190], его основная часть посвящена наказанию и его видам.

Таким образом, в начале XIX в. благодаря идеям М.М. Сперанского именно в уголовном законодательстве феномен ответственности начинает приобретать современные очертания.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., представлявшее собой воплощение деятельности по созданию нового Уложения, начатой М.М. Сперанским, разделяло институты наказания и ответственности. Как следует из самого названия документа, большая его часть посвящена назначению различных видов наказания. Однако, как и в проекте Уголовного уложения Российской империи 1813 г., применительно к должностным лицам, чья деятельность регулировалась разнородными правовыми актами, наряду с «наказанием» применялось понятие «ответственность». Так, статья 513 предписывала, что «в случаях, неозначенных именно в сем Отделении, или же в других постановлениях о обязанностях и ответственности Казначеев и других чиновников, коим вверяется хранение денежных сумм, они за всякое упущение или злоупотребление в отправлении своей должности подвергаются: взысканиям и наказаниям» [21, с. 222-223].

Тем самым понятие «ответственность» обобщало все инструменты уголовно-правовой репрессии в отношении различных чиновников, обладавших личной свободой и зачастую имевших в сословном обществе привилегированное положение.

Последующие издания Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, принятые после реформ Александра II, продолжали использовать понятие «ответственность», при этом увеличивая круг субъектов, в отношении которых применялось это понятие, а также расширяя область его применения.

Редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. дополнена отделением «Об ответственности по службе лиц табако-акцизного ведомства и о взысканиях с них» [22, с. 194-195], кроме того, некоторые вновь введенные положения, посвященные нарушениям постановлений о книгопечатании и торговле книгами, на основе понятия «ответственность» приобрели абстрактное содержание, что сделало их менее казуистичными. Так, статья 1041 во избежание перечисления в остальных нормах субъектов преступления и конкретизации их наказания приводила перечень «ответственных лиц за содержание напечатанных или литографированных сочинений», а также устанавливала, что «мера ответственности каждого из вышеозначенных лиц определяется судом, смотря по степени участия в преступлении» [22, с. 273]. В дополнение к этому редакция 1866 г. в ст. 1043 выделяла одну разновидность ответственности, а именно «прямую ответственность» [22, с. 273].

Редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. продолжила вектор развития феномена ответственности, заложенный в предыдущих изданиях. Это обусловило, что ответственность за некоторые преступления в сфере экономики стала разделяться на «личную» и «имущественную» [23,

с. 357], но в целом законодатель не приблизился к формированию общего понятия ответственности.

На наш взгляд, изменения, вносимые в Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., наглядно иллюстрируют, с одной стороны, рост интереса к феномену ответственности как инструменту обновления законодательства, а с другой – неопределённость в его понимании.

Это связано с тем, что изменения в государственном устройстве России, в результате которых произошла абсолютизация власти монарха, отодвинули на второй план диспозитивные начала феномена ответственности, заложенные во времена Древнерусского государства, и приблизили его по содержанию к понятию «наказание», которое всегда развивалось в императивных нормах права. Вместе с тем можно отметить, что понятие «ответственность» подразумевало определённую процедуру.

Вышеуказанные выводы, а также наличие в памятниках отечественного права терминологии, близкой по значению слову «ответственность», делает необходимым обратить внимание на его словообразование и определение в справочной литературе, а также соотнести его с термином «наказание».

Этимологический словарь славянских языков дает реконструкцию праславянского слова *otъvѣtъ*. В старославянском языке *otъvѣtъ* [отвѣтъ] имеет значение «ответ», «решение, постановление, указание»; *otъvѣtъ сътворити, дати, otъvѣщати* – вынести приговор; *otъvѣtъ пригати* – узнать приговор, быть приговоренным, получить указание, отчет, защита оправдание; *без otъvѣта* – без оправдания, без прощения, не заслуживающий прощения; *поставити к otъvѣту* – заставить отвечать за что-либо [26, с. 82].

Близкое по содержанию слово «наказание» является производным протославянского *nakazanbje* и по старославянски звучало «наказати» в значении «воспитание, наставление, расплата, возмездие, мучение, тяжелая жизнь, кара, казнь, учение, научение, наставление, поучение, приказ, повеление, указание». Церковнославянский язык употреблял глагол «наказовати» в значении «наставлять, укорять, учить, воспитывать, просвещать кого-либо, приказывать, повелевать, наказывать, карать» [27, с. 120-122].

Можно заключить, что ещё на стадии своего зарождения понятие «ответственность» имело правовую окраску, тогда как «наказание» представлялось смешением теологических и правовых представлений о последствиях совершенного проступка.

Словарь старославянского языка IX-XII вв. содержит понятие «наказание» и понимает его как воспитание, наставление [15, с. 233], там же указано слово «ответ» (*responsum, responsio*) как указание, постановление, приговор, отчет, расчет, извинение, защита, оправдание [15, с. 594-595].

В свою очередь, в справочной научной литературе конца XIX в. латинские слова *responsum, responsio* понимались как «ответ или ответственность (привлечь к суду)», а *respondere* считалось употребимым в значении «отвечать за кого, за что, брать на себя ответственность, ручаться» [11, с. 234].

Словарь русского языка XI-XVII вв. трактует старославянское слово «отвечати» как нести ответственность за что-либо, быть ответчиком в суде и относит его появление в литературных памятниках к 1284 г. [13, с. 197].

Указанные источники позволяют сделать вывод о том, что понятия «ответственность» и «наказание» в современном понимании начали формироваться независимо друг от друга в период Древнерусского государства и права. Оба применялись в связи с нарушением общественного уклада, но понятие «ответственность» заключало в себе указание на применение государством норм процессуального права, когда наказание представляло собой непосредственно санкцию за правонарушение. В свою очередь, строгое разграничение в их употреблении не предусматривалось.

В XVIII веке под наказанием в общезыковом употреблении понималось «учинение побоев; выговора кому; или карание каким-либо образом за преступление; наказание в законах главный имеет предмет воздержатъ народ от преступлений» [12, с. 367-368].

Словарь русского языка XVIII в. одним из значений слова «отвѣтитъ» называет «быть в ответе, нести ответственность за кого-либо, за что-либо» [14, с. 204].

Изданный в середине XIX в. словарь церковно-славянского и русского языка понимает под наказанием возмездие за вину, кару, казнь [16, с. 371], «ответственность» (ответствие) как обязанность отвечать за что-либо, а слово «ответствовать» – давать ответ, отвечать, принимать на себя ответственность, ручаться [16, с. 99].

Изданный в пореформенное время толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля отмечает, что слово «ответственность» производное от слова «ответствие» и понимает под ней «ответ» в значении обязательного ручательства под страхом ответа, взыскания [3, с. 1292], а слово «наказанье» понимает в значении «кара» или «казнь» [3, с. 1010].

В свою очередь, толковый словарь русского языка начала XX в. определяет «ответственность» как «обязанность отвечать и объяснять о подведомственном и нести наказание за недобросовестную службу» [5, с. 396].

Как видно из представленных источников, отечественная справочная литература дореволюционного периода не имела ясного представления о значении

слова «ответственность». Объяснение его содержания через однокоренные слова «ответ», «отвечать», «ответствовать» создает круг в определении, что представляет собой логическую ошибку.

В этой связи выглядит обоснованным, что Новый энциклопедический словарь, явившийся последним экстралингвистическим сборником периода империи, подробно рассматривает гражданскую, уголовную, дисциплинарную ответственность должностных лиц, министров, предпринимателей и судей и не дает единого определения термина «ответственность» [9, с. 882-893].

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что к началу XX в. феномен ответственности стал носить многоаспектный характер и по-разному понимался в основных отраслях права, что само по себе являлось препятствием к формированию единого понятия ответственности. С другой стороны, термин «ответственность» был понятным участникам правоотношений, а очевидность его содержания предполагалась законодателем.

В то же время «наказание» рассмотрено как целостное понятие и в справочной литературе определено следующим образом: «Устанавливая порядок обязательного для граждан поведения, государство, вместе с тем вырабатывает ряд мер, направленных к поддержанию устойчивости этого правопорядка и к противодействию нарушениям его» [9, с. 824].

Исследование справочной литературы, отнесенной к различным периодам развития русской государственности, в совокупности с памятниками отечественного законодательства позволяет увидеть ряд закономерностей в эволюции понятия «ответственность».

Во-первых, слово «ответственность» в его современном понимании пополнило словарный состав русского языка к началу XIX в. путем преобразования слова «ответ», всегда являвшегося частью рус-

ского языка, потому было понятным всем участникам правоотношений.

Во-вторых, в связи с усложнением товарно-денежных отношений на рубеже XIV-XV вв. слово «ответ» начало приобретать юридическую окраску, преимущественно в гражданско-правовом значении. В свою очередь, для отношений, близких по характеру к публичным в современном понимании, параллельно с производными от слова «ответ» употреблялись слова, близкие по значению слову «наказание». В исторической перспективе это привело к появлению двух самостоятельных институтов права: ответственности и наказания, дискуссия о соотношении которых актуальна до настоящего времени. Тем не менее понятие «ответственность» всегда понималось шире, чем «наказание», и обещало перечень возможных неблагоприятных последствий для правонарушителя.

В-третьих, частью процесса совершенствования законодательства в период абсолютизма явились, с одной стороны, расширение количества правоотношений, урегулированных посредством понятия ответственности, а с другой стороны, утрата его диспозитивных начал, заложенных в период феодальной раздробленности.

В-четвертых, с момента начала своего формирования понятие «ответственность» использовалось в правоохранительных отношениях прежде всего в негативном аспекте и применялось для обозначения государственной реакции на правонарушение без конкретизации неблагоприятных последствий, которые, в свою очередь, реализовывались посредством применения различных видов наказания.

На наш взгляд, обозначенные выводы могут послужить основой для формирования единого понятия ответственности, что в дальнейшем позволит конкретизировать его в правовых актах, посвященных отдельным отраслям права.

Литература

1. Артикул воинский с кратким токованием и с процессами, напечатался повелением Императорского Величества. Печатан третьим теснением при Императорской Академии наук. 1777. 146 с.
2. Гревцов Ю.И. Проблемы юридических конструкций ответственности // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 200-203.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.; т. 2: И-О. СПб.-Москва: Издание т-ва М.О. Вольф, 1865. 2030 с.
4. Козловская Н.В. Русская философская терминология конца XIX-XX вв. М.-СПб.: САГА, 2017. 188 с.
5. Краткий толковый словарь русского языка / сост. П.Е. Стоян. СПб.: Изд. В.Я. Макушкина, 1913. 704 с.
6. Мурзакевич Н.Н. Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. Издана по списку, хранящемуся в библиотеке князя Михаила Семеновича Воронцова. Одесса, 1847. 40 с.
7. Мурзакевич Н.Н. Псковская судная грамота (1397-1467). 2-е изд. Одесса, 1868. 65 с.
8. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. [и с предисл. Н.Д. Чечулина]. СПб., 1907. 175 с.
9. Новый энциклопедический словарь / под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. Петроград: Изд-во Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон: в 29 т. Ньюфаундленд-Отто, 1916. Т. 29. Ч. 4. 960 с.
10. Проект уголовного уложения Российской Империи. СПб., 1813. 115 с.

11. Русско-латинский словарь / сост. В. Мусселиус. СПб.: Издание К.Л. Риккера, 1891. 424 с.
12. Словарь Академии Российской: в 6 ч.; ч. III: от З до М. СПб., 1792. 1388 с.
13. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 13 (Опасъ-Отрабыватися) / гл. ред. Д.Н. Шмелев. М., 1987. 314 с.
14. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 17 (Онй-Открутить) / гл. ред. З.М. Петрова. СПб., 2007. 253 с.
15. Словарь старославянского языка: в 4 т. Репр. изд. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006. Т. 2. 1054 с.
16. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук: в 4 т. СПб., 1847. Т. 2. 471 с.
17. Собрание узаконений по полицейской части со времени издания Устава благочиния до 1817 года. СПб.: Сенат. тип., 1817. 127 с.
18. Судебник царя Федора Иоанновича 1589 г. По списку собрания О.О. Мазурина. М., 1900. 56 с.
19. Татищев В.Н. Судебник государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его приемников указы. 2-е изд. М., 1786. 270 с.
20. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для высш. шк. М.: Изд-во Московского ун-та, 1961. 444 с.
21. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Изд. в тип. Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 898 с.
22. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с разъяснением кассационных департаментов Правительствующего Сената, с прибавлениями всех изменений и дополнений, исследовавших после издания 1866 года, и с ссылками на статьи Свода Законов, которые содержатся в Уложении. В конце книги приложен подробный алфавитный указатель. М.: Типограф. А.И. Мамонтова, Бол. Дмитровка, № 7. Грачева и К, на Пречистенке, 1867. 159 с.
23. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. С подробным предметным алфавитным указателем. Текст Уложения по изданию 1885 г. и по продолжению 1906 г. / сост. Л.М. Ротенберг. Екатеринбург: Типография Артели Екат. Раб. Печат. Дела, 1909. 570 с.
24. Хрестоматия по истории отечественного государства и права: учебное пособие / сост. И.Ю. Маньковский. Барнаул, 2014. Ч. 1. 246 с.
25. Хрестоматия по истории русского языка / сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М., 1990. 496 с.
26. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 39 (*otъteti - *ozgqba) / под ред. А.Ф. Журавлева. М., 2014. 242 с.
27. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 22 (*nadeliti - *narodb) / под ред. О.Н. Трубочева. М., 1995. 255 с.

УДК 340.132

Н.И. Сухова, канд. юрид. наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: sukhova777@yandex.ru

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНА В КОНСТРУКЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ

В представленной статье рассматривается проблема действия закона, имеющая многоаспектный характер. Одной из сторон этой проблемы выступают присущий процессу правового регулирования феномен нейтрализации регулятивных свойств закона и приведение их к нулевому показателю.

Для рассмотрения процесса снижения действенности закона и установления правомерности использования понятия «нейтрализация» автором анализируется семантическое значение последнего, особенности его использования в различных сферах научного знания, особенно в юриспруденции, где к указанному понятию прибегают в качестве общесоциального средства выражения явлений, связанных с обстоятельствами полного или частичного бездействия норм права.

Имеющиеся в научной литературе наработки по данной проблематике, их критическая оценка и элиминирование позиций, нуждающихся в дополнительной аргументации, стали основой предложенной автором конструкции нейтрализации закона.

Ключевые слова: противодействие осуществлению закона, нейтрализация действия закона, формы нейтрализации закона, правотворчество, правовое регулирование, механизм нейтрализации права, правореализация, юридическая сила закона.

N.I. Sukhova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Saratov State Law Academy

E-mail: sukhova777@yandex.ru

NEUTRALIZATION OF THE LAW IN THE CONSTRUCTION OF COUNTERACTION TO ITS IMPLEMENTATION

The author of the presented article considers the problem of the operation of the law, which has a multidimensional character. One of the sides of this problem is the phenomenon inherent in the process of legal regulation of neutralizing the regulatory properties of the law and bringing them to zero.

To consider the process of reducing the effectiveness of the law and establishing the legality of using the concept of «neutralization», the author analyzes the semantic meaning of the latter; the features of its use in various fields of scientific knowledge, especially in jurisprudence, where this concept is resorted to as a general social means of expressing phenomena related to the circumstances of complete or partial inaction of legal norms.

The available scientific literature developments on this issue, their critical assessment and elimination of positions that need additional argumentation became the basis of the proposed construction of the neutralization of the law.

Key words: counteraction to the implementation of the law, neutralization of the law, forms of neutralization of the law, law-making, legal regulation, mechanism of neutralization of the law, legal implementation, legal force of the law.

Противодействие осуществлению закона как присущее правовому регулированию явление, детерминированное множеством объективных и субъективных факторов, характеризуется наличием целевой составляющей, заключающейся в нейтрализации регулятивных возможностей закона и распространении их на конкретное правоотношение.

Понятие «нейтрализация» широко используется как в естественной, так и в гуманитарной сферах научного знания. Его смысловая и содержательная нагрузка формируется с учетом контакта с определенными знаниями и процессами естественных, технических и гуманитарных наук, как и его номинативная функция в этих науках.

Имеющее латинские корни (лат. *neutralis* – не принадлежащий ни тому, ни другому) понятие «нейтрализация» в общелексическом значении определяется как ослабление, уничтожение силы, влияния кого-, чего-либо [2]; придание действиям и субъектам действия беспристрастности, устранение в них нежелательных, вредных проявлений; обезвреживание, подавление; отрицание ответственности, вины, перенесение их на невиновных, в т.ч. на пострадавших [8].

Трактовки понятия «нейтрализация», данные в словарях, позволяют считать, что оно отражает процесс и результат, ведущие к ослаблению прежних свойств того или иного явления, к потере им онтологического тела и функциональных возможностей.

Привычной для правового регулирования является схема, когда закон выступает средством вытеснения уже сложившихся отношений и правил, по которым они развиваются, противоречащих общей концепции развития и регулирования, или отношений, складывающихся в обход закона и т.д. Наряду с этой повседневной нейтрализацией со стороны закона в юридической сфере имеет место нейтрализация, приобретающая негативное неправомерное значение, когда направлена на вывод из строя объектов, находящихся под охраной права.

Такая модель неправомерной нейтрализации использована при конструировании диспозиции нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 273 УК РФ [9]. В данном случае нейтрализация представляет собой совершение противоправных действий, объектом которых выступают отношения в сфере развития информационных технологий, компьютерной информации и программного обеспечения («негатив» на «позитив» → 0 – запрещено и уголовно наказуемо).

Однако и в этом случае уголовный закон выступает средством предотвращения, предупреждения уголовно наказуемых деяний, иными словами, допуская тавтологию, инструментом нейтрализации уголовно наказуемой нейтрализации нормального и необходимого порядка жизни.

Этот простой пример из области уголовно-правовых отношений играет роль создания условий диссонанса в познании другой нейтрализации, когда закон выступает не средством, а объектом нейтрализации, позволяющей заинтересованным лицам снизить, исключить, свести к нулю его действенность, чтобы создать для себя более выгодные условия правового климата развития отношений.

Надо понимать, что границы противодействия осуществлению закона не определяются только уголовно-правовой сферой отношений, они значительно шире. Нейтрализация закона может происходить в отношениях, регулируемых разными отраслями права с участием соответствующих субъектов, в т.ч. субъектов правотворчества. Следовательно, ее выражение может принимать более сложный характер, не всегда оцениваемый в качестве противоправного.

Богата на примеры противодействия закону и его нейтрализации сфера уголовно-процессуальных отношений, в частности расследования преступлений. В данном случае со стороны лиц, совершивших преступления, свидетелей и адвокатов умышленно могут совершаться поведенческие акты, которые затрудняют или затягивают ход предварительного расследования, а значит уменьшают действенность или нейтрализуют действие уголовно-процессуального закона. При этом не все подобного рода умышленное поведение принимает противоправную форму.

Так, в рамках изучения противодействия расследованию преступлений и его места в структуре противоправной и непротивоправной деятельности представителями соответствующей отраслевой науки высказана позиция, согласно которой противодействие расследованию преступлений – явление, существующее в объективной действительности после возбуждения уголовного дела, представляющее собой комплекс умышленных противоправных и иных умышленных деяний субъектов противодействия, целью которых выступает воспрепятствование в ходе предварительного расследования установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию [6, с. 14].

В данной работе понятие «нейтрализация» раскрывается в таком значении, когда она в качестве объекта имеет закон и связана с процессом воздействия на его регулятивные возможности в целях сведения их к ничтожно малому значению или отведения их от конкретного общественного отношения. В таком аспекте нейтрализация выступает непривычным для исследователей явлением, хотя и не исключающим полностью их внимания.

При анализе состояния права и правового регулирования некоторые авторы приходят к выводу о том, что реальные общественные отношения не всегда регулируются официальным позитивным правом. Часто регулятивную функцию выполняют нормы

так называемого «реального права», имеющие иной механизм возникновения и введения в действие [1, 3, 4, 5]. По мнению С.А. Денисова, в обществе, где наблюдается раскол между правом официальным и реальным, создается механизм нейтрализации норм официального права, включающий в себя систему инструментов блокирования действия декларируемых норм [5, с. 152]. При нейтрализации нормативный правовой акт формально не отменяется, но его нормы не действуют или действуют только отчасти, выборочно.

Под механизмом нейтрализации норм права С.А. Денисов понимает систему причин и условий, обеспечивающих полное или частичное бездействие норм права страны. Если действие этого механизма приводит к полному параличу нормы, то его следует обозначать как механизм блокирования действия нормы права. При этом нормы не устраняются и не изменяются, а превращаются в пустые декларации, пополняя число «мертвых» или «спящих» норм. Представленная конструкция механизма нейтрализации норм официального права включает социальные, экономические, политические, идеологические и правовые элементы – препятствия реализации норм [4, с. 199-206].

Схожие рассуждения об интересующем нас явлении можно встретить в энциклопедическом словаре, посвященном правам человека. Здесь под механизмом нейтрализации (блокирования) прав человека понимаются экономические, социальные, политические, идеологические и юридические препятствия, стоящие на пути реализации норм права, закрепляющих права человека, и на пути их защиты. Препятствия могут носить как объективный (экономическая отсталость государства, неспособного обеспечить реализацию прав человека второго поколения), так и субъективный (неуважение должностных лиц государства к правам человека) характер [7, с. 251].

В целом признавая когнитивную значимость приведенных позиций о нейтрализации правовых норм, поддерживая идею о ней, все же укажем на некоторые моменты, вызывающие определенные сомнения в ее содержании и в рассуждениях ее автора. Сформулированные аргументы будут не только направлены на изобличение возможной ошибочности представленного взгляда, но и создадут основу нашего понимания нейтрализации закона применительно к исследованию противодействия ему.

Во-первых, обращает на себя внимание трактовка понятия «нейтрализация». В одной из работ С.А. Денисов поясняет, что нейтрализация означает, что конституционные нормы не действуют или действуют выборочно [3, с. 2]. Конечно, нейтрализация, как показал семантический анализ этого термина, связана со своеобразным обнулением регулятивной

силы нормы права или нормативного правового акта, в котором они выражены. Но в позиции названного автора никак не прослеживается путь к такому состоянию нормы. Кроме того, неясно соотношение нейтрализации в представленном понимании и феномена «мертвых» норм.

Нейтрализация, по нашему мнению, всегда является результатом поведенческих актов со стороны заинтересованных лиц, имеющих в распоряжении правовые средства, позволяющие нейтрализовать норму или, как в нашем случае, закон. Нейтрализация вызывается осознанным и умышленным противодействием этих лиц осуществлению закона. В этом смысле нейтрализация выступает следствием, результатом производимого противодействия.

Отсутствие у норм необходимой характеристики средства регулирования отношений может быть обусловлено не только нейтрализацией как проявлением поведения заинтересованных субъектов, нормы могут перестать проявлять свои характерные черты как средства регулирования правовых отношений и в случае, когда последние значительно изменились или вовсе перестали существовать, а необходимые изменения в нормативную базу внесены не были. Естественно, норма лишается «среды жизнедеятельности» и превращается в недействующую, «мертвую». Вряд ли в этом случае можно найти следы нейтрализации в понимании, раскрытом в словарях.

Думается, что нейтрализация не всегда имеет место и тогда, когда «мертвые» нормы появляются не после исчезновения отношений, которые должны ими регулироваться, но и до этого, на этапе правотворчества. В данном случае речь идет не о нейтрализации именно этой нормы, как у критикуемого автора, а о недопустимых просчетах законодателя, свидетельствующих о его некомпетентности и низкой культуре и т.п. Однако смеем утверждать, что правотворческие субъекты имеют в распоряжении такую богатую инфраструктуру по обеспечению процесса создания правовых регуляторов, что все чаще приходится сомневаться в небрежности осуществления правотворческой функции. Наоборот, складывается впечатление, что при наличии широких возможностей изучения реальной обстановки, привлечения научных центров к этой деятельности «мертвые» нормы создаются умышленно. Особенно это явно прослеживается в делах о конкуренции интересов различных социальных групп, обязанностей граждан и государства, соотношения материальных и процессуальных норм и др.

В свою очередь, установление умышленной формы поведения в каждом случае создания недействующих норм весьма затруднительно, если не сказать, невозможно. Вместе с тем нельзя отвергать, что рассматриваемый результат правотворчества становится рычагом противодействия реализации других норм,

актов, в т.ч. и законов, а потому мы предлагаем исследовать его в различных вариантах.

Во-вторых, сомнение вызывает предложенная категория «механизм нейтрализации норм права». Сначала следует указать на то обстоятельство, что не все совокупности явлений и процессов в объективной действительности вообще и в правовой в частности могут по праву обозначаться категорией «механизм». Для того чтобы имелись основания констатировать правомерность использования этой формы мышления, необходимо соблюдение нескольких требований, важными из которых являются однородность частей этого механизма и устойчивые внутренние связи между ними. Отсутствие указанных условий ведет к констатации отсутствия возможностей использования категории «механизм».

Как видно, указанные требования не соблюдены применительно к механизму нейтрализации норм права. Составляющими этого механизма выступают экономические, социальные, политико-организационные, идеологические факторы, называемые препятствиями, что показывает на их различную природу, скорее всего, не позволяющую объединять их категорией «механизм».

Анализируя категорию «механизм нейтрализации норм права» далее, проблема ее состава продолжает усугубляться. Дело в том, что элементы механизма на разных этапах и в разном сочетании призваны выполнять инструментальную функцию. При оценке названных составляющих получается, что они не средства, а внешние условия действия нормы права, имеющие экономический, политико-правовой характер и т.д. Другими словами, это как раз та социальная действительность, учитывать которую необходимо при создании норм права, становящихся при этом социально обусловленными. По этой же причине считаем, что называть их в полном смысле слова препятствиями тоже некорректно.

Полагаем, что указанные элементы содержания объективной действительности не могут быть элементами механизма нейтрализации и осуществлять ее. Они, несомненно, создают среду реализации правовых норм, но нейтрализация с необходимостью требует совершения активных или пассивных актов поведения с использованием определенного инструментария, снижающего регулятивную силу нормы или закона к нулевому значению.

Несмотря на отмеченное, вопрос о механизме нейтрализации закона или норм права все же представляется уместным. Более того, полагаем, что ответ на него приблизит нас к решению задачи по определению места нейтрализации закона в конструкции противодействия ему.

Поиск ответа на поставленный вопрос связан с атомарным рассмотрением нейтрализации закона и

противодействия осуществлению закона. Последнее представляет собой некий процесс, инструменты которого связаны между собой, замещают и усиливают действие друг друга. Поэтому больше оснований применения категории «механизм» имеется применительно к противодействию осуществлению закона на основании все тех же условий и правил.

Вместе с тем обращает на себя внимание часто имеющая место взаимозамена понятий при обозначении процесса и его результата. Совершение связки действий или стадий, образующих процесс, растянуто во времени и ведет к какому-то результату. Нейтрализация, выступающая итогом какого-то процесса, тоже появляется не одномоментно, напоминая тем самым процесс. Например, приведенный анализ использования понятия «нейтрализация» в химии связан с воздействием одного вещества на другое. Процессом в данном случае выступает химическая реакция, результатом – нейтрализация. Но предвидение этого итога допускает замену наименования процесса химической реакции процессом нейтрализации, т.е. применение мер противодействия терроризму и его распространению – процесс, предусматривающий выработку модели механизма средств осуществления названной деятельности, ведущей к нейтрализации террористических формирований. Однако путь к нейтрализации не близок, да и сама она представляет процесс.

Считаем, что именно это выступает причиной появления идей о некоем механизме нейтрализации, нейтрализации как процесса, а не результата. Кажется, что нейтрализация осуществляется ради самой себя: процесс нейтрализации заканчивается нейтрализацией. Все это не имеет принципиального значения в случае необходимости описывать практическую сторону происходящего феномена, но с теоретической точки зрения нейтрализация представляет собой итог планомерных, осознанных действий и совершения операций. Подчеркнем, что в нашем случае нейтрализация выступает результатом действия и применения средств по противодействию осуществлению закона, который может иметь место в разных формах и на разных уровнях действия закона.

В-третьих, недостаточно полно выглядит правовой блок нейтрализации норм критикуемого нами подхода. Среди инструментов нейтрализации выделяют: средства юридической техники, процессуальные нормы, нейтрализация юридической ответственности лиц, на которых возложена обязанность по исполнению норм права, отсутствие санкций. По сути, только этот блок может с учетом указанных аспектов представлять часть механизма нейтрализации, если бы таковой имел основания экзистенции.

Однако содержание замечания сводится не к этому умозаключению, а к тому, что при более вни-

матерном рассмотрении этих инструментов видна преимущественная сфера их применения – уровень правотворчества. При этом нейтрализация норм права может иметь место и на других уровнях, например в правореализации, осуществляемой в известных формах. Причем правовые инструменты такой нейтрализации широко представлены в действующем праве (обход закона, злоупотребление правом, фиктивная сделка и др.).

Наконец, отмеченный спектр инструментов нейтрализации норм права ведет к появлению идеи о более широкой сфере ее проявления. Ограничивать нейтрализацию правовых норм только сферой правотворчества, исходя из данных юридической практики, вряд ли оправданно и целесообразно.

Изложенные сомнения по поводу имеющих в результатах научных исследований подходов к пониманию нейтрализации норм права, выражающие одновременно контуры нашего видения на данную проблему, позволяют резюмировать последнее в следующих положениях:

1. Нейтрализация закона связана с поведением субъектов общественных отношений, содержанием которого выступает совершение поведенческих актов, направленных на противодействие осуществлению закона и приведение его силы к нулевым показателям. При этом социальные, политические и идеологические факторы представляют собой внешние условия как разворачивания действия закона, так и противодействия ему, но нейтрализовать закон без участия сознательного субъекта не могут.

2. Нейтрализация закона с учетом семантического значения этого понятия позволяет относиться к ней прежде всего как к конечному результату правомерных или неправомерных мероприятий по приведению регулятивной силы акта высшей юридической силы к нулевым отметкам.

3. По причинам временного обособления нейтрализация закона принимает форму процесса противодействия закону, тем самым замещая его в словесно-грамматических конструкциях. Тем не менее момент, когда сила закона приближается к нулевой отметке, и является собственно нейтрализацией закона в ходе противодействия ему. В связи с этим смеем утверждать, что установить темпоральный разрыв между противодействием закону и нейтрализацией закона, подобно наипростейшей детерминационной связи причины и следствия, вряд ли удастся: каждому моменту противодействия осуществлению закона соответствует какой-то показатель его нейтрализации.

Противодействие закону имеет место на всех этапах действия акта высшей юридической силы, уровнях и стадиях, а потому и нейтрализация закона присутствует на этих же стадиях, этапах и уровнях, поскольку следует за противодействием, сопровождает его и выступает его результатом.

Таким образом, *нейтрализация действия закона представляет собой промежуточный или конечный результат противодействия его осуществлению, выражающийся в нулевом или приближенном к нулевому показателе его юридической силы, позволяющий заинтересованным субъектам отношений определять для себя наиболее благоприятный и менее затратный, но с разной степенью правомерности и противоправности путь удовлетворения своих потребностей и интересов.*

4. Диалектическая связь нейтрализации закона и нейтрализации противодействия осуществлению закона такова, что наличие первой вызывает осознанную необходимость нейтрализации самой себя и нейтрализации противодействия осуществлению закона. Иными словами, нейтрализация закона требует принятия мер по реанимированию закона и его места в механизме правового регулирования.

Литература

1. Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002. 165 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BD%D0%B5%D0%B9%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 14.09.2020).
3. Денисов С.А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 2-8.
4. Денисов С.А. Реальное государственное право современной России: монография: в 3 т. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. Т. 1. 348 с.
5. Денисов С.А. Реальное позитивное право в системе права // Теоретические и практические проблемы правопонимания: мат-лы III международной научной конференции (22-24 апреля 2008 г., Москва). М.: РАП, 2010. С. 148-155.
6. Пирбудагов Г.Н. Противодействие расследованию преступлений против жизни и здоровья: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 30 с.
7. Права человека: энциклопедический словарь. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 656 с.
8. Современный социоэкономический словарь. URL: <https://www.znaniium.com/read/628870> (дата обращения: 14.09.2020).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2020. № 31. Ч. 1. Ст. 5019.

УДК 342.25:349.414

Л.К. Фазлиева, канд. хим. наук, доцент

Казанский юридический институт МВД России

E-mail: LKFaz@mail.ru

РЕЗЕРВИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПОЛНОМОЧИЙ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРАВОВОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС

Резервирование земельных участков для муниципальных нужд приводит к ограничению прав титульных владельцев земельного права. Правоприменительным актом для резервирования земельных участков являются решения органов местного самоуправления, содержащие критерий «муниципальные нужды», в т.ч. и сохранение природного объекта. Автор провел критический анализ российского законодательства и правоприменительной практики в отношении полномочий органов публичной власти по резервированию земельных участков, который не позволяет выявить государственные или муниципальные нужды. Отсутствие в законодательстве критериев определения «государственные или муниципальные нужды» в сфере резервирования приводит к нарушению прав и законных интересов правообладателей земельных участков. В статье рассмотрены правовая позиция судебных органов, аргументация исследователей по обозначенной теме. Главным аспектом в решении вопроса местного значения по резервированию земельных участков является соблюдение баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: полномочия органов местного самоуправления, резервирование земельных участков, ограничение прав, государственные или муниципальные нужды, основания резервирования земель для государственных и муниципальных нужд, порядок резервирования земельных участков, баланс публичных и частных интересов.

L.K. Fazlieva, Candidate of Chemical Sciences, assistant-professor
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: LKFaz@mail.ru

THE RESERVATION OF LAND PLOTS THROUGH THE PRISM OF THE AUTHORITY OF LOCAL GOVERNMENT BODIES: LEGAL AND LAW ENFORCEMENT DISCOURSE

The reservation of land plots for municipal needs leads to the restriction of the rights of the title holders of land rights. The law enforcement act for the reservation of land plots are the decisions of local government bodies, containing the criterion of municipal needs, including the aspect of a natural object. The author conducted a critical analysis of Russian legislation and the law enforcement practice regarding, to the powers of local self-government bodies to reserve land plots, which does not allow identifying the needs of municipalities. The absence of criteria definitions as «state or municipal needs» in the sphere of reserving in the legislation leads to a violation of the rights and legitimate interests of the owners of land plots. The legal position of the judiciary and the argumentation of researchers on the designated theme were examined in the article. The main aspect in resolving the issue of local importance on the reservation of land plots is to maintain a balance of private and public interests.

Key words: powers of local self-governments, reservation of land plots, restriction of rights, state and municipal needs, reasons for reserving of lands for state and municipal needs, procedure of land reservation, balance of public and private interests.

Одним из вопросов местного значения, регламентированным в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее – закон № 131-ФЗ) (ст. 14, 15, 16.1), является резервирование земельных участков. Полномочия органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) в обозначенной области определены в отраслевом законодательстве, а именно в Земельном кодексе РФ (далее – ЗК РФ) (ст. 11, 56.1, 70.1).

Норма земельного законодательства (ст. 70.1 ЗК РФ) предусматривает две группы оснований резервирования земель для государственных или муниципальных нужд:

- первая группа оснований имеет бланкетный характер – применяются случаи изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд (ст. 49 ЗК РФ) как принудительного возмездного прекращения права частной собственности. Сформулированные основания в отраслевом законе коррелируются с нормами Конституции РФ и специальными федеральными законами, определяющими вопросы ведения и полномочия публичных органов соответствующего уровня. Так, ст. 49 ЗК РФ соприкасается с конституционной нормой (ст. 71), определяющей вопросы ведения РФ (выполнение международных договоров и др.). Изъятие (резервирование) земельных участков для региональных нужд прямо не предусмотрено в вопросах совместного ведения РФ и ее субъектов (ст. 72 Конституции РФ) и вопросах исключительного ведения субъектов РФ (ст. 73 Конституции РФ). Нормативной базой для установления полномочий региональных органов в указанной области является Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ст. 26.1). Изъятие (резервирование) земельных участков для муниципальных нужд также прямо не предусмотрено Конституцией РФ – в ст. 132 определена возможность решения ОМСУ вопросов местного значения. При этом перечень вопросов местного значения, в т.ч. резервирование земельных участков, установлен законом № 131-ФЗ (ст. 14, 15, 16.1);

- вторая группа оснований характерна для земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, на которых будут располагаться:

- стратегически значимые объекты как социального, так и оборонного значения;
- вновь созданные особо охраняемые территории федерального, регионального и местного значения;
- функционирующие особые экономические зоны;
- вновь построенные водохранилища и другие искусственные водные объекты.

Кроме этого, в п. 1 ст. 70.1 ЗК РФ определена возможность использования зарезервированных земельных участков для осуществления недропользования. В то же время наблюдается противоречивая судебная практика, показывающая трудности в доказывании критерия уникальности недропользования как вида предпринимательской деятельности и соответствие его публичным интересам.

В пункте 3 ст. 70.1 ЗК РФ предусмотрены дополнительные возможные основания резервирования земель, находящихся в публичной собственности:

- строительство и реконструкция объектов всех видов транспорта;
- автомобильных дорог федерального, регионального, межмуниципального, местного значения;
- других объектов единого недвижимого комплекса государственного или муниципального значения.

Следовательно, мы констатируем о существовании незакрытого перечня случаев резервирования земель для государственных или муниципальных нужд, т.к. ст. 70.1 ЗК РФ является бланкетной к ст. 49 ЗК РФ.

Существует аргументация исследователей (А.А. Воронцова [1, с. 139], П.П. Згонников [2, с. 46] и др.) об отнесении института резервирования земельных участков для государственных или муниципальных нужд к ограничению прав субъектов земельных отношений. Данная позиция авторов построена на нормах отраслевого закона (ч. 1 ст. 56.1 ЗК РФ). Более того, положения Конституции РФ предусматривают возможность ограничения прав на земельный участок на основании только федеральных законов (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Действительно, институт резервирования земельных участков для публичных нужд ограничивает титульных владельцев в правомочиях:

- владения земельным участком – устанавливает запрет на доступ третьих лиц к природному объекту (ч. 5 ст. 56.7 ЗК РФ);

- пользования земельным участком – сужает права собственников (землевладельцев, землепользователей, арендаторов) в соответствии со ст. 40 ЗК РФ;

- распоряжения земельным участком – приводит к его ограничению в обороте и запрету на предоставление в частную собственность. Так, в случае резервирования земельных участков для государственных или муниципальных нужд участник земельных отношений не сможет его приобрести в собственность из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в т.ч. бесплатно, а только в аренду без проведения торгов (подп. 13.2 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ).

Мы придерживаемся правовой позиции Конституционного Суда, изложенной в Определении от 27.06.2000 № 92-О [3], согласно которой невозможно объявление природных ресурсов исключительным

достоянием конкретного субъекта. Поскольку Конституцией РФ гарантирована защита и ограниченных вещных прав на земельный участок (ч. 3 ст. 35), для землепользователя (землевладельца) земельный участок является «своим имуществом» [5].

Отраслевым законом (ст. 70.1 ЗК РФ) установлено, что резервирование (от лат. *reservare* – сохранять) земельных участков осуществляется для государственных или муниципальных нужд. Однако, проводя скрининг законодательной базы, можно констатировать отсутствие дефиниции «государственные или муниципальные нужды». До 1 января 2014 г. российское законодательство содержало определения указанных терминов и раскрывало их через потребности федерального, регионального и местного уровней власти в товарах, работах и услугах, удовлетворяющиеся через бюджетные или внебюджетные источники для осуществления полномочий федеральных, региональных и муниципальных органов.

Указанный пробел в законодательстве был восполнен правоприменительным органом в Определении от 27.10.2015 № 309-КГ15-5924. Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) указал, что нужды (потребности) публичных образований удовлетворяются путем достижения общественно полезных целей. В то же время сформулированная правоприменительным органом дефиниция «государственные и муниципальные нужды» обуславливается потребностью в изъятии земельного участка, которая не закрепляет критерии определения общественно полезных целей и не раскрывает «интересы общества». Поэтому считаем целесообразным для устранения пробела на законодательном уровне и единообразия решений правоприменительных органов предусмотреть дефиницию «интересы публичной власти» в связи с изменениями Конституции РФ.

Принятие органами государственной власти или ОМСУ решений о резервировании земельных участков должно осуществляться в строгом соответствии с их полномочиями, предусмотренными ЗК РФ и федеральными законами. Существует правоприменительная практика, доказывающая необходимость строгого соблюдения публично-правовыми образованиями полномочий по резервированию земельных участков. Так, в правовой позиции ВС РФ от 26.10.2011 № 74-Г11-21 [4] указывается, что резервирование земельных участков для размещения объектов муниципального значения относится к вопросам местного значения муниципального образования, поэтому распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 15.09.2010 № 1025-р вынесено с нарушением компетенции органа управления.

В следующем примере из судебной практики отражено, как на уровне действующего законодательства четко определить, к какому уровню власти – фе-

деральному, региональному или местному – относится полномочие по резервированию земельных участков. Арбитражный суд Уральского округа по делу № А34-11682/2016 указал, что заявленные требования Росимущества в Курганской области о признании недействительным постановления от 25.05.2016 № 3452 «О резервировании земель для муниципальных нужд для строительства автомобильной дороги...» в части указания в приложении 2 земельных участков с кадастровыми номерами 45:25:020407:64, 45:25:020407:24 подлежат удовлетворению, т.к. ОМСУ не вправе распоряжаться земельными участками на территории муниципального образования, находящимися в федеральной собственности, в т.ч. принимать решения о резервировании для муниципальных нужд [7].

Возможность оспаривания актов (решений) органов публичной власти о резервировании земельных участков для государственных или муниципальных нужд по правилам гл. 24 АПК РФ предусмотрена в постановлении Пленума ВАС от 30.07.2013 № 58 [8], т.к. в них не содержатся нормы права и не определяются правила поведения титульных владельцев и уполномоченных органов, а лишь вводится специальный правовой режим на земельном участке в пределах территории.

Резервирование земельных участков для размещения объектов федерального, регионального и местного значения подчиняется также предусмотренным градостроительным законодательством принципам устойчивого развития территорий, обеспечивающимся принятием документов территориального планирования федеральным, региональным органом или ОМСУ (ч. 4 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ).

Обращаясь непосредственно к содержанию решений о резервировании земельных участков для публичных нужд, необходимо отметить, что оно должно включать перечень конкретных ограничений прав титульных владельцев на основании постановления Правительства от 22.07.2008 № 561. Однако на законодательном уровне такое полномочие публичных органов не закреплено. Более того, конструкция нормы ст. 56.1 ЗК РФ позволяет сделать вывод о том, что ограничения в использовании земельных участков могут возникнуть в связи с резервированием земель, а могут и не возникнуть.

Следовательно, должны быть установлены предельные границы ограничений в интересах публичной власти, затрагивающих права лиц. На данное обстоятельство обращает внимание Конституционный Суд РФ – «из конституционных принципов равенства и справедливости вытекают требования ясности и недвусмысленности правовой нормы» [6].

Обеспечение справедливого баланса между публичными и частными интересами в вопросах соблю-

дения всеобщих интересов и защиты индивидуальных прав заявителей – такая правовая позиция Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В постановлении ЕСПЧ от 23.09.1982 по жалобам № 7151/75 и 7152/75 указано о длительном ограничении (более 20 лет) прав собственников на основании решения органов публичной власти Швеции о разрешении на отчуждение участков правообладателей и запрещении на строительство на соответствующих участках в связи с планируемым размещением объектов транспортной инфраструктуры. ЕСПЧ признал ограничением прав возложение государством-ответчиком на собственников несоизмеримого и избыточного бремени, нарушающего ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции [10]. В других решениях ЕСПЧ прослеживается возможность установления ограничений по использованию земельных участков правообладателями. Так, в решении ЕСПЧ по делу C-44/79 (Hauer v. Land Rheinland-Pfalz) [9] было указано, что Регламент № 116/76 не противоречит основным началам права собственности, хотя содержит запретительные нормы о недопустимости высадки нового винограда независимо от качественных свойств земли в течение определенного срока (3 года).

Таким образом, полномочия ОМСУ в сфере резервирования земельных участков обладают следующими признаками, основанными на положениях законодательной базы и правоприменительной практики:

1) содержание в действующем законодательстве достаточной определенности, к какому уровню власти – федеральному, региональному или местному – относится решение по резервированию земельных участков;

2) цель резервирования земельных участков – удовлетворение государственных или муниципальных нужд, которое является внеправовым обоснованием. Поэтому считаем целесообразным для устра-

нения пробела на законодательном уровне и единообразия решений правоприменительных органов предусмотреть дефиницию «интересы публичной власти» в связи с изменениями Конституции РФ;

3) при принятии решений о резервировании земельных участков ОМСУ руководствуются незакрытым перечнем оснований, предусмотренных в отраслевом законодательстве (ст. 70.1 ЗК РФ), приводящих к нарушению прав и законных интересов правообладателей земельных участков;

4) решения ОМСУ ограничивают права титульных владельцев и выражаются в следующем:

- ограничивающее правомочие не утрачивается, а остается в содержании права собственности;

- отмена ограничения права восстанавливает возможность его осуществления в полном объеме, при этом не происходит приобретения нового правомочия;

- ограничение права собственности касается его осуществления, а не самого права;

5) решения ОМСУ о резервировании земельных участков должно осуществляться в строгом соответствии с их полномочиями, предусмотренными ЗК РФ и федеральными законами;

6) на основании постановления Правительства от 22.07.2008 № 561 решения ОМСУ должны включать перечень конкретных ограничений прав титульных владельцев. Однако на законодательном уровне такое полномочие публичных органов не закреплено. Более того, сама конструкция нормы ст. 56.1 ЗК РФ не позволяет однозначно утверждать о возникновении ограничений в использовании земельных участков в связи с резервированием земель;

7) решение вопроса местного значения по резервированию земельных участков должно соответствовать одному из принципов земельного права – соблюдению баланса частных и публичных интересов.

Литература

1. Воронцова А.А. Ограничения прав правообладателей земельных участков при резервировании земель // Актуальные проблемы охраны права собственности на природные ресурсы и объекты: междисциплинарный подход. М.: Статут, 2019. С. 139-146.
2. Згонников П.П. Правовая природа ограничений прав // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 46-49.
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 92-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.
4. Определение ВС РФ от 26.10.2011 № 74-Г11-21 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление КС РФ № 16-П от 13.12.2001 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 2). Ст. 5014.
6. Постановление КС РФ от 13.12.2001 № 16-П // Российская газета. 2001. 25 дек.
7. Постановление арбитражного суда Уральского округа от 22.09.2017 № Ф09-5818/17 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 58 // Экономика и жизнь. 2013. № 35.
9. Решение ЕС от 13.12.1979 по делу C-44/79 Hauer v. Land Rheinland-Pfalz. EU:C:1979:290 // Международное правосудие. 2019. № 2. С. 77-92.
10. Спорронг (Sporgong) и Лоннрот (Lonnroth) против Швеции (жалобы № 7151/75 и 7152/75): постановление Европейского суда по правам человека от 23.09.1982 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 395-416.

Административное право и административный процесс

УДК 342.95:351.81

Т.О. Атанова

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: ATO13-85@yandex.ru

ЛИШЕНИЕ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ КАК МЕРА НАКАЗАНИЯ ЗА СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

В статье исследуется предлагаемая новым проектом Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях мера административного принуждения в виде лишения права управления транспортным средством за систематическое совершение административных правонарушений. Проанализированы понятие систематических правонарушений и их перечень. Исследованы основания ужесточения ответственности за совершение данных правонарушений, увеличивающие перечень обстоятельств для лишения права управления транспортным средством. Выделен ряд проблем, которые приведут к определенным трудностям при применении положений о систематических правонарушениях на практике, в т.ч. непосредственно при исполнении наказания. Данное исследование позволяет определить основные недостатки введения административного наказания в виде лишения права управления транспортным средством за систематическое совершение административных правонарушений. В статье приведены рекомендации по совершенствованию законодательства в области дорожного движения относительно административных правонарушений, совершение которых приводит к значительному росту дорожно-транспортных нарушений, а также предложены альтернативные меры их профилактики.

Ключевые слова: право управления транспортным средством, лишение, административная ответственность, систематически совершенные правонарушения, дорожно-транспортные происшествия, административные правонарушения.

Т.О. Атанова

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Vladivostok branch)

E-mail: ATO13-85@yandex.ru

DRIVING LICENSE SUSPENSION AS A PUNISHMENT FOR SYSTEMATIC COMMISSION OF OFFENSES

The author of the article investigates the measure of administrative coercion in the form of driving license suspension for committing systematic administrative offenses in the area of road traffic, proposed by the draft new Code of the Russian Federation on administrative offenses. The article analyzes the concept of systematic offenses and their list. It presents the reasons for tougher liability for committing these offenses, which increase the list of circumstances for deprivation of the right to drive a vehicle. A number of problems that will lead to certain difficulties in applying the provisions on systematic violations in practice are highlighted, including directly during the execution of a sentence. This study allows us to determine the main disadvantages of the introduction of administrative punishment in the form of deprivation of the right to drive a vehicle for the systematic Commission of administrative offenses. The article provides recommendations for improving legislation in the field of road traffic regarding administrative offenses, the Commission of which leads to a significant increase in road traffic violations, as well as alternative measures for their prevention.

Key words: the right to drive vehicles, administrative responsibility, deprivation systematic violations, road accidents, administrative offence.

Во исполнение поручения Правительства Российской Федерации от 04.06.2019 № ДМ-П4-29пр Министерство юстиции России подготовило проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [10, с. 1]. Новый нормативно-правовой акт позволит реализовать одну из основных целей: обеспечение безопасности дорожного движения путем снижения роста количества дорожно-транспортных происшествий. В качестве реализации данной цели законодатель предлагает ввести административную ответственность за систематическое совершение административных правонарушений в виде лишения права управления транспортным средством.

Введение данной нормы обусловлено непомерным ростом дорожно-транспортных происшествий. Основными причинами аварийности из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств в первом квартале 2020 г. являлись несоблюдение очередности при проезде перекрестков (5376 дорожно-транспортных происшествий), нарушение правил проезда пешеходных переходов (3710 дорожно-транспортных происшествий), несоответствие скорости конкретным условиям движения или превышение установленного ограничения (3642 дорожно-транспортных происшествия), выезд на полосу встречного движения (3060 дорожно-транспортных происшествий). Наибольшее количество погибших зафиксировано вследствие выезда на полосу встречного движения (990 дорожно-транспортных происшествий), несоответствия скорости конкретным условиям движения или превышения установленного ограничения (516 дорожно-транспортных происшествий), нарушения правил расположения ТС на проезжей части (319 дорожно-транспортных происшествий) и нарушения правил проезда пешеходного перехода (143 дорожно-транспортных происшествий) [3, с. 8].

Учитывая неутешительную статистику, новый проект кодекса предлагает, во-первых, ввести понятие систематически совершенных правонарушений, чего не было предусмотрено раньше, а во-вторых, назначить за совершение таких правонарушений одно из наиболее строгих административных наказаний – лишение права управления транспортным средством.

Стоит отметить, что данная инициатива предлагается не впервые. Согласно законопроекту № 226369-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона "О безопасности дорожного движения"» в 2016 г. предлагалось ввести балльную систему учета административных правонарушений. При совершении систематических нарушений, которые в сумме оценивались бы в двести и более баллов, последовало бы наказание в виде ли-

шения права управления транспортным средством [4, с. 3].

В новой редакции проекта КоАП Российской Федерации законодатель отказался от балльной системы и в соответствии со ст. 21.29 проекта к систематическим административным правонарушениям предлагается отнести правонарушения, являющиеся основными причинами дорожно-транспортных правонарушений. К административной ответственности будут привлекаться лица, подвергнутые три и более раза административному наказанию за совершение указанных административных правонарушений. Санкция статьи предполагает лишение специального права управления транспортными средствами на срок от одного года до полутора лет [10, с. 270].

Однако такая законодательная инициатива также имеет ряд существенных недостатков.

Статья 3.17 проекта предусматривает лишение специального права, предоставленного физическому лицу, которое назначается за однократное грубое или систематическое нарушение условий и порядка пользования этим правом. Таким образом, совершение однократного грубого правонарушения и совершение правонарушения систематически приравниваются друг к другу путем назначения одного и того же административного наказания. При этом не принимается во внимание степень общественной опасности данных правонарушений. Предлагаемый законодателем перечень систематических правонарушений разносторонен. Очевидно, что вышеуказанные правонарушения имеют разную степень общественной опасности, при этом ответственность за их систематическое нарушение одинакова. Данное обстоятельство также противоречит закреплённому в проекте принципу справедливости и соразмерности.

Кроме того, основной концепцией законопроекта является соблюдение принципов недопустимости повторного административного наказания за одно и то же административное правонарушение, а также проявления гуманизма при его назначении [5, с. 177]. Однако в соответствии с предлагаемыми нововведениями лицо, совершившее административные правонарушения в совокупности с правонарушениями, которые можно отнести к систематическим, так или иначе несет повторное административное наказание, которое вдобавок является более строгим.

Таким образом, лишение права управления транспортным средством за совокупность нарушений представляет собой двойную ответственность за совершение административного правонарушения [7, с. 293].

В проекте нового КоАП Российской Федерации даются определения длящегося и повторного административного правонарушения. Очевидно, что данные определения не имеют ничего общего с си-

стематически совершенными административными правонарушениями. При этом, исходя из смысла законопроекта, систематичность является обстоятельством, отягчающим административную ответственность, однако в перечень таких обстоятельств не включена. На основании этого можно сделать вывод, что при наличии в списке нарушений административных правонарушений, относящихся к систематическим, даже если первые два были совершены пять лет назад, наказание в виде лишения права управления транспортными средствами неминуемо. Исходя из изложенного, достаточно наличия самого факта совершения вышеуказанного административного правонарушения, что также противоречит основополагающему принципу справедливости.

Кроме того, ч. 4 ст. 12.9, ч. 3 ст. 12.10, ч. 3 ст. 21.12, ч. 6 ст. 21.15 проекта Кодекса предусматривают административную ответственность в качестве отягчающего обстоятельства за повторное совершение административных правонарушений. Таким образом, законодателем не предусмотрен порядок привлечения к административной ответственности за совершение правонарушения более двух раз, уже совершенного два и более раза. Учитывая данное обстоятельство, считаем отсутствие в списке систематически совершенных правонарушений, зафиксированных посредством технических средств, имеющих функции фотосъемки и видеозаписи, дискриминацией по отношению к лицам, привлеченным к административной ответственности повторно без использования соответствующих технических средств.

Существенным недостатком предлагаемого проекта также является отсутствие точно установленного срока, в течение которого лицу необходимо инкриминировать совершение систематического нарушения правил дорожного движения. Статья 12.29 проекта неразрывно связывает данный срок с моментом, когда лицо, совершившее правонарушение, подвергнуто административному наказанию. Лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении до истечения одного года со дня окончания исполнения указанного постановления. В случае если постановление не обжаловалось, по истечении 10 дней после вынесения оно вступит в законную силу. Если же обжаловалось, то день переносится на дату, когда пройдет срок обжалования решения вышестоящего органа или суда. Стоит отметить, что существенное влияние в этой ситуации окажет отсутствие должного взаимодействия судебных органов с Государственной инспекцией безопасности дорожного движения Российской Федерации. Проблема состоит в том,

что, как правило, постановления о назначении административного наказания, а также сведения об обжаловании не вносятся в Федеральную информационную систему Госавтоинспекции (ФИС ГИБДД-М) своевременно по различным причинам, которые не устранены до сегодняшнего дня. Данное обстоятельство приведет к значительным трудностям при реализации положений о систематически совершенных правонарушениях на практике, что повлечет за собой рост прекращенных административных материалов после первоначально вынесенных решений о лишении. На основании этого можно сделать вывод о том, что, ужесточив наказание, законодатель не обеспечит его неотвратимость. А ведь еще в 2002 г. Президент Российской Федерации в ежегодном Послании к Федеральному Собранию указал на то, что «наша главная цель – добиться неотвратимости наказания, а не его чрезмерной суровости» [11, с. 2]. Таким образом, в сегодняшних реалиях отсутствия должного взаимодействия между органами исполнительной и судебной власти о реализации наказания в виде лишения права управления транспортным средством за систематически совершенные правонарушения говорить рано.

В соответствии с Федеральным законом «О безопасности дорожного движения» одной из основных задач, определяющих правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации, является защита интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий [7, с. 292]. Административное наказание в виде лишения права управления транспортным средством, возможно, является одним из самых суровых в системе мер административного принуждения и предполагает, что правонарушитель временно лишается права управления транспортным средством с одновременным изъятием документов [2, с. 25]. Более того, такой вид наказания, как лишение права управления транспортным средством, назначается за преступления, посягающие на безопасность дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств, предусмотренные ст. 264, 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [12].

Лишение права управления транспортным средством является кардинальной мерой административного принуждения и предполагает невозможность совершения лицом новых правонарушений. Однако данная мера не является профилактическим мероприятием при осуществлении безопасности дорожного движения. Кроме профилактических мер, административное наказание должно быть неотвратимым, а не суровым, как в данном случае.

Не стоит забывать и об исполнении наказания. С увеличением роста граждан, лишенных права

управления транспортным средством, возрастет нагрузка на органы исполнительной власти, в компетенцию которых входит изъятие, хранение и возврат водительского удостоверения. Данный факт, на наш взгляд, усугубит коррупционную составляющую в работе органов внутренних дел, что особенно актуально в преддверии планируемого значительного сокращения штата сотрудников [9].

Очевидно, что, учитывая вышеназванные недостатки введения административной ответственности за систематически совершенные правонарушения, назначение административного наказания в виде лишения права управления транспортным средством нецелесообразно. Необходимо ужесточить санкции за административные правонарушения, которые, по

мнению законодателя, являются предвестниками совершения дорожно-транспортных правонарушений, а также более детально разобрать само понятие систематически совершенных правонарушений, в первую очередь устранив разницу общественной опасности таких административных правонарушений и определив срок, в течение которого административные правонарушения будут являться систематическими. Представленная в предлагаемом законопроекте концепция систематических правонарушений и назначения наказания за их совершение в виде лишения права управления противоречит основополагающим принципам административного права и не является превентивной мерой снижения количества дорожно-транспортных нарушений.

Литература

1. Антонов С.Н., Кузин В.В. Ответственность за систематическое совершение административных правонарушений в области дорожного движения: история, проблемы, перспективы // Административное право и процесс. 2012. № 9. С. 26-31.
2. Головки В.В., Бекетов О.И., Майоров В.И. Лишение права управления транспортным средством в системе административных наказаний: современные тенденции и перспективы // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 25-29.
3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за первый квартал 2020 года: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2020.
4. Законопроект № 226369-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона "О безопасности дорожного движения"» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Кожевников О.А. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: анализ отдельных положений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 173-178.
6. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: подготовлена в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 04.04.2019 № 631-р [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Майоров В.И., Горюнов С.В. Введение административной ответственности за систематическое нарушение правил дорожного движения: проблемы и перспективы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 292-296.
8. О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Приказ МВД России от 24.09.2019 № 653 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: подготовлен Минюстом России [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. России надо быть сильной и конкурентноспособной: Послание Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2002. № 71. С. 1-2.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 342.95: 364.6

М.А. Бучакова, доктор юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: mb290163@mail.ru;

А.А. Гайдуков, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: gaidukow28@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ

В статье рассматривается международный правовой механизм противодействия семейному насилию, его правовое развитие в части принятия государствами конвенционных соглашений, направленных на защиту женщин и детей как субъектов правоотношений от физического, психического и иного насилия, проявляемого в семейно-бытовой сфере. Отмечается важное значение деятельности международных организаций, в т.ч. Европейского Суда по правам человека, направленной на защиту жертв насилия в семье, формами проявления которого явились преступления и административные правонарушения насильственного характера, посягающие на личность, её права и свободы, жизнь и здоровье. Защита личных прав и свобод человека и гражданина, поддержание семейных ценностей становятся приоритетными направлениями государственной политики разных стран.

Авторами делается вывод о том, что в современном мире действует слаженный международно-правовой механизм противодействия семейно-бытовому насилию. Эффективность данного механизма определяется взаимосвязью и взаимодействием с национальными институтами государств по противодействию насилию в семейно-бытовой сфере.

Ключевые слова: защита семьи, противодействие насилию в семье, конвенции, Европейский Суд по правам человека, нормы международного права.

М.А. Buchakova, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: mbuchakova@mvd.ru;

A.A. Gaidukov, Candidate of Juridical Sciences

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: gaidukow28@mail.ru

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISM FOR COMBATING DOMESTIC VIOLENCE

The article examines the international legal mechanism for combating domestic violence, its legal development in terms of the adoption by states of convention agreements aimed at protecting women and children as subjects of legal relations from physical, mental and other violence manifested in the family and domestic sphere. The importance of the activities of international organizations, including the European Court of Human Rights, aimed at protecting victims of domestic violence, the manifestation of which was crimes and administrative offenses of a violent nature, infringing upon an individual, his rights and freedoms, life and health, is noted. The protection of the personal rights and freedoms of man and citizen, the maintenance of family values are becoming the priority directions of the state policy of different countries. The authors conclude that there is a well-coordinated international legal mechanism for counteracting domestic violence in the modern world. The effectiveness of this mechanism is determined by the relationship and interaction with the national institutions of states to counter violence in the family and everyday life.

Key words: family protection, combating domestic violence, conventions, European Court of Human Rights, international law.

Насилие представляет собой одну из наиболее сложных проблем, имеющую в своей основе философский, психологический, социальный подтекст в силу того, что его основным проявлением выступает управление одним из субъектов правоотношений поведением другого лица против его желания, воли или убеждений. В мировой философской мысли (начиная с древнегреческих философов Платона в его трактате «Государство» [16] и Аристотеля в «Политике» [1]) прослеживаются глубокие рассуждения о насилии применительно к различным социальным институтам: обществу, его отдельным группам, индивидам; в них насилие коррелируется с уровнем воспитания, оказывающим обратное воздействие на него.

В средние века насилие воспринималось сквозь призму религиозных доктрин, каждая из которых способствовала формированию определенного типа личности, в более позднее время эта проблематика проявляется в творчестве Джона Локка в плане обязанности государства защищать гражданина [11]. Философско-социологические аспекты насилия в XIX-XX вв. исследовались в работах В. Парето [15], Ж. Сореля [17], Х. Арендт [20], К. Ясперса [21] и др.

В России проблема насилия рассматривалась в трудах Л.Н. Толстого, который предложил теорию о непротивлении злу насилием. По мнению великого писателя, «одна из главных причин бедствий людей – это ложное представление о том, что одни люди могут насилием улучшать, устраивать жизнь других людей» [18]. Феномен насилия исследовался и в трудах известного русского философа Н.А. Бердяева, по мнению которого проблема насилия и отношение к ней очень сложны для понимания. По мнению мыслителя, «психологическое насилие играет большую роль в жизни, чем насилие физическое» [2]. Известный российский философ А.А. Гусейнов указывает, что насилие есть узурпация свободной воли [6].

С течением времени «насилие в семье», «домашнее насилие», «семейное насилие», «семейно-бытовое насилие» становятся объектом изучения различных отраслей права: международного, семейного, гражданского, административного и уголовного. Сложность рассматриваемой нами проблемы, а также разработка и принятие эффективных социально-правовых мер противодействия как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях вызваны латентностью данного социального явления. Это обстоятельство обусловлено тем, что лица, подвергаемые семейному насилию, очень часто считают лучшим вариантом дальнейших семейных взаимоотношений умолчание о факте насилия. Зачастую жертва насилия полагает, что случившееся было единичным эпизодом, такого больше не повторится, насильник одумается и, как результат, не сообщает в правоохранительные органы. Это приводит к созда-

нию условий, при которых потерпевший продолжает подвергаться насильственным действиям, а насильник ощущает свою безнаказанность.

В современном мире государства действуют в направлении защиты личных прав и свобод человека и гражданина, в поддержании семейных ценностей, а их охрана становится приоритетной в государственной политике. Большинство стран – участников Организации Объединенных Наций (далее – ООН) стремится посредством норм международного права, международных договоров закрепить действенный механизм защиты личности от различных форм проявления насилия в семье. Наличие значительного количества международных документов, посвященных вопросам защиты семейных ценностей, противодействию насилию в семье, является подтверждением важности исследуемой проблематики.

Активность деятельности международного сообщества по противодействию семейному насилию проявилась во второй половине XX столетия. Во Всеобщей декларации прав человека, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., закреплена идея необходимости всеобщего уважения прав и основных свобод человека, жестокое и бесчеловечное обращение с человеком в любых сферах, в т.ч. в семье, осуждается международным сообществом (ст. 5). Семья как основная и естественная ячейка общества находится под защитой государства» (ч. 3 ст. 16) [4].

Римская Конвенция 1950 г. «О защите прав человека и основных свобод» (далее – Конвенция) определила запрет на насилие и унижающее обращение в семье (ст. 3), а также право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8) [7]. Именно Конвенция предопределила создание Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Протоколом № 4 от 16 сентября 1963 г. в Конвенцию были внесены дополнения, согласно которым супруги обладают равными правами и несут равную гражданско-правовую ответственность в отношениях между собой и со своими детьми. Конвенция не препятствует государствам принимать такие меры, которые необходимы для соблюдения интересов детей.

В 1979 году была принята Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Данный документ определил значение вклада женщин в благосостояние семьи и в развитие общества [9]. В Общих рекомендациях № 19 от 1992 г. Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин («Комитет CEDAW») насилие в отношении женщин в семье является одной из форм дискриминации [22].

В Конвенции о правах ребенка, принятой Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г., провозглашается, что дети имеют

право на особую заботу и помощь. Семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов должны быть предоставлены необходимые защита и содействие. Государства-участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительские меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке [8].

В 1993 году в развитие конвенционных положений Генеральной Ассамблеей ООН была провозглашена Декларация о ликвидации насилия в отношении женщин. Согласно данному документу насилие в отношении женщин означает любой акт насилия как в общественной, так и личной жизни, совершенный на основании признака пола и причиняющий или способный причинить физический или психологический ущерб. Основными формами проявления насилия являются: физическое, половое и психологическое насилие, а также нанесение побоев. Декларация закрепила обязанность государств безотлагательно приступить к осуществлению всеми надлежащими средствами искоренения насилия в отношении женщин [5].

Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (CETS № 210) [10] установила формы проявления насилия в семье, к которым отнесены все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия. Данный документ определил круг участников семейных отношений, к которому отнесены члены семьи или домочадцы либо бывшие или нынешние супруги или партнеры, вне зависимости от места совместного проживания.

Нормы международного права явились основополагающими для законодательства более 60 зарубежных государств, которые приняли отдельные законодательные акты, связанные с противодействием насилию в семье.

Анализ зарубежного законодательства, направленного на противодействие насилию в семье, свидетельствует об отсутствии идентичности в определении понятия «насилие в семье» как по форме, так и по содержанию. Так, в Республике Беларусь насилие в семье понимается как «умышленные действия физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания» [14].

Закон Китайской Народной Республики «О борьбе с домашним насилием» определяет домашнее насилие как нанесение побоев, увечий, связывание, ограничение свободы, повседневные оскорбления,

угрозы и другие действия, наносящие физический и моральный вред [12].

Закон Киргизской Республики трактует семейное насилие как умышленные действия физического, психологического, экономического характера или их угрозу, а также пренебрежительное отношение, совершенные одним членом семьи, приравненным к нему лицом в отношении другого члена семьи, приравненного к нему лица [13].

Законодательство Грузии пошло по пути криминализации насилия в семье, выделив отдельно ответственность за семейные преступления. В Грузии были конкретизированы акты семейного насилия, а преступник и члены семьи признаны в качестве специальных субъектов [19].

Развитие международно-правового механизма противодействия насилию в семье осуществляется также посредством постановлений ЕСПЧ, выносимых по жалобам на насилие в семье из государств, присоединившихся к Римской Конвенции о защите прав и основных свобод. Деятельность ЕСПЧ согласовывается с практикой других международных органов по рассмотрению дел по семейному насилию, в частности «Комитета CEDAW» и Межамериканской комиссии по правам человека, которые домашнее насилие само по себе признают формой дискриминации в отношении женщин. Признание дискриминации не связано с наличием определенного умысла или специального намерения, а основывается на распространности проблемы домашнего насилия. Кроме того, ЕСПЧ неоднократно обращал внимание на факты бездействия государственных органов как основной реакции на обращения в связи с домашним насилием. Судебная практика ЕСПЧ указывает на то, что домашнее насилие может принимать различные формы – от физических побоев до сексуального, экономического, эмоционального насилия или словесных оскорблений [3]. При этом ЕСПЧ указал на системность данной проблемы не только в Российской Федерации, но и в целом в международной юридической практике.

Анализ международно-правовых актов указывает, что представленные на рассмотрение нормы международного права в основном акцентируют внимание на проявлении насилия в семье преимущественно в отношении женщин и детей, трактуя насилие как дискриминацию по гендерному принципу. В большинстве своем они указывают на разовые акты проявления насилия в семье преимущественно со стороны мужчин. По нашему мнению, для юридической трактовки действий правонарушителя необходима объективная доказанность противоправного поведения в семье и степень тяжести причинения вреда здоровью жертве. В современном мире действует определенный международно-правовой механизм противодействия семейному насилию, основываю-

щийся на международно-правовых актах и деятельности в соответствии с ними международных организаций, в т.ч. осуществляющих юрисдикционные меры. При этом эффективность данного механизма определяется взаимосвязью и взаимодействием с национальными институтами государств по противодействию насилию в семейной сфере.

Таким образом, международно-правовой механизм противодействия семейному насилию высту-

пает ориентиром для целенаправленных действий государств по защите женщин, детей, семьи. Имплементация норм международного права в национальное законодательство ведет к унификации подходов к рассматриваемой проблематике, совершенствованию правового регулирования, а также активизации деятельности правоохранительных органов по предупреждению и пресечению правонарушений в семейно-бытовой сфере.

Литература

1. Аристотель. Политика / под общ. ред. А.И. Доватура. М.: Юрайт, 2019. 297 с.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: Директ-Медиа, 2008. 332 с.
3. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 4.
4. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Права человека: сборник международных договоров. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1978. С. 1-3.
5. ГА ООН. Резолюция 48/104 от 20 декабря 1993 года. URL: <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/ViolenceAgainstWomen.aspx> (дата обращения: 17.05.2020).
6. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35-41.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: заключена 18 декабря 1979 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (СЕТС № 210) (Россия не участвует). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Локк Д. Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутиной. 4-е изд., эл. М.-Челябинск: Социум, 2020. 496 с.
12. О борьбе с домашним насилием: Закон Китайской Народной Республики: принят на 18-м заседании Постоянного комитета 12-го Всекитайского съезда народных представителей КНР, вступил в силу с 1 марта 2016 г. / пер. А.Ю. Манцурова.
13. Об охране и защите от семейного насилия: Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 г. № 63. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111570>.
14. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/H11400122_1389733200.pdf.
15. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с ит. А.А. Зотова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
16. Платон Государство. Законы. Политика. М.: Мысль, 1998. 798 с.
17. Сорель Ж. Размышления о насилии. СПб.: Академический проект, 2005. 286 с.
18. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1956. Т. 37. С. 199.
19. Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf>.
20. Arendt. H. On Violence. New York: Harvest, 1970.
21. Jaspers. K. Philosophie. Bd.1. Berlin, 1973.
22. The CEDAW Committee's General Recommendation № 19 on violence against women, (1992) UN Doc. CEDAW/C/1992/L.1/Add.15 at § 24(a). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec19.pdf (дата обращения: 17.05.2020).

УДК 351.74:364.6

А.В. Веренич

адъюнкт Омской академии МВД России

E-mail: platon0906@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассмотрены некоторые проблемы административно-правовой защиты несовершеннолетних при нарушении родителями или законными представителями их прав и законных интересов, влекущие наступление обстоятельств, представляющих непосредственную угрозу жизни и здоровью детей. Проанализированы специфика, формы и механизмы защиты прав детей, акцентировано внимание на юрисдикции органов системы профилактики в решении вопросов о жизнеустройстве несовершеннолетних при нахождении их в условиях, угрожающих жизни и здоровью. Анализируются критерии применения административно-правовых мер по гарантии прав несовершеннолетних, затрагиваются проблемы эффективности правовой защиты детей. Отмечается необходимость регулирования деятельности по жизнеустройству детей при непосредственной угрозе их жизни и здоровью. Предложено упорядочение деятельности субъектов профилактики по защите прав детей. Сделан вывод о необходимости конкретизации и дополнения действующего законодательства в сфере административного права с учетом имеющихся в настоящее время проблем в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: изъятие, отобрание, защита, ребенок, родители, семья, угроза жизни.

A. V. Verenich

postgraduate student of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: platon0906@mail.ru

APPLICATION PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE MEASURES TO PROTECT CHILDREN BY INTERNAL AFFAIRS BODIES

The article deals with some problems of administrative and legal protection of minors in case of violation by parents or legal representatives of their rights and legitimate interests, entailing the occurrence of circumstances that pose a direct threat to the life and health of children. The specifics, forms and mechanisms of protection of children's rights are analyzed, attention is focused on the jurisdiction of the bodies of the prevention system in solving issues about the life of minors, when they are in conditions that threaten their life and health. The article analyzes the criteria for the application of administrative and legal measures to guarantee the rights of minors, and addresses the problems of the effectiveness of legal protection of children. It is noted that it is necessary to regulate activities for the life of children in case of an immediate threat to their life and health. It is proposed to streamline the activities of subjects of prevention to protect the rights of children. It is concluded that it is necessary to specify and supplement the current legislation in the field of administrative law, taking into account the current problems in law enforcement.

Key words: withdrawal, protection, child, parents, family, threat to life.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних – один из важнейших социальных институтов Российской Федерации. Ведущая роль государства в формировании каждого человека признается мировым сообществом. Конвенция ООН [4] закрепляет обязанность государства по защите прав детей, указывая, что ребенок ввиду его физиологической незрелости нуждается в особой охране и заботе, в т.ч. надлежащей правовой защите.

Статьями 7, 18, 38 Конституции Российской Федерации регламентируется охрана детства, государственные и социальные гарантии защиты детей Российской Федерацией [5]. Наряду с этим в современном российском обществе совершается значительное число административных деликтов, нарушающих права и законные интересы несовершеннолетних. Согласно статистическим данным МВД России за 2017-2020 гг. выявлено 1 749 708 административных правонарушений, нарушающих права и законные интересы несовершеннолетних, в т.ч. в 2017 г. – 518 633, в 2018 г. – 494 767, в 2019 г. – 475 480, за 6 месяцев 2020 г. – 260 828 [2]. Общественная опасность таких деяний заключается в нарушении прав и интересов ребенка, что в целом приводит к деформации личности ребенка, сложной социальной адаптации в обществе, особенно если данные деяния совершены родителями или законными представителями. К сожалению, несовершеннолетие действующих на практике средств профилактики семейного насилия, а также административно-правовых механизмов контроля за условиями воспитания, содержания и развития детей приводит к всплеску преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

Недостаточная эффективность имеющихся инструментов и методов обеспечения правовой защиты интересов детей, распространенность социально опасного положения в семьях, неблагополучие, жестокое обращение с детьми и все формы насилия в отношении детей ведут к созданию в семьях условий, создающих непосредственную угрозу для нормального проживания и развития в них детей. В создавшихся условиях особую значимость приобретает проблема эффективного административно-правового противодействия данным асоциальным проявлениям. Здесь административно-правовая защита выступает гарантом сохранения норм семейного права, в т.ч. наивысшей ценности семейного воспитания детей.

Сохранение института семьи, воссоздание и обеспечение духовно-нравственных ценностей семейных взаимоотношений, повышение уровня жизни и развития детей видятся приоритетными направлениями в демографической политике Российской Федерации на период до 2025 г. [6]. Несомненно, государственная политика направлена на сохранение семьи, приоритетом является проживание детей в «биологиче-

ских семьях», родительское воспитание, сохранение и развитие семейных традиций и ценностей. Одним из приоритетных принципов семейных отношений является воспитание детей в семье (ч. 3 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)), родители имеют первоочередное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами (ч. 1 ст. 63 СК РФ) [3].

Однако все чаще возникают ситуации, требующие изъятия ребенка из семьи с целью сохранения его жизни и здоровья. Это происходит в результате ненадлежащего исполнения родителями или законными представителями обязанностей по воспитанию детей, отсутствия у ребенка условий для полноценного развития, отдыха и обучения, а также пренебрежительного отношения к ребенку, зачастую связанного с жестоким обращением, физическим и психическим насилием в семьях. Защита прав и законных интересов несовершеннолетних путем разлучения их с родителями закреплена на международном уровне. В статье 9 Конвенции ООН о правах ребенка закреплена обязанность государства обеспечивать неразлучность ребенка со своими родителями за исключением случаев, когда на основании судебного решения компетентные органы определяют в установленном законом порядке, что разлучение необходимо в интересах ребенка, например, когда родители жестоко обращаются с ребенком, не заботятся о нем либо когда родители проживают раздельно и необходимо определить место проживания ребенка.

Родители или законные представители, исполняющие родительские обязанности ненадлежащим образом, в ущерб правам и интересам детей, могут быть ограничены судом в родительских правах или лишены родительских прав (п. 1 ст. 65, ст. 69, 73 СК РФ). В исключительных случаях при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе в соответствии со ст. 77 СК РФ немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, на основании акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования, если законом субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами. Как отмечает О.А. Хазова, «в настоящее время вопрос о немедленном отобрании, по существу, решается инспектором по охране детства единолично, в силу тех или иных присутствующих ему или ей представлений о должном или допустимом» [13, с. 18-22].

«Отобрание» в соответствии со ст. 77 СК РФ – это оперативная мера защиты несовершеннолетних органами опеки и попечительства при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка. Наряду с этим

Т.В. Красновой предложено «закрепление в СК РФ принципа отобрания ребенка у родителей лишь при наличии реальной опасности для его жизни и здоровья» [7, с. 60-67]. Учитывая, что определение понятия «непосредственная угроза жизни и здоровью» законодательно не закреплено, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 внесено разъяснение, что непосредственной угрозой жизни и здоровью несовершеннолетнего признается реальная возможность наступления негативных последствий в результате действий (бездействия) родителей либо законных представителей [10]. В действительности правоприменительная практика показывает, что в случае выявления фактов нахождения ребенка в условиях, угрожающих его жизни и здоровью, меры по изъятию ребенка принимаются в основном сотрудниками полиции, даже если факт нахождения ребенка в угрожающих условиях, выявлен органами опеки и попечительства или иными субъектами системы профилактики. Так, в городе Омске в период с 2017 г. по 2020 г. административная мера «отобрание» была применена только в 4 случаях (в 2020 году, в предшествующие годы данная мера не реализовывалась), при этом изъятие детей из семьи за указанные периоды применялось в 849 случаях выявления фактов нахождения детей в условиях, угрожающих их жизни и здоровью: 2017 г. – 232, 2018 г. – 305, 2019 г. – 250, 6 месяцев 2020 г. – 62 факта.

Понятие «изъятие ребенка» законодательно не закреплено. Однако для применения такой меры, как изъятие, необходимо признание ребенка «безнадзорным», т.е. в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» несовершеннолетним, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц [11]. Вопрос административно-правового регулирования изъятия ребенка из семьи является предметом обсуждения многих ученых. П.А. Якушев отмечает, что «о наличии непосредственной угрозы жизни ребенка или его здоровью могут свидетельствовать следующие обстоятельства: необеспечение ребенка предметами первой необходимости (едой, одеждой, средствами гигиены и т.д.); уклонение от обеспечения ребенка необходимой медицинской помощью, в которой ребенок нуждается; наличие травм, телесных повреждений у несовершеннолетних; систематическое оставление ребенка без надзора; оставление ребенка в опасных местах; регулярные острые конфликты между членами семьи, существенно влияющие на психоэмоциональное состояние ребенка; нахождение родителей в тяжелом состоянии опьянения; неудовлетворительное санитарное со-

стояние места жительства несовершеннолетнего и др.» [14, с. 17-20].

Изъятие как мера административно-правовой защиты детей, находящихся в условиях, угрожающих жизни и здоровью, применяется только сотрудниками полиции, которые принимают решение о помещении ребенка в учреждения социальной защиты или медицинские учреждения на основании акта [12]. При этом органы опеки и попечительства не принимают участия в жизнеустройстве ребенка в момент изъятия. По факту изъятия ребенка сотрудниками полиции копия акта в течение 5 дней направляется в органы социальной защиты населения. Согласно части 1 ст. 122 СК РФ орган опеки и попечительства в течение трех рабочих дней со дня получения таких сведений обязан провести обследование условий жизни ребенка и при установлении факта отсутствия попечения его родителей или родственников обеспечить защиту прав и интересов ребенка до решения вопроса о его устройстве. Вместе с тем практическая деятельность показывает, что изъятых детей возвращают родителям или законным представителям до проведения обследования условий проживания ребенка, без разрешения на то органов опеки и попечительства, аргументируя тем, что родители или законные представители не лишены родительских прав. Данные факты в дальнейшем могут послужить наступлению для детей более тяжелых последствий. Кроме того, данные факты приводят к неоднократному разлучению ребенка с родителями без лишения законных представителей родительских прав, что негативно влияет на психоэмоциональное состояние ребенка, подрывает его самооценку и личную значимость. Применение административно-правовой меры «изъятие детей только сотрудниками полиции» является, на наш взгляд, узконаправленным в решении вопроса о жизнеустройстве детей, и данными функциями должны наделяться представители органов опеки и попечительства, обладающие широким спектром возможностей как по временному устройству детей, так и передаче их под опеку и попечительство.

Несомненно, нельзя сделать вывод о бездействии органов опеки и попечительства, при этом законодательно административно-правовая мера защиты детей в виде немедленного изъятия из семьи закреплена только за сотрудниками полиции. Как справедливо отмечено в юридической литературе, данная процедура относится к административным мерам немедленного реагирования на нарушение прав ребенка [8, с. 16-24]. В некоторых случаях изъятие ребенка осуществляется крайне оперативно: в течение нескольких часов с момента поступления информации о его нахождении в обстановке, угрожающей жизни или здоровью.

В действительности отобрание ребенка при непосредственной угрозе жизни или его здоровью органами опеки и попечительства практикуется нечасто в

связи с тем, что в случае отобрания в соответствии с п. 2 ст. 77 СК РФ орган опеки и попечительства обязан незамедлительно уведомить прокурора, обеспечить временное устройство ребенка и в течение семи дней после вынесения акта об отобрании ребенка обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав.

Ярким примером, имеющим широкий общественный резонанс, стало возбуждение в городе Омске уголовного дела в отношении матери и ее сожителя, которые в качестве метода воспитания заставляли ребенка часами стоять коленями на гречневой крупе, при этом лишая его возможности свободно передвигаться, ограничивая в потреблении пищи [15]. После выявления фактов насилия ребенок был помещен в учреждение здравоохранения, а затем в социально-реабилитационный центр. Но через непродолжительное время вновь передан на воспитание матери, не учитывая, что она имела статус «подозреваемой» в совершении преступлений над ребенком. И только после огласки ситуации в СМИ органами опеки и попечительства ребенок снова был помещен в государственное учреждение. Анализируя данный пример, можно сказать, что ребенок, переживший физическое насилие от матери и отчима, получил психологическую травму, связанную с неоднократным разлучением его с семьей.

Еще в 2013 году Е.Б. Мизулиной был предложен на рассмотрение в Государственной Думе законопроект о внесении изменений в ст. 77 СК РФ, в которой предусматривалось, что в случаях, требующих экстренного вмешательства, можно будет забирать ребенка у родителей на 48 часов. Данная законодательная мера позволяла бы направить дело об отобрании ребенка в суд для рассмотрения и принятия решения о законности данной процедуры. По результатам рассмотрения суд должен был вынести решение о возвращении ребенка в семью или о лишении родительских прав, или об ограничении родителей в их правах [1]. Нам представляется, что в случае принятия указанного законопроекта была бы реализована эффективная и всесторонняя правовая защита несовершеннолетних административными мерами. К сожалению, данный проект закона не реализован до настоящего времени.

Кроме того, мы считаем, что для определения степени угрозы жизни или здоровью ребенка при решении вопроса об изъятии ребенка из семьи должны привлекаться специалисты из числа органов социальной защиты, органов опеки и попечительства, при необходимости органов здравоохранения. Однако в большинстве случаев данный вопрос решается сотрудником полиции единолично, что исключает возможность всестороннего определения непосредственной угрозы для жизни и здоровья ребенка.

Немаловажной особенностью изъятия или отобрания у родителей или законных представителей

детей, находящихся в условиях, угрожающих их жизни и здоровью, является его временное определение в государственные учреждения, под которыми понимается помещение таких детей под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги (ч. 1 ст. 155.1 СК РФ), исключая возможность немедленной передачи ребенка на временное проживание без установления опеки близким родственникам, которыми в соответствии с законодательством признаются родные бабушка и дедушка, братья и сестры (ст. 14 СК РФ, примечание к статье 25.6 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации).

Стоит упомянуть об участившихся случаях применения норм ч. 2 ст. 155.1 СК РФ, когда российским законодательством предусмотрено право родителей или законных представителей на временное устройство своего ребенка на полное государственное обеспечение в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в целях обеспечения временного проживания ребенка в течение периода, когда законные представители по уважительным причинам не могут исполнять свои обязанности в отношении ребенка. Данные факты практикуются в случае выявления несовершеннолетних, находящихся в условиях, угрожающих их жизни и здоровью, однако исключая меры административно-правовой защиты в виде отобрания либо изъятия, которое предполагает дальнейшее решение вопроса о лишении или ограничении родительских прав законных представителей. Следует понимать, что в данном случае временное помещение ребенка в организацию для детей-сирот не прекращает прав и обязанностей законных представителей в отношении этого ребенка. Таким детям опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию детей, а также защите их прав и законных интересов возлагается на эти организации (ч. 2 ст. 155.2 СК РФ). Вместе с тем отсутствует норма закона, позволяющая немедленную временную передачу детей на воспитание близким родственникам, без законодательного установления над ними опеки или нотариального согласия законных представителей на такое проживание.

Несомненно, передача ребенка на временное воспитание близким родственникам на период пока родители или законные представители по каким-либо обстоятельствам не способны исполнять обязанности по воспитанию ребенка без законодательного установления опеки или попечительства являлась бы менее травмирующим фактором для психоэмоционального состояния ребенка, ведь он мог бы продолжать воспитываться в семье в привычных для него условиях. Стоит отметить, что помещение ребенка, хоть и временное, в государственное учреждение наносит не только непоправимый вред ребенку, но и

подрывает авторитет родителей, значимость семейного воспитания.

14 июля 2020 г. в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект № 989011-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи»» [9], в котором предложены концептуально иной подход, система временных мер защиты ребенка в экстренных случаях, когда родители не могут осуществлять свои родительские права. Также законопроект запрещает органам опеки отказывать в передаче ребенка на попечение его родственникам в случае невозможности временного исполнения родителями или законными представителями обязанностей по воспитанию детей.

Итак, полагаем, что на сегодняшний день существует пробел в законодательстве Российской Феде-

рации, определяющий четкий порядок и критерии в административно-правовом механизме защиты детей. Отобрание как административная мера защиты детей, находящихся в условиях, угрожающих их жизни и здоровью, не всегда является оперативным, что приводит к запоздалым решениям по реализации гарантий прав детей. Данные факты приводят к необходимости прибегать к другому механизму защиты детей – изъятию, которое может применяться незамедлительно, при выявлении ребенка, нуждающегося в помощи со стороны государства. Видится, что наделение органов опеки и попечительства правом по изъятию детей из семьи при непосредственной угрозе их жизни и здоровью позволит незамедлительно реагировать на нарушение их прав, оперативно и своевременно применять меры по защите и жизнеустройству ребенка, а также минимизировать наступление негативных последствий.

Литература

1. Брынцева Г. Решить судьбу за 48 часов. Опасна ли семья для ребенка, определит суд // Российская газета. 2013. 24 июня.
2. Главный информационно-аналитический центр МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=RegIDocs&go=view&fid=578>.
3. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. И.М. Кузнецовой. М.: БЕК, 2002. 512 с.
4. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989.
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351). URL: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/05004912405305>.
7. Краснова Т.В. Правовая возможность отобрания ребенка у родителей: социальные риски в законодательстве и пути их преодоления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. С. 60-67.
8. Михеева Л.Ю. Ответственность родителей за воспитание детей: направления реформы законодательства // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 16-24.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи», проект Федерального закона № 989011-7 от 14.07.2020. URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru>.
10. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни и здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 1.
11. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Приложение № 25 к Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 октября 2015 г. № 845 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Хазова О.А. Отобрание детей: международно-правовые аспекты // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 18-22.
14. Якушев П.А. Изъятие ребенка из семьи без судебного постановления в контексте приоритета семейного воспитания ребенка как традиционной и правовой ценности // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 17-20.
15. URL: <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=10730910943555421983> (дата обращения: 28.10.2020).

УДК 351.745

А.Г. Гришаков, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: grischakow@buimvd.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ОБХОДА В ЖИЛОМ СЕКТОРЕ ОБСЛУЖИВАЕМОГО УЧАСТКА

В статье анализируются основные направления административной деятельности участкового уполномоченного полиции при проведении ежедневного профилактического обхода обслуживаемого административного участка. Предлагается определенный алгоритм действий сотрудника полиции в процессе личного знакомства с населением жилого сектора и установления взаимного доверия с гражданами. Автором рассматривается порядок изучения и анализа поступающей во время профилактического обхода оперативно значимой информации, полученной посредством визуального наблюдения участкового уполномоченного полиции, предоставленной в процессе личного общения с гражданами, в т.ч. установленной при направлении официальных запросов. Также отмечается специфика проведения проверок сведений об иностранных гражданах и лицах без гражданства, находящихся на административном участке с нарушением правил въезда либо режима пребывания или проживания. Затрагиваются вопросы индивидуальной профилактической работы с лицами, проживающими в жилом секторе административного участка, склонными к совершению бытовых преступлений и правонарушений, страдающими наркоманией и алкоголизмом.

Ключевые слова: административный участок, административные правонарушения, участковый уполномоченный полиции, профилактическая работа, регистрация по месту проживания или пребывания, нелегальная трудовая деятельность мигрантов, бытовые правонарушения, семейно-бытовые конфликты.

A.G. Grishakov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: grischakov@buimvd.ru

ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF LOCAL POLICE OFFICER IN THE RESIDENTIAL SECTOR OF THE ADMINISTRATIVE DISTRICT DURING A PREVENTIVE INSPECTION OF THE TERRITORY

The article analyzes the main directions of administrative activities of local police officer during the daily preventive inspection of the serviced administrative area. A certain algorithm of actions of a police officer in the process of personal acquaintance with the population of the residential sector and establishing mutual trust with citizens is proposed. The author considers the procedure for studying and analyzing the operationally relevant information received during the preventive inspection of the territory, obtained through the visual observation of the local police officer, provided in the process of personal communication with citizens, including those established when sending official requests. It also notes the specifics of conducting checks on information about foreign citizens and stateless persons who are in an administrative area in violation of the rules of entry or the regime of stay or residence. The issues of individual preventive work with persons living in the residential sector of the administrative district, prone to committing domestic crimes and offenses, suffering from drug addiction and alcoholism are discussed.

Key words: administrative district, administrative offenses, local police officer, preventive work, registration at the place of residence or stay, illegal labor activity of migrants, domestic offenses, family and domestic conflicts.

В настоящее время правовое регулирование деятельности участковых уполномоченных полиции продолжает свое совершенствование посредством мониторинга основных направлений правоприменительной деятельности. В ведомственных образовательных организациях также проводится серьезная работа по разработке фундаментальных научных трудов по основным направлениям деятельности полиции. Мы предлагаем обратить внимание на одну из форм несения службы участковым уполномоченным полиции и рассмотреть ее специфические особенности.

В процессе ежедневной административной деятельности участковой уполномоченной полиции реализуется пять основных форм несения службы, к которым относятся: профилактический обход административного участка, рассмотрение обращений граждан, индивидуальная профилактическая работа, прием граждан, отчеты перед населением о проделанных мероприятиях. Ключевой формой, безусловно, выступает профилактический обход, который, как правило, осуществляется при отработке материалов в рамках рассмотрения обращений граждан и проведении индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на профилактических учетах органов внутренних дел.

Ведомственный нормативный правовой акт [13], определяющий порядок исполнения служебных обязанностей участковым уполномоченным полиции, закрепил конкретный алгоритм действий, подлежащих выполнению в процессе профилактического обхода административного участка. В данной статье мы более детально проанализируем специфику административной деятельности участкового уполномоченного полиции при посещении многоквартирных домов жилого сектора в городах, в т.ч. при установлении личных контактов с гражданами, проживающими на обслуживаемой территории.

Как справедливо отмечает А.В. Коркин, понятие «жилой сектор» в законодательстве Российской Федерации или субъектов Российской Федерации нормативно не закреплено. Более того, в подзаконных нормативных и индивидуальных правовых актах такое понятие активно используется без раскрытия его внутреннего содержания. В то же время, изучив правовые позиции ГУООП МВД России¹, прослеживаемые в ежегодных обзорах, направляемых в территориальные органы, ученый предлагает наиболее приемлемое, с его точки зрения, определение жилого сектора.

¹ Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В частности, «жилой сектор – это часть территории муниципального образования, включающая территории многоквартирных домов, находящихся в ведении товариществ собственников жилья, жилищных, жилищно-строительных и иных специализированных потребительских кооперативов, управляющих организаций, а также территории частных домовладений, расположенных как в муниципальных образованиях, так и за их пределами» [3, с. 73-74].

На наш взгляд, предложенная дефиниция наиболее емко характеризует рассматриваемое определение. При этом вполне очевидно, что жилой сектор административного участка состоит не только из квартир и территорий частных домовладений, но и иных сопутствующих элементов данной инфраструктуры. Так, подъезды, лестничные площадки, лифты жилых домов, балконы, лоджии, прогулочные террасы и иные места общего пользования в многоквартирных домах, чердаки и подвалы, оборудованные для общего пользования, в т.ч. автомобильные стоянки, расположенные на подземных этажах жилых домов, также относятся к жилому сектору обслуживаемого участка.

Следовательно, при проведении профилактического обхода жилого сектора вышеуказанные элементы инфраструктуры многоквартирных жилых домов подлежат периодическому посещению и обследованию участковым уполномоченным полиции в целях осуществления общей и индивидуальной профилактики, установления лиц, находящихся в розыске, ведущих аморальный образ жизни, больных алкоголизмом и наркоманией, допускающих семейно-бытовые конфликты, а также в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Напомним, что профилактический обход административного участка проводится участковым уполномоченным полиции **ежедневно** (выделено – авт.) во время исполнения основных служебных обязанностей в соответствии с графиком несения службы и с учетом складывающейся оперативной обстановки. Ранее ведомственный нормативный правовой акт [12], утверждавший инструкцию по организации деятельности участкового уполномоченного полиции, также закреплял проведение **регулярного обхода** (выделено – авт.) административного участка.

Нельзя не отметить, что относительно ежедневности профилактического обхода высказываются различные мнения, причем не только теоретиков [20, с. 61; 8, с. 17-18], но и практических сотрудников органов внутренних дел², в т.ч. о периодичности, целе-

² Данные онлайн-опроса участковых (старших участковых) уполномоченных полиции территориальных органов МВД России, проходивших дистанционное обучение в Барнаульском юридическом институте МВД России на факультетах: заочного обучения, переподготовки и повы-

сообразности и эффективности такой работы. На наш взгляд, профилактический обход административного участка, безусловно, должен осуществляться ежедневно, независимо от количества текущих материалов, и восприниматься участковым уполномоченным полиции не как дополнительная обязанность, связанная с «ненужной» тратой служебного времени, а как первоочередной источник получения оперативно значимой информации о криминологической обстановке на территории обслуживания.

Более того, ежедневное присутствие участкового уполномоченного полиции в жилом секторе административного участка будет не только формировать у граждан осознание соответствующей правовой защищенности, но и положительное общественное мнение о работе территориального органа. Соответственно, рассматриваемая форма несения службы должна повсеместно реализовываться участковыми уполномоченными полиции на постоянной, плановой основе, независимо от наличия неисполненных материалов проверок, дополнительных поручений, запросов, а также складывающейся оперативной обстановки на участке.

При проведении профилактического обхода участковый уполномоченный полиции знакомится с населением, в т.ч. с председателями товариществ собственников жилья и недвижимости, а также с иными уполномоченными собственниками жилья лицами (старшими по подъездам, корпусам и домам). В процессе знакомства и установления партнерских, доверительных отношений в обязательном порядке вручает свои визитные карточки или иным образом оформленную (напечатанную) контактную информацию. Например, листовки с указанием номеров своих служебных телефонов и телефонов дежурной части территориального органа, места расположения участкового пункта полиции, установленных дней и часов приема населения.

Полагаем, что предоставляемая участковым уполномоченным полиции информация должна быть изложена служебно-деловым стилем и оформлена в соответствии с требованиями ведения делопроизводства в органах внутренних дел [15]. Наряду с этим не допускается вручение гражданам и представителям общественности визитных карточек или листовок, написанных от руки, на служебных бланках, протоколах, постановлениях, оборотной стороне черновых документов, а также на бумажных вырезках и обрывках.

Проведенный нами мониторинг показал, что в ряде регионов Российской Федерации¹ используется

шения квалификации, профессиональной подготовки в 2020 г.

¹ К примеру, в Республике Алтай, Алтайском крае и Кемеровской области.

практика размещения в местах общего пользования (торговые центры, кинотеатры, спорткомплексы, остановки общественного транспорта, автозаправочные станции и др.) отпечатанных типографским способом листовок «Ваш участковый уполномоченный полиции» с фотографией сотрудника полиции, контактными телефонами, днями приема и адресом участкового пункта полиции. Тем не менее указанный вариант дополнительного информирования населения административного участка не освобождает участкового уполномоченного полиции от обязанности личного вручения визитных карточек или контактной информации, отраженной на бумажных носителях, при проведении ежедневного профилактического обхода.

Следующим важным элементом профилактического обхода, которому, по нашему мнению, участковый уполномоченный полиции должен уделять не меньше своего внимания, является посещение квартир, комнат и домов граждан, расположенных на территории административного участка в целях личного знакомства и установления взаимного доверия. К сожалению, практика показывает, что зачастую участковые уполномоченные полиции игнорируют указанный вид деятельности, мотивируя это отсутствием «свободного» лимита служебного времени, позволяющего знакомиться с населением жилого сектора.

Между тем ни для кого не секрет, что реальная картина криминогенной составляющей обслуживаемой территории не может быть получена участковым уполномоченным полиции только из официальных статистических данных органов внутренних дел. Очевидно, что для этого требуются дополнительные источники оперативно значимой информации, которые как раз и могут быть предоставлены ему в процессе знакомства с гражданами административного участка, а также установления с ними личных доброжелательных отношений.

Представляется, что при проведении поквартирного и подомового обходов следует уделять внимание всем возрастным категориям граждан, в т.ч. молодежи и лицам преклонного возраста, которые, как правило, всегда устанавливают психологический контакт с участковым уполномоченным полиции, при этом обладают достаточной осведомленностью о жизни своих соседей и состоянии правопорядка в жилом секторе. В развитие этой темы нельзя не упомянуть мнение отдельных исследователей, утверждающих, что «характерным для сотрудников подразделений участковых уполномоченных полиции является упреждение противоправных деяний, а чтобы эффективно упреждать, необходимо иметь постоянную связь и поддерживать обмен информацией с населением» [20, с. 63-64], с чем, на наш взгляд, нельзя не согласиться.

В соответствии с п. 25 ведомственного нормативного правового акта [13], регламентирующего деятельность участкового уполномоченного полиции, определено, что при проведении ежедневного профилактического обхода уделяется особое внимание всему массиву поступающей информации, в т.ч. полученной посредством визуального наблюдения сотрудника полиции, предоставленной в процессе общения с гражданами, а также установленной при различных официальных запросах. Указанные формы получения информации являются наиболее приемлемыми и позволяют участковому уполномоченному полиции своевременно реализовать административно-предупредительные меры, направленные на стабилизацию правопорядка на территории своего участка.

Следуя замыслу законодателя, заметим, что во время профилактического обхода административного участка участковый уполномоченный полиции уделяет особое внимание информации о гражданах Российской Федерации, проживающих в жилых помещениях с нарушением установленных законодательством правил регистрации, в т.ч. арендующих квартиры, комнаты, жилые дома или часть домов без оформления соответствующих документов. Мы полагаем, что такие сведения в первую очередь могут быть получены от председателей и иных представителей товариществ собственников жилья, специалистов управляющих компаний в сфере жилищно-коммунального хозяйства (слесарей, электриков, сантехников, дворников), старших по подъездам и корпусам многоквартирных жилых домов, а также внештатных сотрудников полиции, закрепленных за участковым уполномоченным полиции.

Напомним, что под регистрацией граждан Российской Федерации понимается их постановка на регистрационный учет по месту жительства [14], осуществленная в установленном законодательством порядке. При этом под местом жительства понимается жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договорам найма или поднайма, а также на иных законных основаниях.

В то же время некоторые авторы акцентируют внимание, что наукой жилищного права не выработано единообразных подходов к понятийному аппарату таких терминов, как «жилище», «жилье», «жилое помещение», что, по их мнению, создает трудности в их понимании как среди непосредственных участников жилищных отношений, так и у субъектов правотворчества и правоприменения. В частности, С.В. Николюкин полагает, что жилище является общим понятием и представляет собой помещение (жилое или по-

мещение, не предназначенное для проживания) либо пространство, в котором обязательно наличие факта присутствия человека (и его имущества), использующего это помещение для удовлетворения личных, семейных и иных бытовых нужд [10, с. 40-44].

В научных кругах постоянно ведется дискуссия [19, с. 53-56; 2, с. 17-20] относительно вопросов регистрационного учета граждан по месту жительства или пребывания. Отдельные исследователи считают, что законопослушные граждане сами стремятся к оформлению регистрации по месту жительства либо по месту пребывания, но одна из проблем заключается в том, что далеко не всегда адрес, указанный в качестве места регистрации, является истинным местом проживания конкретного гражданина [17, с. 3-4].

Кроме этого, многие граждане, не имея своего жилья, регистрируются у родителей или иных близких родственников, имеющих в собственности жилые помещения, другие оформляют регистрацию исходя из какой-либо насущной проблемы, например устроить ребенка в школу или получить медицинскую помощь в конкретном учреждении. Заметим, что объединяет указанные категории граждан тот факт, что и те и другие, оформив регистрацию по месту жительства либо пребывания, по указанному адресу не проживают [17, с. 4].

Вышеизложенное еще раз подтверждает многогранность проблем как правового, так и организационного характера в вопросах осуществления контроля за соблюдением правил регистрационного учета граждан Российской Федерации на территории административного участка. В этой связи не лишне напомнить о необходимости взаимодействия участковых уполномоченных полиции с сотрудниками подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. К примеру, при проведении совместных рейдовых или плановых оперативно-профилактических мероприятий в жилом секторе.

Следующим актуальным вопросом, также требующим пристального внимания со стороны участкового уполномоченного полиции при проведении профилактического обхода, является проверка сведений об иностранных гражданах и лицах без гражданства, постоянно проживающих или временно находящихся на территории административного участка с нарушением правил въезда либо режима пребывания или проживания.

В научных публикациях можно встретить высказывания о том, что нелегально прибывшие в Российскую Федерацию иностранные граждане из-за незнания языка и законов, взаимодействуя с обществом, становятся причиной массы проблем. По статистическим данным, за несколько последних лет возросло число правонарушений, которые совершили выход-

цы из других государств. По мнению исследователей рассматриваемых правоотношений, к таким деяниям относятся мошенничество, несоответствие миграционных документов, воровство и вандализм [18, с. 57-58]. Также следует поддержать позицию ведущих ученых-административистов, полагающих, что неконтролируемое и незаконное пребывание иностранных граждан и лиц без гражданства способствует формированию криминализации общества, создает благоприятную почву для проявления национализма, ксенофобии и разжигания межнациональных конфликтов [4, с. 10-15].

В развитие этой темы нельзя не упомянуть мнение З.Н. Столяровой о том, что количество иностранных граждан, въезжающих на территорию Российской Федерации, неизменно растет с каждым годом, а по прогнозам различных экспертов, миграционные потоки с каждым годом будут только увеличиваться. Более того, вместе с ростом количества иностранных граждан, въезжающих на территорию России, растет и количество совершенных ими административных правонарушений, что, в свою очередь, обостряет проблему ужесточения ответственности за различные нарушения миграционного законодательства [22, с. 61-62].

Несомненный интерес представляет не только порядок пребывания и проживания, но и вопросы трудоустройства иностранных граждан и лиц без гражданства на территории административного участка, на которые, безусловно, должен акцентировать свое внимание участковый уполномоченный полиции. Как правило, при нарушении рассматриваемыми специальными субъектами административно-правовых отношений правил въезда либо режима пребывания или проживания на территории Российской Федерации осуществляется и незаконная трудовая деятельность без соответствующего разрешения на работу либо патента [21].

Анализ правоприменительной деятельности органов внутренних дел позволяет утверждать, что результаты нелегальной трудовой деятельности данной категории лиц влекут за собой целый комплекс неблагоприятных последствий правового характера как для российской экономики в целом, так и для правонарушителей в частности, например в случаях нарушения их общегражданских и трудовых прав. Существует мнение, что сфера социально-правовой защиты трудящихся-мигрантов также имеет некоторые проблемы. В частности, отдельные авторы указывают, что «на практике трудящиеся-мигранты вынуждены использовать два варианта: арендовать жилье у местных жителей – граждан России или жить в помещениях, предлагаемых работодателем, которые для сокрытия налогов размещают своих рабочих в не предусмотренных для жилья помещениях.

Либо в целях обогащения регистрируют их в своем жилье, а по факту оставляют их в не предусмотренных для жилья помещениях» [23, с. 18-19].

К сожалению, такие случаи правонарушений со стороны работодателей периодически выявлялись в отдельных регионах страны, о чем неоднократно сообщали средства массовой информации [7, 9]. Между тем по меньшей мере некорректным выглядит утверждение о том, что такие факты приводят «не только к нарушению прав трудовых мигрантов, но и к коррупции в среде паспортно-визовых и учетно-регистрационных служб, паспортных столов, работников ЖКХ и участковых уполномоченных» [23, с. 19], без указания конкретных злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Участковый уполномоченный полиции контролирует соблюдение иностранными гражданами и лицами без гражданства порядка временного или постоянного проживания, временного пребывания и трудовую деятельность иностранных работников в ходе проведения ежедневного профилактического обхода административного участка, в т.ч. при осуществлении приема граждан в помещении участкового пункта полиции и рассмотрении их обращений [6, с. 32-33].

Также в процессе проведения профилактического обхода обслуживаемой территории участковый уполномоченный полиции анализирует полученную из различных источников информацию о лицах, склонных к совершению бытовых преступлений и административных правонарушений, страдающих наркоманией и алкоголизмом, проживающих в жилом секторе. Обозначенные сведения могут быть получены от старших по подъездам многоквартирных жилых домов, соседей по лестничной площадке, в т.ч. соседей, проживающих на верхних и нижних этажах, внештатных сотрудников полиции, народных дружинников и представителей общественности района.

Целесообразно поддержать позицию исследователей, утверждающих, что в последнее время государство уделяет большое внимание профилактике административных правонарушений, посягающих на здоровье граждан, в частности насильственных правонарушений, таких как побои, которые также называются «насильственное поведение в быту». Побои всегда совершаются в ходе какого-либо конфликта, который вытекает из бытовых отношений между различными категориями граждан, например между соседями, членами семьи, прохожими, знакомыми, и проявляются в разных формах. Кроме этого, результаты различных криминологических исследований показывают, что ранняя профилактика побоев имеет приоритетное значение в связи с тем, что большинство тяжких насильственных преступлений соверша-

ется именно в быту, что, соответственно, увеличивает количество лиц, получивших телесные повреждения или погибших в ходе неправомерных насильственных действий на бытовой почве [24, с. 11-12].

Следует согласиться с точкой зрения Р.А. Брунера, указывающего, что пресечение и предупреждение административных правонарушений в семейно-бытовой сфере относится к числу наиболее сложных проблем в деятельности правоохранительных органов. Проведение профилактических бесед, применение методов убеждения и иных профилактических мер к семейно-бытовым дебоширам не дают должного эффекта. Практика показывает, что в данной сфере работа должна опираться не только на методы убеждения и воспитания дебоширов, но и на методы принуждения административного и уголовного характера [1, с. 34-35].

Как правило, семейно-бытовые конфликты заканчиваются совершением не только административных правонарушений, но и преступлений в отношении одного из участников возникшей ссоры. Следовательно, участковый уполномоченный полиции должен знать на обслуживаемом административном участке лиц, от которых, судя по их поведению, можно ожидать совершения повторных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу. В то же время учитывая, что данные административные правонарушения совершаются в основном внезапно, а в результате длительных неприязненных отношений друг к другу, необходимо заблаговременно применять меры профилактического воздействия. В данном случае основной целью профилактики в сфере семейно-бытовых отношений является снятие психологического напряжения в конкретной семье или в отношениях между близкими родственниками, сожителями, соседями, знакомыми и иным окружением лица.

Думается, уместно давать поручения внештатным сотрудникам полиции на получение в жилом секторе административного участка сведений о поведении в быту граждан, ранее совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений, в т.ч. на выявление неблагополучных семей, в которых могут возникнуть семейно-бытовые конфликты. Кроме индивидуальной профилактической работы участкового уполномоченного полиции посредством периодического посещения таких лиц по месту проживания и составления бесед с ними и членами их семьи, рекомендуется использовать помощь общестественности района.

Еще одной проблемой, на которую следует обратить внимание, является отработка информации о лицах, страдающих наркоманией и алкоголизмом. Для более дифференцированного подхода к рассма-

триваемой проблеме напомним, что в результате реализации антинаркотической политики в 2010-2020 гг. наркоситуация в стране в целом стабилизировалась, однако согласно данным мониторинга в большинстве регионов Российской Федерации она остается напряженной. Ежегодно правоохранительными органами выявляется около 200 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, при этом доля противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков в общем количестве зарегистрированных преступлений составляет 9,4%.

С 2010 года выросло более чем в 2,5 раза число лиц с зависимостью от новых потенциально опасных психоактивных веществ и с полинаркоманией и более чем в три раза – с зависимостью от лекарственных препаратов с психоактивным действием. Более того, среднее количество случаев отравления наркотиками в 2019 г. составило 12,4 случая на 100 тыс. человек, а число умерших от потребления наркотиков в Российской Федерации в 2019 г. превысило 4,6 тыс. человек [16].

Кроме этого, злоупотребление алкогольной продукцией приводит к преждевременной смерти людей от предотвратимых причин и является одной из основных причин социальной деградации определенной части общества, которая выражается в росте преступности, насилия, сиротства, в ухудшении здоровья, росте инвалидности и случаев суицида. В состоянии алкогольного опьянения ежегодно совершаются многочисленные преступления – убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, хулиганство, грабежи, разбои, угоны автотранспорта. Прямые и косвенные экономические потери от алкоголизации населения наносят ощутимый вред социально-экономическому развитию страны. Наконец, алкоголизм представляет собой общенациональную угрозу на уровне личности, семьи, общества и государства [11].

Как справедливо отмечает профессор А.С. Дугенец, профилактическая работа полиции по предупреждению и пресечению административных правонарушений, связанных с потреблением алкогольной продукции, способствует предупреждению совершения гражданами более серьезных противоправных деяний. Кроме того, указанная деятельность направлена и на профилактику возможных правонарушений в отношении их самих (грабежи, побои, ДТП и т.п.), а в условиях низкой температуры окружающей среды предохраняет от утраты здоровья и замерзаний [5, с. 62].

Полагаем, что предупреждение административных правонарушений, связанных с незаконным потреблением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов также предотвратит более серьезные деяния со стороны наркозависимых лиц. Соответственно, участковый уполномоченный полиции должен своевременно получать информацию

и иметь объективную картину о количестве граждан, страдающих алкоголизмом и наркоманией и проживающих на территории административного участка, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу.

Не менее актуальной является информация о лицах, пострадавших от преступлений или подверженных риску стать таковыми в силу их малолетнего либо престарелого возраста, а также имеющих психические расстройства, о лицах без определенного места жительства и занятий, находящихся на территории административного участка. Не может оставаться без внимания информация о случаях антиобщественного или противоправного поведения жильцов квартир и домовладений.

Между тем заявленный объем данной статьи не позволяет в настоящее время детально рассмотреть деятельность участкового уполномоченного полиции в данном направлении, в связи с чем данная проблема будет отражена нами в других научных работах.

В завершение отметим, что вся полученная в ходе профилактического обхода участковым уполномоченным полиции информация докладывается прямым начальникам либо передается заинтересованным должностным лицам органов внутренних дел, а также используется указанными лицами в целях выполнения обязанностей в порядке, предусмотренном действующим законодательством и нормативными правовыми актами МВД России. В случае выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушения, участковый уполномоченный полиции докладывает непосредственному руководителю о необходимости внесения в соответствующий орган или организацию либо общественное объединение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения. Результаты профилактического обхода отражаются в служебной документации Сервиса обеспечения охраны общественного порядка на базе Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России [13].

Литература

1. Брунер Р.А. Об административном запрете на приближение в сфере противодействия семейно-бытовому насилию // Современное право. 2018. № 7-8. С. 34-35.
2. Бубнов С.В. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере миграционных отношений // Миграционное право. 2016. № 4. С. 17-20.
3. Деятельность участкового уполномоченного полиции: курс лекций / под ред. А.Г. Гришакова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 199 с.
4. Дугенец А.С. О мерах по пресечению незаконной миграции и противодействию преступности в миграционной сфере // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2019. Вып. 1. С. 10-14.
5. Дугенец А.С. О проблемах определения оснований для проведения профилактической работы с лицами, больными алкоголизмом // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 60-62.
6. Ишмуратов П.Н. К вопросу о контроле участковым уполномоченным полиции за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства порядка временного или постоянного проживания, временного пребывания в Российской Федерации и трудовой деятельностью иностранных работников // Миграционное право. 2017. № 2. С. 32-35.
7. Как посредники оставляют мигрантов без зарплаты? URL: <http://camplatform.org/?p=2653>.
8. Киричек Е.В. Правовое регулирование, основные формы, проблемы и перспективы взаимодействия участковых уполномоченных полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 16-20.
9. «Мой город» выплатил зарплату не всем мигрантам в Москве. URL: https://rus.azattyk.org/a/russia-migrants-kyrgyzstan-salary/29325081.html.oskve_migrantam_izkyrgyzystana_nevyiplatili.
10. Николюкин С.В. К вопросу о «терминологической разноголосице» в понятиях «жилище», «жилье» и «жилое помещение» // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 38-42.
11. О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2009 г. № 2128-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 2. Ст. 264.
12. О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 16 сентября 2002 г. № 900. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». Документ утратил силу.
13. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615. Документ официально опубликован не был.

16. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

17. Островская А.С. Регистрационный учет по месту пребывания и месту жительства в Российской Федерации: поиск путей реформирования // Административное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 1-7.

18. Попович О.М. Актуальные вопросы административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 57-59.

19. Прудникова Т.А. Проблемные вопросы российского законодательства в части регистрационного учета граждан Российской Федерации, контроля за соблюдением правил регистрации // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 53-56.

20. Сотников С.С., Кочеров Ю.Н., Димитров А.Н. Об организации оперативно-служебной деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России на городском (районном) уровне // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 61-64.

21. Сотрудники управления по вопросам миграции провели проверки мест осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами. URL: <https://74.xn-b1aew.xn-p1ai/news/item/21935410?year>.

22. Столярова З.Н. О совершенствовании института административной ответственности в сфере миграции // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 61-64.

23. Чирков Д.К., Чирков В.Д. Актуальные проблемы правового положения трудящихся-мигрантов и беженцев в Российской Федерации // Миграционное право. 2020. № 3. С. 16-20.

24. Шихнабиев Р.А. Меры административного предупреждения, принимаемые сотрудниками полиции по противодействию административным правонарушениям, посягающим на здоровье граждан // Административное и муниципальное право. 2020. № 5. С. 11-22.

УДК 351.811: 656.13

И.В. Слышалов, канд. юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: 8913967@gmail.com;

С.И. Кориц

Омская академия МВД России

E-mail: kail1@list.ru;

Д.С. Рудман, канд. юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: denis-rudman@yandex.ru

НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОДГОТОВКИ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются правовые и организационные основы проверки теоретических знаний кандидатов в водители транспортных средств в Российской Федерации. Осуществляется сравнительный анализ с аналогичными процедурами в других странах. Рассматривается возможность изъятия в нашей стране из свободной продажи экзаменационных билетов, делается вывод об избыточности такой акции и отсутствии достаточных правовых инструментов для её реализации. Аргументируется необходимость встраивания в экзаменационные задачи интерактивного материала и разработки альтернативного комплекта задач экзаменационных билетов, который бы не предназначался для свободного обращения.

Ключевые слова: безопасность, дорожное движение, право управления, экзаменационные билеты, транспортное средство.

I.V. Slyshalov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: 8913967@gmail.com;

S.I. Koryts

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: kail1@list.ru;

D.S. Rudman, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: denis-rudman@yandex.ru

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF TRAINING OF VEHICLE DRIVERS

The article discusses the legal and organizational basis for testing the theoretical knowledge of candidates for drivers of vehicles in the Russian Federation. A comparative analysis is carried out with similar procedures in other countries. The possibility of withdrawing exam tickets from the free sale in our country is considered, and the conclusion is made that such an action is redundant and that there are no sufficient legal instruments for its implementation. The necessity of embedding interactive material in exam tasks and developing an alternative set of exam ticket tasks that would not be intended for free circulation is argued.

Key words: safety, traffic, driving licence, examination tickets, vehicle.

Безопасность дорожного движения является важнейшей социально-экономической и демографической проблемой Российской Федерации. На протяжении десятилетий тысячи граждан Российской Федерации получают телесные повреждения и гибнут в дорожно-транспортных происшествиях [10].

Причины высокой аварийности и смертности различны. Помимо низкой дисциплины участников дорожного движения, это и отставание дорожного строительства от темпов автомобилизации страны, недостаточное оснащение дорог техническими средствами организации движения, конструктивные недостатки транспортных средств.

К числу основных причин аварийности следует отнести также и низкий уровень подготовки водителей транспортных средств. Специалистами отмечается, что существующая практика профессиональной подготовки кандидатов в водители транспортных средств не в полной мере обеспечивает формирование у них стереотипов законопослушного и безопасного поведения на дороге [1]. 17 ноября 2019 г. во время проведения мероприятий, посвященных Всемирному дню памяти жертв дорожно-транспортных происшествий, президент Международной автомобильной федерации (FIA), специальный посланник генерального секретаря ООН по безопасности дорожного движения Ж. Тодт в качестве одной из основных причин аварийности в России назвал изъяны в образовании водителей и пешеходов [2].

По данным Госавтоинспекции, сегодня в России более 18% дорожно-транспортных происшествий совершается водителями со стажем управления до трех лет. При этом количество обращений граждан по вопросам получения права на управление транспортными средствами имеет тенденцию к росту. Так, в 2019 г. право на управление транспортными средствами впервые получили 1 098 354 человека [10].

Таким образом, качественная подготовка кандидатов в водители транспортных средств является одним из основных факторов, обуславливающих возможность снижения количества дорожно-транспортных происшествий.

Следует отметить, что во многих странах мира порядок проведения и организация приема экзаменов на право управления транспортными средствами имеют много общего. Экзамены включают в себя теоретический тест и проверку навыков управления автомобилем.

Зарубежная практика приема теоретического экзамена свидетельствует о том, что при приеме теоретического экзамена, как правило, используются мультимедийные программы. При этом в большинстве стран использование аппаратно-программных комплексов предполагает простое дублирование текстовых экзаменационных билетов. Лишь некоторые

государства используют возможности, предоставляемые компьютерной техникой, на более высоком уровне. Например, во Франции, Германии, Монако в экзаменационные задания встраиваются видеоролики, демонстрирующие различные ситуации на дороге. В Финляндии, Швеции, Франции и Ирландии вопросы дополняют аудиоэлементами, а также анимационными изображениями технических средств регулирования дорожного движения и световых указателей поворота [3, с. 6].

Включение в экзаменационные задачи интерактивного материала, позволяющего осуществлять моделирование различных дорожных ситуаций, с большей степенью реалистичности представляется перспективным направлением совершенствования методического обеспечения процедур проверки теоретических знаний кандидатов в водители и, на наш взгляд, должно более интенсивно использоваться отечественными экзаменационными подразделениями, тем более что каких-либо нормативных препятствий к этому нет.

Возвращаясь к международным практикам, отметим, что общее количество экзаменационных билетов в странах отличается. В Республике Беларусь их 2500, Германии и Австрии – более 1000, Латвии – 1250, Франции – 3000, Израиле – 1800, Китае – 1000. Вместе с тем зарубежные эксперты сходятся во мнении, что принятая в настоящее время тестовая система оценки знаний несовершенна по причине существующих подсказок в вариантах ответа на поставленный вопрос (как правило, он самый простой), а также в плане принятой в большинстве учебных организаций системы «натаскивания» кандидатов в водители на решение тестовых задач [3, с. 9].

В нашей стране порядок проведения экзаменов на предоставление специального права на управление транспортными средствами, в т.ч. его теоретической части, во многом аналогичен порядку, принятому в большинстве стран мира.

Порядок проведения экзаменов на предоставление специального права на управление транспортными средствами соответствующих категорий и входящих в них подкатегорий установлен правилами проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 24 октября 2014 г. № 1097 [6]. Сроки, отведенные на выполнение административных процедур, их последовательность, алгоритм действий должностных лиц установлены административным регламентом Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами

и выдаче водительских удостоверений, утвержденным приказом МВД России от 20.10.2015 № 995 [8].

Экзамены состоят из теоретического и практических экзаменов. Теоретический экзамен представляет собой форму объективной оценки знания и понимания кандидатом в водители законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения, факторов, способствующих возникновению дорожно-транспортных происшествий, других вопросов, касающихся безопасности дорожного движения, с использованием заданий стандартизированной формы – экзаменационных билетов.

Согласно п. 12 Правил проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений содержание комплекта экзаменационных задач, используемых при проведении теоретического экзамена, определяется Министерством внутренних дел Российской Федерации.

В соответствии с п. 24 Приказа МВД России от 08.11.2001 № 982 «Об утверждении Положения о Главном управлении Государственной инспекции безопасности дорожного движения Службы общественной безопасности МВД России»¹ к функциям Главного управления относится утверждение экзаменационных билетов для принятия теоретического квалификационного экзамена на получение права на управление автотранспортными средствами, трамваями, троллейбусами [9].

Используемые в настоящее время для приема теоретического экзамена билеты по своему содержанию и оформлению не претерпели существенных изменений с 1997 г. Разработчиками билетов является группа авторов во главе с Г.Б. Громоковским, «исключительные права» на издание экзаменационных билетов принадлежат фирме «Рецепт-Холдинг» [4, с. 9].

Следует отметить, что действующее правовое регулирование не предполагает необходимости закрывать информацию о содержании экзаменационных задач от третьих лиц, в т.ч. кандидатов в водители (при этом в большинстве стран Евросоюза экзаменационные вопросы отсутствуют в свободном доступе).

В научной литературе на этот счет высказывались различные мнения, вплоть до необходимости изъятия экзаменационных билетов из свободного оборота, что «положительно скажется на качестве подготовки водителей и принятии экзаменов на право управления транспортными средствами. Во-

¹ Решением Верховного Суда РФ от 27 апреля 2012 г. № АКПИ12-181 Правила сдачи квалификационных экзаменов и выдачи водительских удостоверений признаны не противоречащими действующему законодательству в части, предоставляющей Главному управлению Государственной инспекции право утверждать экзаменационные билеты.

первых, автошколам придется выстраивать учебный процесс таким образом, чтобы обучающийся не только владел необходимым теоретическим материалом, но и правильно мог его использовать. Во-вторых, это заставит самих кандидатов в водители более ответственно подходить к процессу обучения. В-третьих, в оценке объективности теоретических знаний не будет сомнений» [5, с. 106].

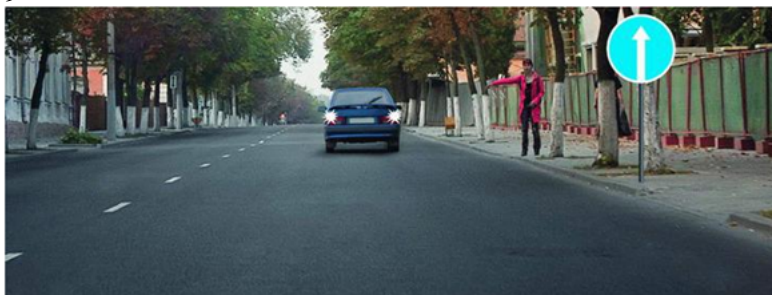
Предлагаемое изъятие экзаменационных билетов из свободного оборота, которое должно положительно сказаться на качестве подготовки водителей, на первый взгляд вызывает поддержку. Однако возникают серьезные вопросы, связанные с определением правового механизма изъятия экзаменационных билетов из свободного оборота, а также наличием самой возможности проведения данной акции, учитывая то, что находящиеся в свободной продаже задачи экзаменационных билетов имеют авторов, обладающих соответствующими авторскими правами, а также то, что продажа экзаменационных билетов осуществляется значительными тиражами и является, видимо, весьма доходным предприятием. В этих условиях представляется более правильным говорить о необходимости разработки Госавтоинспекцией альтернативного методического инструментария проверки теоретических знаний кандидатов в водители (комплекта экзаменационных билетов), который бы использовался исключительно для целей приема экзаменов и не предназначался для свободного обращения.

Как было отмечено, прием теоретического экзамена на получение права управления транспортными средствами осуществляется на основании экзаменационных задач, разработанных группой авторов. Широкое распространение получило издание «Экзаменационные билеты для приема теоретических экзаменов на право управления транспортными средствами категорий "А", "В", "М" и подкатегорий "А1", "В1" с комментариями» [4]. Как указано в аннотации к изданию, «настоящее пособие является официальным изданием экзаменационных билетов, которые используются при приеме теоретических экзаменов на право управления транспортными средствами категорий "А", "В", "М" и подкатегорий "А1", "В1" в подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения».

Признавая, что абсолютное большинство задач и комментариев к ним выполнены на высоком научном и методическом уровне, отметим, что действующий вариант экзаменационных задач содержит отдельные неточности, которые в одних случаях носят характер не вполне корректно сформулированных вопросов, в других – являются следствием не вполне очевидных «правильных» вариантов предлагаемых решений [11, 12].

Приведем примеры задач, общим для которых является то, что предлагаемые решения представляются нам не вполне очевидными.

Билет 28, вопрос 9

Разрешено ли водителю движение задним ходом для посадки пассажира на этом участке дороги?

1. Разрешено
2. Разрешено, если водитель управляет легковым такси.
3. Запрещено.

Авторы экзаменационных билетов называют правильным ответ «Разрешено», при этом ссылаются на то, что дорожный знак 4.1.1 «Движение прямо» не запрещает движения задним ходом, а значит движение задним ходом в зоне его действия разрешено.

Описание значения дорожного знака 4.1.1 «Движение прямо» действительно не содержит прямого запрета на движение в зоне его действия задним ходом. Однако рассмотрим содержание требований знака более подробно. В соответствии с разделом 4 («Предписывающие знаки») приложения 1 («Дорожные знаки») к Правилам дорожного движения Российской Федерации [7] (далее – Правила) дорожный знак 4.1.1 разрешает движение «только в направлении, указанном на знаке стрелкой». Стрелка на знаке указывает прямо вперед по ходу движения, что

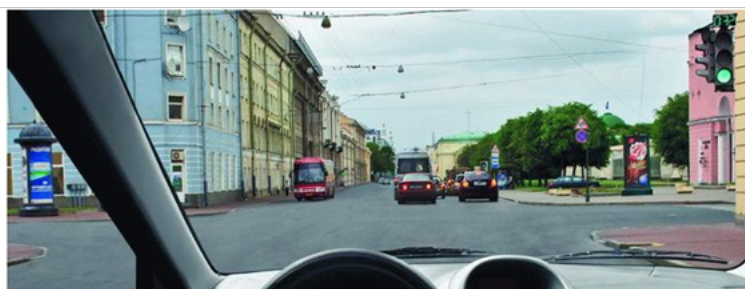
во взаимосвязи с наименованием знака («Движение прямо») позволяет сделать вывод о том, что в зоне его действия единственно возможным вариантом движения является движение прямо в попутном направлении (прямо вперед).

В то же время движение задним ходом предполагает необходимость движения в прямо противоположном, обратном направлении, а значит не может осуществляться в зоне действия знака 4.1.1.

Таким образом, в зоне действия дорожного знака 4.1.1 «Движение прямо» движение задним ходом не является разрешенным вариантом движения, поскольку противоречит требованиям указанного знака.

В связи с изложенным предлагается изменить правильный вариант решения задачи, изложив его в следующей редакции: «3. Запрещено».

Билет 7, вопрос 14

Разрешено ли Вам выехать на перекресток, за которым образовался затор:

1. Разрешено.
2. Разрешено, если Вы намерены выполнить поворот или разворот.
3. Запрещено.

Авторы экзаменационных билетов предлагают следующий вариант правильного ответа и комментарий к нему: «В данной ситуации Вы можете выехать на перекресток только для поворота или разворота, так как образовавшийся затор делает невозможным движение в прямом направлении без вынужденной остановки на перекрестке, а это создаст препятствие для движения в поперечном направлении (п. 13.2). Ответ – 2)».

Комментируя рассматриваемую задачу, необходимо отметить два обстоятельства.

Во-первых, нельзя признать удачной терминологию, которой пользуются авторы, делая пояснения к задаче. В частности, ими используется понятие «вынужденная остановка», которое в данном случае не применимо, поскольку описывает принципиально иные случаи прекращения движения транспортного средства.

Во-вторых, что несомненно более важно, предлагаемый авторами вариант ответа является не вполне правильным, т.к. в рассматриваемой ситуации для водителя легкового автомобиля сохраняется возможность выезда на перекресток в прямом направлении. Связано это с тем, что Правила не содержат абсолютного запрета на выезд на перекресток, на котором или за которым образовался затор. В соответствии с п. 13.2 Правил затор препятствует выезду на перекресток только в том случае, если он «вынудит водителя остановиться, создав препятствие для движения транспортных средств в поперечном направлении». При этом в предлагаемой дорожной ситуации далеко не очевидно, что, выехав на перекресток, водитель создаст помеху для движения транспортных средств в поперечном направлении, т.к., во-первых, расстояние от остановившегося в крайнем правом ряду впереди идущего транспортного средства до края пересечения проезжих частей явно позволяет остановиться сразу за ним таким образом, чтобы не соз-

давать помех для движения транспортных средств в поперечном направлении, а во-вторых, в поперечном направлении дорога пуста, автомобили отсутствуют как справа, так и слева от транспортного средства, в отношении которого задается вопрос, а значит отсутствует и реальная угроза создания препятствия для движения транспортного средства в поперечном направлении как обязательного условия возникновения запрета выезда на перекресток.

О том, что Правилами запрещен не всякий выезд на перекресток, за которым образовался затор, а только такой, который повлечет создание препятствия для движения транспортных средств в поперечном направлении, свидетельствует и действующая редакция ч. 1 ст. 12.13 КоАП РФ. В соответствии с содержащейся в ней нормой выезд на перекресток или пересечение проезжей части дороги в случае образовавшегося затора, который вынудил водителя остановиться, создав препятствие для движения транспортных средств в поперечном направлении, образует состав административного правонарушения и влечет наложение административного штрафа в размере одной тысячи рублей. Как видим, для квалификации деяния необходимо, чтобы автомобиль не только выехал в случае образовавшегося затора на перекресток или пересечение проезжей части дороги, но и создал препятствие для движения транспортных средств в поперечном направлении (материальный состав административного правонарушения).

В связи с изложенным предлагается исключить задачу из экзаменационных билетов как не имеющую бесспорного решения либо изложить вариант правильного ответа в следующей редакции: «Разрешено, если остановка автомобиля в зоне перекрестка при движении в прямом направлении не повлечет создания препятствия для движения транспортных средств в поперечном направлении или Вы намерены выполнить поворот или разворот».

Билет 17, вопрос 16

Кто из водителей должен уступить дорогу трамваю?

1. Оба водителя.
2. Только водитель грузового автомобиля.
3. Только водитель легкового автомобиля.
4. Никто из водителей.

Авторы экзаменационных билетов предлагают следующий вариант правильного ответа и комментарий к нему: «В этой ситуации водители грузового и легкового автомобилей не должны уступать дорогу, так как трамвай, выезжая из депо, не имеет преимущества (п. 18.1). Ответ – 4».

Формулировка п. 18.1 Правил позволяет сделать вывод, что при выезде из депо трамвай не имеет преимущественного права движения перед безрельсовыми транспортными средствами. В связи с этим возникает вопрос: какими пунктами Правил должен руководствоваться водитель трамвая, выезжая из депо? Ведь само по себе отсутствие права преимущественного проезда еще не означает (автоматически не влечет) обязанности его водителя уступить дорогу безрельсовым транспортным средствам. Следуя логике этих рассуждений, гораздо логичнее предположить, что перед нами обычное пересечение равнозначных дорог. А на таких равнозначных перекрестках в силу п. 13.11 Правил трамвай пользуется приоритетным правом проезда.

Другое дело, что, вероятнее всего, трамвайное депо не имеет сквозного проезда, а значит является прилегающей по отношению к дороге территорией со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе в виде обязанности водителей вне зависимости от того, рельсовым или безрельсовым транспортным средством они управляют, выезжающих на дорогу с прилегающей территории, уступить дорогу транспортным средствам и пешеходам (п. 8.3 Правил). Однако в этом случае, во-первых, имеют место некие неочевидные допущения о статусе территории трамвайного депо, обусловленные наличием (отсутствием сквозного проезда), а во-вторых, даже если предположить, что депо является прилегающей территорией, то аргументация правильного варианта ответа должна осуществляться со ссылкой не на п. 18.1, а на иной пункт Правил (п. 8.3).

Таким образом, Правила не позволяют очевидным образом ответить на вопрос об очередности проезда в ситуации пересечения траекторий движения безрельсового транспортного средства и трамвая, выезжающего из депо, поскольку статус территории депо заранее установить невозможно.

В связи с изложенным предлагаем исключить задачу 18.1 из экзаменационных билетов как не имеющую бесспорного решения.

В заключение следует отметить, что органам внутренних дел принадлежит важная роль в обеспечении безопасности дорожного движения. Среди ряда факторов, определяющих эффективность этой деятельности, одно из центральных мест занимают вопросы профессиональной подготовки кандидатов в водители.

Как видится, основными направлениями совершенствования методического инструментария проверки теоретических знаний кандидатов в водители являются:

1) встраивание в экзаменационные задачи интерактивного материала, позволяющего осуществлять моделирование различных дорожных ситуаций с большей степенью реалистичности;

2) разработка альтернативного комплекта задач экзаменационных билетов, который использовался бы исключительно для целей приема экзаменов Госавтоинспекцией и не предназначался бы для свободного обращения;

3) дальнейшее совершенствование содержания задач экзаменационных билетов с целью обеспечения точного соответствия Правилам дорожного движения Российской Федерации, ясности, недвусмысленности, корректности формулировок и однозначности предлагаемых решений.

Полагаем, что реализация предложенных мер способна оказать положительное влияние на уровень подготовки кандидатов в водители транспортных средств и состояние защищенности дорожного движения.

Литература

1. IV Международный конгресс «Безопасность на дорогах ради безопасности жизни». Рекомендации круглого стола по подготовке водителей. URL: <http://www.maaash.ru/?c=News&v=0348> (дата обращения: 22.08.2020).

2. В ООН озвучили причины смертности при ДТП в России – РИА Новости. URL: <http://ria.ru/20191117/1561031495.html/> (дата обращения: 22.08.2020).

3. Готовность водителей к безопасному управлению транспортным средством: практическое пособие / Е.М. Мухин и др. М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2017. 90 с.

4. Громоковский Г.Б., Якимов А.Ю. и др. Экзаменационные билеты для приема теоретических экзаменов на право управления транспортными средствами категорий «А», «В», «М» и подкатегорий «А1», «В1» с комментариями. М.: Рецепт-Холдинг, 2018. 208 с.

5. Губенков А.О. Административно-правовое регулирование контрольно-разрешительной деятельности экзаменационных подразделений Госавтоинспекции: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2017. 206 с.

6. О допуске к управлению транспортными средствами [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 24 октября 2014 г. № 1097. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдаче водительских удостоверений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 20 октября 2015 г. № 995. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об утверждении Положения о Главном управлении Государственной инспекции безопасности дорожного движения Службы общественной безопасности МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 8 ноября 2001 г. № 982. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения: 22.08.2020).

11. Слышалов И.В. Движение по встречной стороне дороги. Взгляд сквозь призму теоретического экзамена на право управления транспортными средствами // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1. С. 28-33.

12. Слышалов И.В. О совершенствовании задач теоретического экзамена на право управления транспортными средствами // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4. С. 105-111.

УДК 342.9

С.В. Ярковой, канд. юрид. наук

Арбитражный суд Омской области

E-mail: om.as@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-НАКАЗАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ЗАКОННОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются сущность и основные характеристики правоприменительной деятельности органов исполнительной власти, иных органов публичной администрации по привлечению физических и юридических лиц к административной ответственности (административно-наказательной деятельности). Данная деятельность направлена на обеспечение защиты охраняемых законом общественных отношений от административных правонарушений посредством их предупреждения, пресечения и привлечения лиц, совершивших такие правонарушения, к административной ответственности. Автор выделяет три группы требований законности административно-наказательной деятельности: 1) требования точного, полного и правильного применения материальных норм административного права, определяющих принципы и общие правила привлечения к административной ответственности; 2) требования точного, полного и правильного применения материальных норм административного права, определяющих правовые конструкции составов конкретных административных правонарушений; 3) требования точного, полного и правильного применения административно-процессуальных норм, устанавливающих правила осуществления производства по делам об административных правонарушениях, и приводит соответствующие примеры их нарушения на практике.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, административно-наказательная деятельность, административно-публичные органы, производство по делам об административных правонарушениях, законность, требования законности, материальные нормы административного права, административно-процессуальные нормы.

S.V. Yarkovoy, Candidate of Juridical Sciences

Arbitration Court of the Omsk Region

E-mail: om.as@yandex.ru

ADMINISTRATIVE-PUNITIVE ACTIVITIES: CONCEPT, MAIN FEATURES AND LEGALITY OF IMPLEMENTATION

The article examines the essence and main characteristics of the law enforcement activities of executive authorities and other public administration bodies to bring individuals and legal entities to administrative responsibility (administrative punishment). This activity is aimed at ensuring the protection of public relations protected by law from administrative offenses through their prevention, suppression and bringing persons, who have committed such offenses, to administrative responsibility. The author identifies three groups of requirements for the legality of administrative-punitive activity: 1) requirements for the exact, complete and correct application of the substantive norms of administrative law that determine the principles and general rules for bringing to administrative responsibility; 2) the requirements for the exact, complete and correct application of substantive norms of administrative law that determine the legal structures of the compositions of specific administrative offenses; 3) the requirements for accurate, complete and correct application of administrative procedural norms that establish the rules for carrying out proceedings in cases of administrative offenses, and gives relevant examples of their violation in practice.

Key words: administrative responsibility, administrative offense, administrative-punitive activity, administrative-public bodies, proceedings on cases of administrative offenses, legality, legality requirements, substantive norms of administrative law, administrative procedural norms.

Деятельность административно-публичных органов и их должностных лиц по привлечению физических и юридических лиц к административной ответственности, разрешению дел об административных правонарушениях является наряду с контрольно-надзорной деятельностью одним из массовых и наиболее чувствительных для граждан и организаций видов административной правоприменительной деятельности. В отечественной науке административного права деятельность органов государственного управления по привлечению лиц к административной ответственности и разрешению дел об административных правонарушениях традиционно рассматривается как административно-юрисдикционная.

Так, один из основоположников теории административной юрисдикции А.П. Шергин определяет административную юрисдикцию как вид правоохранительной деятельности органов государственного управления и других компетентных органов, охватывающий рассмотрение дел об административных правонарушениях и принятие решений по ним в установленных законом формах и порядке [29, с. 45; 30, с. 6]. В то же время в литературе по административному праву указанную деятельность иногда именуют административно-деликтной, рассматривают в качестве административно-деликтного процесса. В частности, А.В. Кирин полагает, что административная ответственность есть самостоятельный институт административного права – институт административно-деликтного права в виде законодательно установленной системы мер административных наказаний за административные правонарушения, а административно-деликтный процесс, с точки зрения названного автора, – комплекс административно-процессуальных институтов и норм, регулирующих процедуры привлечения к административной ответственности [8, с. 108, 114-115, 181]. По мнению С.С. Сотникова, А.Н. Димитрова, Ю.Н. Кочерова, разрешение сотрудниками полиции дел об административных правонарушениях является административно-деликтной деятельностью [28, с. 61].

Вряд ли, на наш взгляд, оба указанных подхода к характеристике содержания рассматриваемой деятельности можно считать удачными. Рамками понятия «административная юрисдикция», как правило, охватываются не только деятельность по привлечению к административной ответственности, но и некоторые другие виды административной деятельности, такие как применение иных мер административного принуждения, разрешение административных споров [3, с. 237; 4, с. 18; 14, с. 131]. Термины же «административно-деликтная деятельность», «административно-деликтный процесс» не совсем верно отражают содержание деятельности по привлечению к административной ответственности, поскольку бук-

вально означают «административно-правонарушающая деятельность» и «административно-правонарушающий процесс». Между тем речь идет о законной деятельности административно-публичных органов и их должностных лиц по привлечению физических и юридических лиц к административной ответственности за совершенные ими административные правонарушения. Поскольку привлечение к административной ответственности направлено на применение к правонарушителям административных наказаний, полагаем возможным называть административную деятельность по привлечению к административной ответственности также административно-наказательной деятельностью.

Рассматриваемая деятельность регулируется как административно-материальными, так и административно-процессуальными нормами, сосредоточенными главным образом в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), а также в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (административной ответственности).

Институт административной ответственности основательно исследован в отечественной науке административного права, причем как в материально-правовом, так и процессуально-правовом аспектах.

Один из крупных специалистов в области административной ответственности И.А. Галаган рассматривал институт административной ответственности как совокупность административно-материальных и административно-процессуальных норм, регулирующих общественные отношения, связанные с осуществлением компетентными органами и должностными лицами своих полномочий по непосредственному установлению факта и состава административного правонарушения, личности виновного и применению к нему конкретного взыскания, а также отношения, связанные с процедурой возбуждения и рассмотрения дел, вынесением, обжалованием, пересмотром, исполнением решений о взыскании [7, с. 141]. П.П. Серков определяет административную ответственность как комплексную правовую реакцию государства на проявление административной противоправности, содержащую материально-правовые основания и процессуальный порядок возбуждения, рассмотрения дел об административных правонарушениях, назначения и исполнения административных наказаний в целях возложения на правонарушителя обязанности претерпевания неблагоприятных последствий, установленных законодателем, или прекращения производства по делу в определенных законом случаях [27, с. 459]. Большинство отечественных ученых-административистов видят содержание административной ответственности в применении компетентными органами и должностными лицами

специальных административно-правовых санкций – административных наказаний к лицам, совершившим административные правонарушения [1, с. 17; 5, с. 66; 26, с. 230-231].

Процессуально-правовой формой осуществления административно-наказательной деятельности выступает производство по делам об административных правонарушениях. В КоАП РФ понятие указанного производства не раскрывается. В юридической литературе производство по делам об административных правонарушениях определяется как урегулированная административно-процессуальными нормами деятельность компетентных органов и должностных лиц по возбуждению, административному расследованию дел об административных правонарушениях, их рассмотрению и принятию по ним решений, обжалованию и исполнению решений по названным делам [2, с. 269; 6, с. 171].

С учетом положений КоАП РФ, теоретических подходов к пониманию института административной ответственности, содержания и процессуально-правовых форм деятельности по привлечению к административной ответственности представляется возможным выделить следующие основные характерные черты административно-наказательной деятельности.

1. Административно-наказательная деятельность осуществляется административно-публичными органами, наделенными полномочиями по применению мер административной ответственности, т.е. административных наказаний, в рамках рассмотрения подведомственных им дел об административных правонарушениях (далее – административно-наказательные органы). В соответствии с положениями ст. 22.1 КоАП РФ к числу административно-наказательных органов относятся:

а) федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

б) иные государственные органы;

в) отдельные государственные учреждения, подведомственные федеральным органам исполнительной власти и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации;

г) Центральный банк Российской Федерации (Банк России);

д) комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав;

е) административные комиссии и иные коллегиальные органы, создаваемые в соответствии с законами субъектов Российской Федерации.

Помимо перечисленных органов и учреждений, на рассмотрение дел об административных правонарушениях уполномочены также судьи, однако их правоприменительная деятельность по привлечению

физических и юридических лиц к административной ответственности не может быть признана административной. Такая деятельность, согласно высказанной в административно-правовой литературе и разделяемой нами точке зрения, является правосудием, одним из видов административного судопроизводства [9, с. 12-13].

2. Административно-наказательная деятельность имеет внешнюю направленность и осуществляется административно-публичными органами в отношении не находящихся в их организационно-служебном подчинении физических и юридических лиц, совершивших административные правонарушения, а также в отношении иных лиц, привлекаемых к участию в производстве по делам об административных правонарушениях (защитников и представителей лиц, привлекаемых к административной ответственности, потерпевших, свидетелей, понятых, специалистов, экспертов, переводчиков).

3. Правила организации и осуществления административно-наказательной деятельности установлены материальными нормами административного права, определяющими систему и правовой статус административно-наказательных органов, их должностных лиц, разграничение полномочий между ними, и нормами административно-процессуального права, регламентирующими процедуры производства по делам об административных правонарушениях. Указанные административно-материальные нормы содержатся в первую очередь в разделе III КоАП РФ и соответствующих разделах (главах) законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (административной ответственности), а административно-процессуальные нормы – в разделах IV-V КоАП РФ.

4. Целью административно-наказательной деятельности является обеспечение режимов законности и безопасности государства, общества, отдельной личности, поведения и деятельности граждан и организаций.

5. Задачами административно-наказательной деятельности выступают:

а) защита охраняемых законом общественных отношений от административных правонарушений посредством их предупреждения, пресечения и привлечения лиц, совершивших данные правонарушения, к административной ответственности;

б) всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств каждого дела об административном правонарушении, разрешение его в соответствии с законом, обеспечение исполнения вынесенного по делу постановления;

в) выявление причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и принятие мер по их устранению.

6. Содержание административно-наказательной деятельности сводится к совершению компетентными административно-публичными органами и действующими от их имени должностными лицами административных действий и изданию ими административных актов, направленных на достижение цели и решение задач рассматриваемой деятельности.

7. В ходе административно-наказательной деятельности административно-наказательными органами применяются административно-материальные нормы, определяющие принципы и общие правила привлечения к административной ответственности, закрепляющие юридические конструкции составов административных правонарушений, сосредоточенные в КоАП РФ и законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (административной ответственности), материальные нормы других отраслей права, в частности муниципального, финансового, земельного, водного, лесного, градостроительного, экологического, гражданского, регулирующие соответствующие виды общественных отношений, выступающих в качестве объектов совершенных административных правонарушений, и административно-процессуальные нормы, предусматривающие процедуры производства по делам об административных правонарушениях.

8. Административно-наказательная деятельность осуществляется посредством использования специальных административно-правовых методов, предусмотренных главами 27-31 КоАП РФ, к числу которых относятся: метод административного пресечения административных правонарушений (административное задержание лица, транспортного средства, отстранение от управления транспортным средством, временный запрет деятельности); метод установления фактических обстоятельств совершения административных правонарушений (осмотр помещений и территорий, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, досмотр транспортного средства, изъятие вещей и документов, освидетельствование и медицинское освидетельствование лица на состояние опьянения, административное расследование); метод административного обеспечения привлечения лица к административной ответственности (доставление лица, привод лица, арест товаров, транспортных средств и иных вещей, помещение иностранных граждан и лиц без гражданства в специальные учреждения, исполнение назначенных административных наказаний); метод административного наказания лиц, совершивших административные правонарушения.

9. Административно-наказательная деятельность осуществляется в рамках специальной административно-процессуальной формы, именуемой производ-

ством по делам об административных правонарушениях.

На основании изложенного *административная деятельность по привлечению к административной ответственности (административно-наказательная деятельность) может быть определена как правоприменительная деятельность административно-публичных органов (административно-наказательных органов) и действующих от их имени должностных лиц, осуществляемая посредством использования специальных административно-правовых методов и в рамках специальной административно-процессуальной формы – производства по делам об административных правонарушениях в отношении не находящихся в их организационно-служебной зависимости физических и юридических лиц, направленная на обеспечение защиты охраняемых законом общественных отношений от административных правонарушений посредством их предупреждения, пресечения и привлечения лиц, совершивших данные правонарушения, к административной ответственности.* Рассмотрим далее вопрос о содержании и требованиях законности административно-наказательной деятельности.

Общее требование обеспечения законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением в качестве одного из принципов законодательства об административной ответственности закреплено в ст. 1.6 КоАП РФ. Отдельные требования законности, которые должны соблюдаться в производстве по делам об административных правонарушениях и при назначении административных наказаний, предусмотрены нормами ст. 1.7, 4.1, 22.1-22.3, 24.1, 26.2, ч. 1 ст. 27.1, ст. 28.2-28.3, ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ.

Требования законности административно-наказательной деятельности, осуществляемой в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, могут быть также выявлены в ходе анализа положений статей 210-211 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), устанавливающих критерии оценки законности оспариваемых в арбитражном суде постановлений и решений административно-публичных органов, выносимых по делам об административных правонарушениях. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 210 АПК РФ арбитражный суд в судебном заседании проверяет законность и обоснованность оспариваемого решения, выясняет наличие соответствующих полномочий административного органа, принявшего оспариваемое решение, устанавливает, имелись ли законные основания для привлечения к административной ответственности, соблюден ли установленный порядок привлечения к ответственности, не истекли ли сроки давности привлечения к административной ответ-

ственности. Согласно части 2 статьи 211 АПК РФ основаниями для признания оспариваемого решения административного органа о привлечении к административной ответственности незаконным и для его отмены выступают: 1) несоответствие данного решения или порядка его принятия закону; 2) отсутствие основания для привлечения к административной ответственности или применения конкретной меры ответственности; 3) принятие оспариваемого решения органом или должностным лицом с превышением их полномочий.

Системный анализ приведенных положений КоАП РФ и АПК РФ позволяет заключить, что законность административно-наказательной деятельности заключается в таком режиме ее осуществления, при котором точно, полно и правильно применяются материальные нормы административного и других отраслей права, определяющие основания привлечения физических и юридических лиц к административной ответственности (составы административных правонарушений), общие принципы и правила такой ответственности (назначения административных наказаний), а также административно-процессуальные нормы, регламентирующие процедуры осуществления производства по делам об административных правонарушениях.

С учетом такого подхода представляется возможным выделить следующие группы требований законности административно-наказательной деятельности:

1) требования точного, полного и правильного применения материальных норм административного права, определяющих принципы и общие правила привлечения к административной ответственности (раздел I КоАП РФ). На практике нарушения указанных требований законности сводятся главным образом к неустановлению вины лица в совершении административного правонарушения [10, 13], неприменению правила об обратной силе закона [16, 18], привлечению к административной ответственности ненадлежащего субъекта [15, 20], неправильному определению вида или размера административного

наказания [11, 25], неправильному применению или исчислению сроков давности привлечения к административной ответственности [19, 21];

2) требования точного, полного и правильного применения материальных норм административного права, определяющих правовые конструкции составов конкретных административных правонарушений (раздел II «Особенная часть» КоАП РФ), а также материальных норм административного и других отраслей права, устанавливающих правила (требования), нарушение которых образует объективную сторону составов указанных правонарушений. Речь идет прежде всего о правильной квалификации административно-наказательными органами совершенных административных правонарушений. Между тем, как показывает анализ судебной практики, при квалификации административных правонарушений нередко допускаются ошибки [12, 22];

3) требования точного, полного и правильного применения административно-процессуальных норм, устанавливающих правила осуществления производства по делам об административных правонарушениях (разделы III-V КоАП РФ).

Несоблюдение названных требований на практике сводится, в частности, к нарушению правил подведомственности дел об административных правонарушениях [24], использованию по делу об административном правонарушении доказательств, полученных с нарушением закона [23], ненадлежащему извещению лица, привлекаемого к административной ответственности, о составлении протокола об административном правонарушении или о рассмотрении дела [17].

В заключение можно сделать вывод о необходимости проведения комплексного системного анализа нарушений требований законности административно-наказательной деятельности, результаты которого могли бы быть использованы для совершенствования юридического механизма обеспечения законности этой деятельности в рамках подготовки новых КоАП РФ и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Литература

1. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистров. 4-е изд. М.: Юрайт, 2012. 435 с.
2. Административно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. Л.Л. Попова. М.: Проспект, 2017. 396 с.
3. Административный процесс Российской Федерации: учебник / под ред. Л.Л. Попова. М.: Проспект, 2017. 352 с.
4. Административный процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры по юридическим направлениям и специальностям / Н.Г. Салищева и др.; под ред. М.А. Штатиной. М.: Юрайт, 2015. 364 с.
5. Бахрах Д.Н. Советское законодательство об административной ответственности: учебное пособие. Пермь, 1969. 344 с.

6. Зеленцов А.Б., Кононов П.И., Стахов А.И. Административно-процессуальное право России: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 341 с.
7. Иван Александрович Галаган и его научное наследие / отв. ред. Ю.Н. Стариков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. 544 с.
8. Кириин А.В. Административно-деликтное право (теория и законодательные основы). М.: Норма: Инфра-М, 2012. 463 с.
9. Кононов П.И. О конституционно-правовых основах понимания сущности и структуры административного процесса, административного судопроизводства и административно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 9-14.
10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2016 г. № 305-АД 15-16726 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 мая 2017 г. № 305-АД-1707 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 марта 2017 г. № 308-АД16-15150 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2018 г. № 310-АД17-21932 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Панова И.В. Административно-процессуальное право России. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2007. 336 с.
15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 мая 2020 г. № Ф09-134/20 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 308-АД-16024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2015 г. № 310-АД-15084 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 12 января 2018 г. № 11-АД17-55 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2015 г. № 11-АД15-25 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2017 г. № 56-АД17-6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 18 декабря 2019 г. № 82-АД19-14 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2015 г. № 301-АД14-9043 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 2 мая 2017 г. № 8-АД17-3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
24. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 г. № 69-АД16-9 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2019 г. № 44-АД19-15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Россинский Б.В. Административное право и административная ответственность: курс лекций. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 352 с.
27. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 480 с.
28. Сотников С.С., Димитров А.Н., Кочеров Ю.Н. К вопросу о порядке проведения полицией административного расследования дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2019. № 1. С. 59-63.
29. Шергин А.П. Административная юрисдикция: монография. М.: Юрид. лит., 1979. 144 с.
30. Якимов А.Ю. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство // Государство и право. 1999. № 3. С. 5-10.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.54

Е.П. Веснина

Алтайский государственный университет

E-mail: ektsukhanova@mail.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье обосновывается необходимость дифференциации уголовной ответственности за совершение развратных действий в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста. Проведена оценка признака «использование сети Интернет» с учетом критериев дифференциации уголовной ответственности, предлагаемых в юридической литературе (существенное влияние на степень общественной опасности: типичность и относительная распространенность, связь с содеянным). Сравнение с санкциями иных преступлений в отношении малолетних показало непропорциональность и несоразмерность установленного за совершение развратных действий в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста, наказания. Сделан вывод о необходимости выделения привилегированного состава преступления за совершение развратных действий в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста, с использованием сети Интернет в целях реализации принципа справедливости.

Ключевые слова: использование сети Интернет, дифференциация уголовной ответственности, развратные действия сексуального характера, общественная опасность, принцип справедливости.

E.P. Vesnina

Altai State University

E-mail: ektsukhanova@mail.ru

DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR COMMITTING SEXUAL DEPRAVITY

The article substantiates the necessity of differentiating criminal liability for committing depraved acts against persons under the age of 12. An assessment of the sign «use of the Internet» was carried out taking into account the criteria for differentiation of criminal liability proposed in the legal literature (significant impact on the degree of public danger: typicality and relative prevalence; connection with the deed). Comparison with sanctions of other crimes in relation to minors showed the disproportionate and disproportionality of the punishment established for committing depraved acts in relation to persons who have not reached the age of 12 of punishment. It is concluded that it is necessary to allocate a privileged corpus delicti for committing depraved acts against persons under the age of 12 using the Internet in order to implement the principle of justice.

Key words: use of the Internet, differentiation of criminal liability, sexual depravity, public danger, principle of justice.

Научно-технический прогресс в XXI в. движется очень стремительно. Практически ни одна сфера нашей жизни сегодня не обходится без использования сети Интернет: работа, обучение, досуг. Пандемия коронавируса COVID-19 и принятые в связи с ней меры по самоизоляции подтолкнули и ускорили процесс перехода жизненных процессов в онлайн-формат. Развитие информационных технологий и увеличение времени, которое человек проводит в интернет-пространстве, хотя и облегчает выполнение многих задач, но не всегда имеет однозначно положительное влияние на социальные отношения. Повсеместная цифровизация общества, резкий переход многих процессов, в которые вовлечены и несовершеннолетние, в телекоммуникационные сети нуждаются в эффективной комплексной оценке, причем не только со стороны правоведов, но и в первую очередь со стороны психологов.

Преступность развивается в обществе и вместе с обществом; способы совершения преступления эволюционируют в соответствии с развитием технологий и научно-техническим прогрессом. Так, в 2019 году согласно официальным статистическим данным было зарегистрировано 294,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, произошел рост на 68,5%. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 8,8% в январе-декабре 2018 г. до 14,5%. Примерно половина из них была совершена с использованием сети Интернет (157 тыс.). Подавляющее большинство (более 80%) составляют преступления в сфере экономической деятельности и общественной безопасности [21]. Однако очевидно, что и преступления против личности могут быть совершены с использованием сети Интернет. Например, в 2016-2017 гг. в среде несовершеннолетних появилось модное увлечение так называемыми «группами смерти», в которых несовершеннолетние подвергались кибербуллингу, иногда заканчивавшемуся самоубийствами. Российский законодатель хотя и с опозданием, но все же отреагировал криминализацией подобного поведения. Так, Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ было установлено уголовное наказание за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства и за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства. В настоящее время признак «использование сети Интернет в преступлениях против личности» указан в четырех составах, и во всех составах определяется законодателем в качестве квалифицирующего признака.

Однако использование сети Интернет в качестве способа совершения преступления не всегда однозначно свидетельствует о повышенной степени

общественной опасности. Необходима всесторонняя оценка признака «использование сети Интернет» в совокупности с иными объективными и субъективными признаками конкретного состава преступления.

Особый интерес в этом аспекте представляет совершение развратных действий с использованием сети Интернет. Понятие развратных действий до сих пор отсутствует в законодательстве. С одной стороны, это обширное оценочное понятие и невозможно на законодательном уровне предусмотреть и обозначить всевозможные варианты развратных действий. С другой стороны, отсутствие данного понятия также затрудняет действия правоприменителя и допускает квалификацию по аналогии. Внести определенность в это понятие попытался Верховный Суд Российской Федерации: в п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о половой неприкосновенности и половой свободы личности» отмечается, что «развратные действия сексуального характера – это любые действия, кроме полового сношения, мужеложства и лесбиянства, совершенные в отношении лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших шестнадцатилетнего возраста, которые были направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям». Верховный Суд также указал на то, что «развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей» [12].

В юридической литературе выделяют контактные и бесконтактные развратные действия [3, с. 24]. Бесконтактные развратные действия – это одна из форм психического воздействия на несовершеннолетнего потерпевшего, при которой есть цель удовлетворения сексуальных потребностей либо возбуждения интереса у несовершеннолетнего к сексуальным действиям и вместе с тем нет физического контакта между потерпевшим и виновным. Таковыми считают «действия сексуального характера в присутствии потерпевшего, его склонение к таким действиям, демонстрацию сексуальных сцен и продукции сексуального содержания, сексуальное общение» [2, с. 161-162]. «Демонстрация сексуальных сцен и картинок, общение на сексуальные темы» другие авторы называют интеллектуальными развратными действиями [15, с. 63]. В различных исследованиях предлагается дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от вида развратных действий [2, с. 170; 23, с. 72] и отказаться от перечневого

способа описания действий сексуального характера [1, с. 902]. Однако детального анализа использования сети Интернет при совершении развратных действий с позиций критериев дифференциации ответственности не проводилось.

Перечисленные виды развратных действий в настоящее время возможно совершать с помощью информационно-коммуникационных сетей, в т.ч. сети Интернет. По некоторым материалам судебной практики развратные действия совершаются с использованием различных социальных сетей: «Одноклассники», «ВКонтакте» и др. [4, 6, 7, 22]. Безусловно, бесконтактные развратные действия, выраженные в демонстрации порнографических материалов и ведении бесед, являются общественно опасными. Вместе с тем они менее опасны, чем развратные действия с физическим воздействием на тело несовершеннолетнего потерпевшего. Однако в настоящее время на основании примечания к ст. 131 УК РФ, если подобные действия совершены в отношении лица, которому еще нет 12 лет, они приравниваются к насильственным действиям сексуального характера и влекут основное наказание от 12 до 20 лет лишения свободы. В связи с этим необходимо проанализировать факторы, влияющие на дифференциацию уголовной ответственности, и оценить с этих позиций совершение развратных действий в отношении лиц, младше 12-летнего возраста, с использованием сети Интернет.

В юридической литературе имеются исследования, обосновывающие необходимость выделения квалифицирующих и привилегирующих признаков. При выделении в качестве отягчающего обстоятельства, как отмечает Т.А. Плаксина, «должна быть учтена в первую очередь степень общественной опасности. Наиболее важным криминологическим условием возникновения и реализации социальной потребности в более строгой уголовно-правовой охране общественных отношений как непосредственного социального основания квалифицирующих преступление обстоятельств выступает распространенность проявлений особенностей преступления и личности преступника, повышающих степень их общественной опасности. Эта распространенность имеет минимально необходимые и максимально допустимые для дифференциации ответственности пределы» [16, с. 11]. По мнению Т.А. Лесниевски-Костаревой, «при отборе признака в качестве смягчающего или отягчающего необходимо провести криминологический отбор, учитывая в процессе отбора ряд критериев: 1. обязательное существенное влияние обстоятельства на степень общественной опасности содеянного; 2. типичность и относительную распространенность (хотя и нехарактерность для большинства преступлений определенного вида); 3. связь с содеянным или

одновременно с содеянным и личностью виновного» [9, с. 247].

Оценим совершение развратных действий с использованием сети Интернет с позиций названных критериев отбора. Первым критерием для отбора обстоятельства, претендующего на признание в качестве смягчающего или отягчающего, является то, что действие должно существенно и значимо влиять на степень общественной опасности [9, с. 254]. Говоря об общественной опасности, Л.М. Прокументов отмечает, что общественная опасность как свойство всегда динамична и её содержание зависит от конкретного исторического периода в развитии общества, указывая также, что здравый смысл при определении её содержания всегда необходим [19, с. 24-25]. Степень общественной опасности – это количественное выражение вреда, который причиняется общественным отношениям. Признак является оценочным, и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» называет критерии, позволяющие измерить степень общественной опасности, в частности предлагает обращать внимание на «учет характера и размера наступивших последствий, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, вид умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)» [11]. В указанном постановлении Пленума Верховный Суд предлагает давать оценку степени общественной опасности на этапе назначения наказания, т.е. при индивидуализации уголовной ответственности. Полагаем, что и законодатель при дифференциации ответственности путем конструирования квалифицированных или привилегированных составов также должен учитывать степень общественной опасности деяния.

Степень общественной опасности определяется видом развратных действий и способом их совершения. В юридической литературе предлагают по-разному оценивать использование сети Интернет при совершении развратных действий. Так, Е.В. Никольченкова считает, что исследуемый признак должен стать квалифицирующим, однако предлагает это сделать, «после того как будет дифференцирована ответственность за действия сексуального характера с проникновением в тело потерпевшего и развратные действия без проникновения» [10, с. 187-188]. А.А. Бимбинов отмечает, что «демонстрация действий сексуального характера пусть даже с использованием сети Интернет вряд ли представляет большую общественную опасность, чем непосредственное совершение указанных действий с несовершеннолетним» [2, с. 170].

Полагаем, что механизм причинения вреда потерпевшему при совершении действий сексуального характера, соединенных с насилием, и бесконтактных развратных действий неодинаков, и вред, который причиняется ребенку при совершении в отношении него насильственных действий сексуального характера, нельзя отождествлять с тем вредом, который причиняется бесконтактными развратными действиями. Д.М. Ефременко приводит данные зарубежных исследований, согласно которым «результаты выборочных и клинических исследований часто дают искаженные представления, а именно преувеличивают отрицательные психологические последствия сексуального соращения в раннем возрасте. В соответствии с результатами исследований, проведенных в США, Великобритании, Канаде и Испании, установлено, что в основном такой опыт не имеет долгосрочного вредного влияния на психическое здоровье и психосексуальное развитие ребенка...», однако «в отдельных случаях сексуальное соращение ребенка, особенно сопряженное с применением насилия или происходящее в семье, может привести к серьезным психологическим последствиям в более позднем возрасте» [8, с. 276].

Второй критерий отбора заключается в относительной распространенности признака. В.С. Соловьев отмечает, что «масштабы криминальных проявлений в социальных сетях Интернет сложно оценить», учитывая несовершенство системы статистической отчетности, а также «трудности в выявлении, расследовании и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием информационно-технологических средств» [20, с. 62]. На наш взгляд, истинное количество фактов совершения развратных действий в отношении лиц, не достигших 12-летнего возраста, совершенных с использованием сети Интернет, установить сложно в связи с высоким уровнем латентности (обнаружение фактов происходит благодаря родителям, но не всегда родители вмешиваются в цифровое пространство ребенка; кроме того, расследование предполагает вторжение в интимную сферу жизни ребенка, не каждый родитель готов к этому). Считаем, что указанные обстоятельства, а также тенденция к переходу социальных коммуникаций в виртуальную среду и рост общего числа преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет [21], подтверждают относительную распространенность совершения развратных действий с использованием сети Интернет.

Следующий критерий отбора – обстоятельство должно характеризовать «одновременно преступление и личность виновного, иными словами – обстоятельства, проявившиеся в содеянном» [9, с. 269]. Механизм воздействия на психику несовершеннолетнего при совершении интеллектуальных разврат-

ных действий с использованием сети Интернет значительно отличается от воздействия при реальном контакте, это обусловлено особенностями восприятия и развития человеческой психики. При этом в настоящее время отсутствуют комплексные исследования, посвященные восприятию несовершеннолетних именно в цифровой реальности, однако педагоги и психологи отмечают феномен клипового мышления. Кроме того, психологи указывают на то, что по таким делам необходим учет психологических особенностей как преступника, так и потерпевшего. В частности, имеет значение «правильное отражение потерпевшими содержательной стороны совершаемых с ними действий и понимание значения этих действий» [5, с. 111-112]. Недостижение 12-летнего возраста признается законодателем априори беспомощным состоянием, при котором потерпевший не мог понимать характер и значение совершаемых с ним действий. В связи с этим встает вопрос – насколько серьезный вред причиняется половой неприкосновенности в случае демонстрации картинок порнографического характера посредством использования социальной сети на расстоянии в ситуации непонимания действий, совершаемых в отношении него?

Задача уголовного законодательства заключается не только в определении границ преступного и не преступного. Закон должен определять размер наказания, который был бы справедливым по отношению к деянию, т.е. соответствовал характеру и степени общественной опасности содеянного. На это обстоятельство обращает внимание и Конституционный Суд, отмечая, что законодатель при выборе санкции «должен руководствоваться конституционными требованиями необходимости и пропорциональности, обязывающими его дифференцировать их в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных факторов, влияющих на индивидуализацию уголовного принуждения» [18], кроме того, в вопросах пенализации «обязан соблюдать конституционные принципы необходимости, пропорциональности, соразмерности, справедливости и правовой безопасности» [18]. Санкции как квалифицированных, так и привилегированных составов должны быть логически непротиворечивыми и социально справедливыми. Говоря о справедливости наказания, необходимо отметить, что, помимо соответствия содеянному, справедливая санкция должна быть согласована с другими санкциями как схожих преступлений, так и преступлений иных видов. Напомним, что на данный момент основное наказание за совершение интеллектуальных развратных действий дистанционно в отношении детей, не достигших 12-летнего возраста, даже с использовани-

ем сети Интернет может составлять от 12 до 20 лет лишения свободы. Кроме того, согласно п. «а» ч. 1 ст. 73 УК РФ за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, не может быть применено условное осуждение. Для сравнения отметим: за простое убийство (без отягчающих и смягчающих обстоятельств) санкция ч. 1 ст. 105 УК РФ в качестве основного наказания включает лишение свободы на срок от 6 до 15 лет с теоретической возможностью применения условного осуждения, в случае назначения наказания ниже 8 лет лишения свободы по крайней мере формальных препятствий для этого нет. За убийство малолетнего лица, согласно п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, виновный может быть лишен свободы на срок от 8 до 20 лет либо пожизненно. Можно ли считать логичным, справедливым и отвечающим требованиям пропорциональности и соразмерности такое решение законодателя? Чрезмерную строгость санкции по сравнению со смежными составами преступлений осужденные пытались оспорить в Конституционном Суде РФ [14]. «Разрешение вопроса о размере санкций за предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации преступления яв-

ляется прерогативой федерального законодателя» [17], – неоднократно подтверждал Конституционный Суд такой подход к дифференциации ответственности [13, 14].

Иерархия охраняемых уголовным законом ценностей позволяет сделать вывод о несоблюдении принципов пропорциональности и соразмерности при построении санкций за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 12-летнего возраста, в сравнении с санкциями иных составов преступлений против личности, совершенных в отношении малолетних. Полагаем, что законодателю необходимо пересмотреть систему санкций за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 12-летнего возраста, выделив в качестве привилегирующего обстоятельства использование сети Интернет для того, чтобы правоприменитель мог индивидуализировать уголовную ответственность при совершении развратных действий, воздействующих исключительно на психику несовершеннолетнего. Представляется, что в рамках санкции и с учетом общих и специальных правил назначения наказания сделать этого невозможно.

Литература

1. Бимбинов А.А. Изнасилование и насильственные действия сексуального характера: качество закона и вопросы квалификации // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 896-904.
2. Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 227 с.
3. Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
4. В г. Курске суд вынес приговор курянину, который через Интернет совершил преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Сайт Прокуратуры Курской области. URL: <http://prockurskobl.ru/3995.html> (дата обращения: 15.06.2020).
5. Вартамян Г.А., Пашина С.М. Реализация принципа дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности с учётом психосексуального развития несовершеннолетних потерпевших // Петербургский психологический журнал. 2019. № 26. С. 102-115.
6. Воскресенский суд рассмотрел уголовное дело о развратных действиях в сети Интернет // Сайт Прокуратуры Московской области. URL: <https://mosoblproc.ru/mosoblsud/ss150241/> (дата обращения: 09.06.2020).
7. Вступил в законную силу приговор, вынесенный жителю Пензы за совершение развратных действий и насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних // Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Пензенской области. URL: <https://penza.sledcom.ru/news/item/1270474/> (дата обращения: 10.06.2020).
8. Ефременко Д.М. Достоверность, восприятие и последствия преступлений сексуального характера в отношении малолетних // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: мат-лы международной научно-практ. конф-ции / под ред. И.Г. Рагозиной, Ю.В. Деришева. Омск, 2017. С. 271-278.
9. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб и доп. М.: Норма, 2000. 400 с.
10. Никульченкова Е.В. Квалификации преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: теоретические и практические аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 2. С. 185-191.
11. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

12. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куликова Дмитрия Леонидовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2013 г. № 998-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

14. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарафутдинова Игоря Мустакимовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 10, статьей 22, примечанием к статье 131 и статьей 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1969-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

15. Островецкая Ю.А. Развратные действия: проблемы квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. Вып. 24. 221 с.

16. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006. 48 с.

17. По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

18. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

19. Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. 142 с.

20. Соловьев В.С. Преступность в социальных сетях интернета (криминологическое исследование по материалам судебной практики) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 1. С. 60-72.

21. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 г. // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/19412450>.

22. Суд приговорил воронежца к 13 годам строгого режима за совращение через интернет 30 малолетних // Сайт газеты «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3461275> (дата обращения: 10.06.2020).

23. Тыдыкова Н.В. О проблеме дифференциации уголовной ответственности за насильственные преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших 16-летнего возраста // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3 (45). С. 68-74.

УДК 343.37

И.В. Осипов

Академия управления МВД России

E-mail: iosifosipov782@gmail.com

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗМЕРА ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРИЗНАКА СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье на стыке отраслей законодательства цивилистического, криминалистического и административного циклов проводится исследование юридических категорий «размер» и «избежание убытков», выражающих в конструкциях составов преступлений в сфере экономической деятельности признак размера преступной деятельности, и определяется содержание указанного признака. Размер преступной деятельности как признак преступлений в сфере экономической деятельности представляет собой объективный материальный критерий, который характеризует масштаб ее распространения и в зависимости от конкретного состава преступления в сфере экономической деятельности выражается в объекте преступления через понятие «стоимость», обладающее оценочной характеристикой и определяющее предмет преступления с позиции их имущественной оценки, а также в объективной стороне – через понятия «сумма» и «избежание убытков», устанавливающие масштаб преступного деяния в стоимостном его выражении.

Ключевые слова: размер преступной деятельности, признак составов преступлений в сфере экономической деятельности, сумма, стоимость, избежание убытков.

I.V. Osipov

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: iosifosipov782@gmail.com

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS THE SIZE OF CRIMINAL ACTIVITY AS A FORMAL ELEMENT OF THE CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

The article examines the legal categories «size» and «loss avoidance», which express the size of criminal activity in the structures of crimes in the sphere of economic activity, and determines the content of this feature. The size of the criminal activity as a formal element of the crimes in the sphere of economic activity is an objective physical criterion, which characterizes the scale of its distribution and, depending on the specific crime in the sphere of economic activity, is expressed in the object of the crime through the concept of «value» with the evaluation characteristics and determining the subject of crime with their property assessment, and also in the objective side is through the concept of «amount» and «loss avoidance», establishing the scale of the criminal acts in terms of his expression.

Key words: the size of criminal activity, formal element of the crimes, amount, cost, loss avoidance.

Несмотря на то что меры уголовной ответственности являются наиболее законодательно регламентированными по сравнению с иными механизмами государственно-правового регулирования, правоприменительная деятельность по их реализации в сфере экономики не в полной мере соответствует требованиям, насущно предъявляемым концептуальными и программными политико-правовыми документами [9, 10]. Данные официальной статистики показывают на невысокие показатели судебно-следственной деятельности в сфере экономической деятельности, характеризующейся противоречивостью, разобщенностью и отсутствием единообразия [13]. Ни в одном из регионов не сложилась единая общепризнанная практика квалификации указанных преступлений, что зачастую создает условия для незначительного риска привлечения виновных к уголовной ответственности за экономические правонарушения.

Невысокие показатели этой деятельности во многом детерминированы проблемами конструкции составов преступлений в сфере экономической деятельности, являющимися следствием использования в них оценочных признаков, определяющих последствия и масштабы преступной деятельности, в перечень которых входит и размер преступной деятельности. Так, 71% из 271 опрошенного респондента из числа сотрудников органов предварительного следствия, проходящих службу в следственных частях на региональном уровне в 10 субъектах РФ, указали на имеющиеся в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности сложности, связанные с установлением (расчетом) признака размера преступной деятельности. Отсутствие обобщенных исследований по вопросам квалификации преступлений в сфере экономической деятельности по признакам размера преступной деятельности и методик установления (расчета) его стоимостного выражения, противоречивость и разобщенность рекомендаций, содержащихся в различных научных источниках, приводят к произвольному толкованию содержания указанного признака, разнообразным подходам к квалификации сходных преступлений и ошибочному применению норм уголовного закона.

Перечисленные факторы обуславливают необходимость исследования вопросов уголовно-правовой оценки размера преступной деятельности как признака преступлений в сфере экономической деятельности и разработки теоретических основ толкования его содержания.

Признак размера преступной деятельности в диспозициях норм главы 22 УК РФ отражается двусмысленно через понятия (категории) «размер» и «избежание убытков». В этой связи интерпретация исследуемого признака должна проводиться с подхода

глубокого уяснения отражаемых данными понятиями свойств, качеств преступления.

Применительно к первому формальному понятию (категории) – размеру для уяснения отражаемых им качеств и свойств толкование необходимо начать с формирования семантического представления о нем. В общем толковом словаре значение понятия «размер» определяется разнообразно [11]. Вместе с тем представленный перечень значений позволяет заключить основную главную функциональную сущность исследуемого понятия, связанную с выражением величины, масштаба какого-либо предмета и явления окружающей действительности.

Распространение данной сущности на диспозиции статей главы 22 УК РФ позволяет выделить, что в конструкциях предусматриваемых ими составов преступлений категория «размер» выражает как конструктивный, так и квалифицирующий признаки, которые обозначают размах, масштаб экономического правонарушения, достаточный для его криминализации и дифференциации уголовной ответственности.

С учетом отражаемых исследуемой категорией свойств (качеств) преступлений в сфере экономической деятельности нельзя не согласиться в определенной мере с мнением профессора Л.Д. Гаухмана, который, с одной стороны, размер в уголовно-правовом значении презюмировал как объективную категорию и признак, с другой – как точно определенный признак в подавляющей части норм УК РФ [5, с. 32]. Несомненно, размер есть объективная категория и признак. Он существует вне и помимо сознания, его наличие не зависит от субъективно-оценочного представления участников уголовных правоотношений.

Признак размера преступной деятельности, выражаемый в диспозициях статей главы 22 УК РФ уголовно-правовой категорией «размер», формально закреплен в примечаниях к ним и определяется как стоимость товаров, предметов и вещей (ст. 171¹, 171³, 175, 186, 191, 191¹, 192, 199², 200¹, 200², 200⁵ УК РФ), сумма денежных средств, обязательных платежей, сделок и финансовых операций (ст. 172², 174, 174¹, 177, 193, 193¹, 194, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200¹, 200³, 200⁵ УК РФ).

Между тем определение содержания категории «размер» для ряда статей, нашедшее отражение в примечании к ст. 170² УК РФ как стоимость, не вполне соответствует фактическому содержанию отражаемого ею признака в составах преступлений в сфере экономической деятельности. К примеру, из диспозиции ст. 172² УК РФ буквально подразумевается, что содержанием размера преступной деятельности является сумма денежных средств, а не стоимость. В то же время в диспозициях норм ст. 191 и 199² УК РФ содержание исследуемого признака в зависимости от особенностей оцениваемого деяния подлежит рас-

ширительной интерпретации и включению в него, наряду с закрепленным законодателем свойством стоимости, суммой сделок либо денежных средств. В квалифицированном составе преступления, предусмотренном ч. 2 ст. 186 УК РФ, содержание признака размера преступной деятельности вовсе не может выражаться через понятие «стоимость», поскольку его предмет – поддельные банковские билеты, металлические монеты, ценные бумаги – не обладает присущей для находящихся в легальном обороте предметов, вещей качеством (свойством), как стоимость. Это качество может быть присуще перечисленным предметам только в теневом преступном секторе экономики. Представляется, что теневая оценка стоимости поддельных денежных средств и ценных бумаг, незаконно вводимых в легальный оборот, не применима при определении размера для уголовно-правовой оценки их изготовления, хранения, перевозки и сбыта. Этот вопрос применительно к размеру должен решаться в зависимости от суммы, определяемой номиналом (иначе говоря, номинальной стоимостью) поддельных денег и ценных бумаг, хотя в этом случае у некоторых исследователей возникает сомнение в этичности такого подхода [6, с. 601].

Факт наличия приведенных нестыковок и противоречий, требующих применения логического способа толкования текстов диспозиции некоторых статей главы 22 УК РФ для определения содержания признака размера преступной деятельности, позволяет в определенной мере усомниться в основательности и обоснованности второй части утверждения профессора Л.Д. Гаухмана, касающейся характеристики размера как точно определенного признака в УК РФ. Полагаем, не вполне правильно будет согласиться с таким утверждением. Безусловно, отражающая исследуемый признак уголовно-правовая категория «размер» формализована в примечаниях к статьям главы 22 УК РФ, ее содержание определяется через формальные понятия «стоимость», «сумма» и оценивается в абсолютно определенных величинах в национальной валюте. Однако не во всех статьях используемые для уголовно-правовой характеристики содержания исследуемого признака понятия точно и полно выражают отражаемые им явления. Подобное положение дел обуславливает необходимость проведения логического толкования содержания признака размера преступной деятельности в конструкциях данных преступлений.

Тем не менее определение содержания признака размера преступной деятельности, выраженного через понятие «сумма», столь сильных затруднений не вызывает, поскольку последнее носит общепотребительный и очевидный характер, позволяет достигнуть цели установления исследуемого признака при точном установлении характеризующего им пред-

мета, явления. Так, результаты анализа правоприменительной деятельности показывают, что при определении признака размера преступной деятельности значительные затруднения вызывает установление не количественной характеристики в виде сумм оцениваемых гражданско-правовых сделок, финансовых операций, задолженности, обязательных платежей, а отнесение указанных юридических фактов к квалифицируемому общественно опасному деянию в качестве характеризующих исследуемый уголовно-правовой признак. Размер преступной деятельности как сумма определяется в зависимости от денежной оценки таких юридических фактов в национальной валюте, а в случаях, когда последние имеют международный характер, – по курсу ЦБ РФ на момент совершения преступления.

Значительные сложности вызывает установление исследуемого признака в случаях, когда он выражен через категорию «размер», определяемую понятием «стоимость». Причина этого кроется в особенностях отражаемых указанным понятием явлений действительности.

Понятие «стоимость» имеет несколько определений, которые раскрываются по-разному. Так, с позиции повседневной речи, стоимость понимается как «цена, денежное выражение ценности вещи, товара» [11]. Данное определение каких-либо сложностей для формирования поверхностного представления об отражаемом указанным понятием явлении не вызывает, но для углубления его содержания нуждается в дополнительной интерпретации.

В экономической теории стоимость отождествляется с понятием «ценность». Однако в состоявшихся в экономической теории концепциях, в частности в теориях трудовой стоимости и предельной полезности, стоимость товара (вещи) определяется не на основании теоретического анализа всех сторон товарно-рыночного хозяйства, а только на уровне эндогенной подсистемы экономики без учета внешних хозяйственных факторов [2, с. 93]. Подобное определение стоимости не представляет практической ценности, т.к. оно не применимо для рыночного обмена, с ним могут иметь дело только теоретики-экономисты. Определяющее значение для рыночной стоимости (цены) товаров имеют не только внутренние факторы, но и внешние, которые выражаются в виде устоявшихся на определенный момент на рынке хозяйственных связей и условий. Применительно к практике экономической деятельности стоимость должна определяться на уровне экзогенной подсистемы экономики с учетом всех внешних факторов, оказывающих влияние на ее формирование. Они не перманентны, характеризуются постоянной изменчивостью в зависимости от складывающихся в то или иное время на рынке обстоятельств, определяют

оценочность стоимости, используемой для рыночного обмена товарами. Стоимость составляет основу и цель оценочной деятельности в сфере экономики, предполагающей определенный анализ рынка товаров и услуг, и определяется на основе его результатов.

Представляется, что с такого подхода необходимо исходить при определении стоимости в уголовном праве, т.к. последнее охраняет регулируемые иными отраслями позитивного законодательства экономические отношения, предметной областью которых выступают блага в виде товаров, подлежащие стоимостной оценке при квалификации как характеризующие масштабы преступной деятельности предметы преступления.

Таким образом, стоимость предмета преступления носит оценочный характер. В этой связи уголовно-правовая оценка стоимости при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности органом предварительного следствия в каждом конкретном случае проводится индивидуально с учетом обстоятельств оцениваемого деяния на основании установленных в ходе расследования фактических данных, достоверно указывающих на рыночную цену предмета преступления [14, с. 435], либо привлечения к решению вопроса об ее установлении специалистов, обладающих специальными познаниями в соответствующей области, посредством назначения судебных экспертиз. Однако единых классификаторов судебных экспертиз нет, в связи с чем при определении стоимости предмета преступления по аналогичным составам преступлений в сфере экономической деятельности назначаются разнообразные экспертизы, решающие одни и те же задачи. К примеру, как показывает анализ правоприменительной практики, в ходе предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 191, 192 УК РФ, при установлении стоимости драгоценных металлов в зависимости от сложившейся в том или ином органе следственной практики назначаются геолого-минералогическая либо материаловедческая, либо стоимостная экспертизы.

В силу оценочности стоимости аналогичным многообразием характеризуются методики ее расчета применительно к предметам по сходным составам преступления. Так, применительно к составам преступлений, предусмотренных ч. 5-6 ст. 171¹ УК РФ, в результате анализа правоприменительной практики установлены следующие закономерности методики определения стоимости: 1) исходя из стоимости оригинальной маркированной продукции; 2) исходя из минимальной продажной стоимости алкогольной продукции, установленной Правительством РФ и Росалкогольрегулированием; 3) исходя из суммы затрат на приобретение немаркированной продукции.

Каждая из перечисленных методик расчета стоимости применяется в зависимости от устоявшейся в том или ином органе предварительного следствия правоприменительной практики и приводит к различным значениям даже в отношении одного предмета преступления.

Приведенное разнообразие методик установления стоимости в составах преступлений в сфере экономической деятельности является неисчерпывающим, различные подходы к ее определению применяются и в иных составах преступлений, т.к. она на разных этапах товарооборота меняется. Данное обстоятельство в очередной раз опровергает факт конкретной определенности признака размера преступной деятельности, выраженного через стоимость в конструкциях составов преступлений в сфере экономической деятельности.

Определенно сложнее обстоят дела при установлении содержания признака размера преступной деятельности в составах преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, в диспозициях которых он описывается через содержательное понятие «избежание убытков». В уголовном законе данное понятие определено абстрактно через составляющие его структуру понятия как убытки, которых лицо избежало вследствие совершения преступления. Акты легального судебного и научного толкования не приносят дополнительной ясности для уяснения указанного понятия и установления признака размера преступной деятельности для целей квалификации перечисленных преступлений. Подобное положение дел детерминирует некоторую неопределенность в квалификации преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, по признаку размера преступной деятельности, ограничивая возможность глубокого уяснения его содержания из смысла и буквы закона.

Предпосылки этих негативных обстоятельств во многом связаны с тем, что используемый для описания признака размера преступной деятельности в диспозиции исследуемых статей термин-категория «убытки» является рецептированным из отрасли гражданского права. В отрасли гражданского права с учетом ее узкоотраслевых целей в термин «убытки» для решения задач исключительно правосстановительного характера вложено гражданско-правовое содержание, направленное на определение объемов причиненных сторонам правоотношений материальных потерь. При таких обстоятельствах принцип межотраслевой рецепции (единства терминологии) предопределяет необходимость вложения в термин «убытки», являющийся составной частью понятия «избежание убытков», того значения, которое ему было определено отраслью гражданского законодательства [12, с. 130]. Однако при исследовании со-

отношения убытков с уголовно-правовым ущербом с учетом узкоотраслевых задач и цели уголовного права содержание убытков не в полной мере пригодно для определения последствий – ущерба от преступлений в сфере экономической деятельности, т.к. предусматривает такие формы его выражения (неполучение вероятных доходов), которые невозможно определить с математической точностью и высокой степенью достоверности. По аналогичным основаниям, представляется, недопустимо использовать убытки при установлении масштабов преступной деятельности, выражаемых в составе указанных преступлений через понятие «избежание убытков», которое отражает величину, объем не наступивших вследствие совершения экономического правонарушения имущественных потерь как критерий оценки его размера.

В этом случае возникает необходимость вложения в понятие «избежание убытков» специфического уголовно-правового содержания. Однако при этом возникают условия для ошибочного его понимания, т.к. под одним и тем же термином будут существовать два разных понятия: уголовно-правовое понятие «избежание убытков» и гражданско-правовой термин «убытки». С учетом изложенного, полагаем, конструкции составов преступлений, предусмотренных ст. 185³ и 185⁶ УК РФ, нуждаются в совершенствовании, и в используемом в их диспозициях для описания признака размера преступной деятельности понятию «избежание убытков» целесообразно термин «убытки» заменить на иной термин, выражающий имущественные потери, которых лицо избежало вследствие совершения указанных преступлений. Не вдаваясь в аргументацию обоснования этого, поскольку совершенствование конструкции составов преступлений не составляет цели настоящей статьи, для установления содержания исследуемого признака целесообразно ограничиться определением типизированных (обобщенных) форм выражения материальных потерь, которых в соответствии с диспозицией указанных статей можно избежать при совершении предусмотренных ими деяний. Проведенный научный анализ указанных уголовно-правовых норм и правоприменительной практики по их реализации свидетельствует, что в их качестве выступают снижение стоимости финансовых инструментов, товаров и иностранной валюты, проведение излишних выплат при их приобретении, неполучение должных доходов от участия на организованных торгах по их купле-продаже.

Таким образом, проведенное исследование вопросов толкования отражающих рассматриваемый признак понятий «размер» и «избежание убытков» позволяет презюмировать, что размер преступной деятельности в нормах главы 22 УК РФ является

формально определенным признаком, требующим дополнительной оценки при квалификации по нему экономических правонарушений.

Презюмируемое определение одновременно корреспондируется с мнением практических работников: 73% опрошенных респондентов под признаком размера преступной деятельности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности понимают формально определенный стоимостный критерий, требующий дополнительной оценки.

Уголовно-правовую характеристику размера преступной деятельности как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности недопустимо сводить лишь к оценке описывающих его понятий. Для глубокого уяснения его содержания целесообразно обратиться к исследованию его функционального предназначения.

Проведенный анализ правоприменительной практики и состоявшихся в юридической литературе научных позиций, в т.ч. предложенной С.И. Мурзаковым дифференциации стоимостных критериев [7, с. 164], также характеризующих размер преступной деятельности, позволяет заключить, что указанный признак в конструкциях исследуемых составов преступлений является критерием, определяющим как объект преступления, так и его объективную сторону. Размер преступной деятельности в объекте преступления определяет такой факультативный признак, как предмет преступления (ст. 171¹, 171³, 175, 186, 191, 192, 191¹, 199², 200¹, 200², 200⁵ УК РФ), а в объективной стороне – такой обязательный признак, как преступное деяние (ст. 172², 174, 174¹, 177, 185³, 185⁶, 191, 193, 193¹, 194, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200³ УК РФ).

Представленная дифференциация при теоретическом анализе норм главы 22 УК РФ, за исключением единичных составов, позволяет выявить некоторую закономерность о том, что признак размера преступной деятельности при определении предмета преступления, как правило, выражается через понятие «стоимость», а при характеристике преступного деяния – понятием «сумма», в единичных случаях – понятием «избежание убытков». Однако во всех этих случаях исследуемый признак в конечном счете выражает единый преступный результат – заключительную часть в акте поведения субъекта преступления в виде масштаба, размаха его деяния.

Презюмируемые выше функции признака размера преступной деятельности в составах преступлений в сфере экономической деятельности отчасти диаметрально противоположны позиции определенных исследователей по данному вопросу. Некоторые из них полагают, что в составах преступлений, отнесенных выше в группу, в которой размер преступной деятельности характеризует преступное деяние, исследуемым признаком определяется предмет пре-

ступления (ст. 174, 174¹, 193, 198, 199, 199¹ УК РФ) [3, с. 20-21; 8, с. 21], а в некоторых составах – и преступные последствия (ст. 177, 193, 194, 198-199² УК РФ) [7, с. 155; 1, с. 19-23; 4, с. 269]. Представленные позиции каждый из исследователей аргументирует по-своему: некоторые обосновывают ее свойством формальных составов преступлений причинить материальный вред, выведенный за их пределы, а другие вовсе оценивают рассматриваемые составы преступлений в качестве материальных [4, с. 269].

Научные позиции отождествления размера преступной деятельности с последствиями, несмотря на свои определенные объективные основания, идут вразрез точке зрения законодателя и оспариваются некоторыми исследователями, полагающими, что по преступлениям, предусмотренным ст. 177, 193, 194, 198, 199 УК РФ, лицо привлекается к уголовной ответственности не за причинение ущерба, а за неисполнение обязанностей перед кредитором и государством [15, с. 86-87]. Невозможность отождествления размера преступной деятельности с ущербом криминалисты презюмируют применительно и к остальным составам преступлений в сфере экономической деятельности.

Точка зрения последних, корреспондируемая с мнением законодателя, представляется наиболее правильной и научно обоснованной. Признак размера преступной деятельности в составах преступлений, предусмотренных ст. 177, 193, 193¹, 194, 198, 199, 199¹, 199², 199⁴ УК РФ, не является общественно опасным последствием, поскольку определяет преступный результат, который, будучи заключительной стадией преступного деяния как элемента объективной стороны, выражает масштабы экономического правонарушения в виде конкретных сумм фактически неуплаченных кредитором, в бюджет, невозвращенных в РФ денежных средств. Определение факта их наличия в конкретном акте поведения никоим образом не свидетельствует о моменте окончания материальных составов преступлений. Указанные обстоя-

тельства не характеризуют общественно опасные последствия преступлений, а определяют заключительную фазу завершения их преступного деяния, находящегося в опережающей временной точке относительно последствий в виде ущерба в связи с неполучением бюджетом, кредитором причитающихся денежных средств. Последствия в указанных составах преступлений выведены за их рамки, а потому диспозиции соответствующих статей каких-либо указаний на них не имеют, и окончание исследуемых преступлений определяется только по выполнении преступного деяния. В этой связи размер преступной деятельности как уголовно-правовой признак не является и не может являться характеристикой элемента объективной стороны как последствия.

Таким образом, резюмируя, размер преступной деятельности как признак преступлений в сфере экономической деятельности представляет собой объективный материальный критерий, который характеризует масштаб ее распространения и в зависимости от конкретного состава преступления в сфере экономической деятельности выражается:

1. В формальных понятиях:

- «стоимость» (ст. 171¹, 171³, 175, 186, 191, 191¹, 192, 199², 200¹, 200², 200⁵ УК РФ) как оценочная характеристика, определяющая предмет преступления с позиции его имущественной оценки;

- «сумма» (ст. 172², 174, 174¹, 177, 191, 193, 193¹, 194, 198, 199, 199¹, 199³, 199⁴, 200³ УК РФ), устанавливающая масштаб преступного деяния в стоимостном его выражении.

2. В содержательном понятии «избежание убытков» (ст. 185³, 185⁶ УК РФ), характеризующем объема преступного деяния, выраженные в не наступивших вследствие его совершения материальных потерях в виде снижения стоимости финансовых инструментов, товаров и иностранной валюты либо проведения излишних выплат при их приобретении, либо неполучения должных доходов от участия на организованных торгах по их купле-продаже.

Литература

1. Амианц К.А. Размер как последствие в преступлениях в сфере экономики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 65. С. 19-24.
2. Борисов Е.Ф. Экономическая теория: учебное пособие. М., 1998. 479 с.
3. Букарев В.Б. Легализация (отмывание) доходов, приобретенных преступным путем: общественная опасность и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 28 с.
4. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления): монография. СПб., 2002. 641 с.
5. Гаухман Л.Д. Соотношение крупного размера и крупного ущерба по УК РФ // Законность. 2001. № 1. С. 32-35.
6. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ: в 2 ч. М., 2015. Ч. 2.
7. Мурзаков С.И. Стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1997. 252 с.

8. Никифоров А.В. Уголовно-правовые риски налогового агента: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.
9. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Российская газета. 2017. 15 мая.
10. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Российская газета. 2018. 8 мая.
11. Общий толковый словарь русского языка // TOLKSLOVAR.RU: словарь-онлайн. URL: <http://tolkslovar.ru/r1478.html> (дата обращения: 25.03.2020).
12. Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография. Волгоград, 1998. 220 с.
13. Сводный отчет по России «Единый отчет о преступности». Форма «1-ЕГС» (491), книги 1. М.: ФКУ «ГИАЦ МВД России», 2012-2019.
14. Трунцевский Ю.В. Защита авторского права и смежных прав в аудиовизуальной сфере (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 514 с.
15. Тюнин В.И. Некоторые аспекты толкования, применения и совершенствования уголовного законодательства, охраняющего отношения в сфере экономической деятельности. СПб., 2001. 173 с.

УДК 343.31

Т.А. Плаксина, доктор юрид. наук, доцент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: plaksinata@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПЕНАЛИЗАЦИЯ

Статья посвящена анализу санкций ст. 318 УК РФ и статистических данных 2013-2019 гг. по Российской Федерации о наказаниях, назначаемых за применение насилия в отношении представителя власти. Санкции ст. 318 УК РФ не нуждаются в коррекции без изменения признаков закрепленных в ней составов преступлений. В судебной практике общественная опасность применения насилия в отношении представителя власти по общему правилу не расценивается как высокая. Назначаемые наказания концентрируются в нижних сегментах санкций, крайне редко выходя за пределы их медианы. Однако из-за недостаточной дифференциации уголовной ответственности существует риск назначения несправедливого (чрезмерно сурового) наказания.

Ключевые слова: наказание, санкция, назначение наказания, применение насилия, угроза применения насилия, представитель власти.

T.A. Plaksina, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

National Research Tomsk State University

E-mail: plaksinata@yandex.ru

USE OF VIOLENCE AGAINST A REPRESENTATIVE OF THE POWER: LEGISLATIVE AND PRACTICAL PENALIZATION

The article is devoted to the analysis of the sanctions of Article 318 of the Criminal Code of the Russian Federation and statistical data of 2013-2019 for the Russian Federation on the penalties imposed for the use of violence against a representative of the power. The sanctions of Article 318 do not need to be corrected without changing the signs of the elements of crimes fixed in it. In judicial practice the public danger of using violence against a representative of the power is generally not regarded as high. The penalties are concentrated in the lower segments of the sanctions, very rarely going beyond their median. However, due to the lack of differentiation of criminal responsibility, there is a risk of unfair (excessively severe) punishment.

Key words: punishment, sanction, imposition of punishment, use of violence, threat of violence, representative of the power.

Статья 318 УК РФ, предусматривающая ответственность за применение насилия в отношении представителя власти, принадлежит к числу наиболее востребованных практикой статей уголовного закона, предназначенных для охраны специальных потерпевших. Анализ данных судебной статистики свидетельствует о том, что в 2013-2019 гг. по этой статье ежегодно осуждалось (по основной квалификации) от 6,3 до 8,2 тыс. человек¹ [7-13]. Как показывает изучение судебной практики, значительную часть потерпевших составляют сотрудники правоохранительных органов, включая тех, кто пострадал от применения насилия при осуществлении охраны общественного порядка и обеспечении общественной безопасности во время массовых мероприятий, организуемых в нарушение действующего законодательства. Меры уголовно-правового реагирования, принятые в отношении лиц, противодействующих представителям власти (в т.ч. и вне ситуаций подобных социальных конфликтов), нередко становятся предметом публичного обсуждения в СМИ и сети Интернет [2, 15 и др.]. В связи с этим особую актуальность приобретает не только анализ признаков состава деяния, предусмотренного ст. 318 УК РФ (в частности, уточнение границ насилия), но и исследование пенализации этого деяния.

Ответственность за применение насилия в отношении представителя власти в ст. 318 УК РФ дифференцирована в зависимости от вида насилия и его объема. Угроза применения насилия и применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, согласно ч. 1 ст. 318 УК РФ наказываются альтернативно штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, принудительными работами на срок до пяти лет, арестом на срок до шести месяцев, лишением свободы на срок до пяти лет. Фактически же могут быть применены только три из четырех перечисленных в санкции видов основных наказаний – штраф, принудительные работы, лишение свободы. Санкция ч. 2 ст. 318 УК РФ, устанавливающей ответственность за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, является безальтернативной и содержит только один вид основного наказания – лишение свободы на срок до десяти лет.

В научной литературе проблемам законодательной пенализации применения насилия в отношении представителя власти уделяется мало внимания. Те исследователи, которые обращаются к санкциям

¹ Здесь и далее для анализа использовались статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, представленные в формах отчетности 10.3 («Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)») и 10.3.1 («Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов»).

ст. 318 УК РФ, обычно ограничиваются констатацией факта многообъектности преступления, ответственность за которое предусмотрена данной статьей, из чего следует вывод о его более высокой степени общественной опасности и обоснованности существенного усиления за него уголовной репрессии по сравнению с преступлениями против личности [1, с. 21; 3, с. 10 и др.]. Анализ же действующих санкций ст. 318 УК и предложения по их изменению содержатся в научных работах лишь отдельных авторов, причем результаты проведенных ими исследований заметно разнятся.

Так, А.В. Кузьмин, отмечая, что пенализация посягательств на здоровье сотрудников правоохранительных органов нуждается в оптимизации, считает, что содержание санкций ст. 318 УК РФ отличается недостаточной строгостью, и предлагает уточнить их минимальные и максимальные пределы, произведя более глубокую дифференциацию ответственности: за угрозу применения насилия установить срок лишения свободы от двух до пяти лет; за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, – от четырех до шести лет; за применение насилия, опасного для жизни или здоровья, – от пяти до десяти лет; за применение любого вида физического насилия при квалифицирующих обстоятельствах – от семи до двенадцати лет [3, с. 14, 23].

Иное мнение высказано П.А. Филипповым, который полагает, что за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, и угрозу таким насильем максимальный предел лишения свободы надлежит снизить до трех лет, одновременно введя в санкцию исправительные работы сроком до двух лет; в санкции же, соответствующей составу применения насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозы таким насильем, следует предусмотреть минимальный предел лишения свободы в три года, максимальный – в десять лет [16, с. 42].

Таким образом, авторы неодинаково оценивают степень общественной опасности применения насилия в отношении представителя власти. Особенно наглядно это видно на примере насилия, не опасного для жизни или здоровья, за которое один исследователь предлагает установить минимальный предел лишения свободы в четыре года, а другой – максимальный предел того же вида наказания в три года.

Как известно, измерение типовой степени общественной опасности того или иного деяния для отражения ее в санкции представляет значительную сложность [4, 5, 14 и др.]. Однако анализ корректности законодательной пенализации применения насилия в отношении представителя власти в некоторой степени упрощается за счет следующих обстоятельств: 1) преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 318 УК РФ, принадлежат к числу многообъектных, при-

чем причинение вреда здоровью человека или личной свободе, выступающим в данном случае в качестве дополнительного объекта, криминализовано в самостоятельных статьях УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления против личности, с санкциями которых и надлежит сравнивать санкции ст. 318 УК РФ; 2) имеются данные о практике назначения наказания за насилие в отношении представителя власти, которые отражают оценку степени общественной опасности рассматриваемых преступлений правоприменителем.

Под насилием, не опасным для жизни или здоровья, являющимся конструктивным признаком состава преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 318 УК РФ, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.) [6]. Наиболее строгим наказанием за незаконное лишение свободы без квалифицирующих обстоятельств (ч. 1 ст. 127 УК РФ) является лишение свободы на срок до двух лет. Такое же максимальное наказание установлено в ст. 116 УК РФ за побои и иные насильственные действия, причинившие физическую боль, если они совершены по хулиганским или экстремистским мотивам. Как видим, причинение вреда второму объекту – порядку управления (а точнее – законной деятельности представителей власти) – при конструировании ч.1 ст. 318 УК РФ увеличивает санкцию более чем в два раза, что можно было бы оценить негативно, тем более что побои, не осложненные специальными мотивами, законодателем вообще декриминализованы, а само по себе нарушение порядка управления в форме неповиновения законному распоряжению и воспрепятствования законной деятельности различных видов представителей власти является административным правонарушением (ст.ст. 19.3, 19.4, 19.4.1 и др. КоАП РФ).

Однако в ч. 1 ст. 318 УК РФ в качестве формы объективной стороны, альтернативной насилию, не опасному для жизни или здоровья, закреплена угроза применения насилия, которая включает и угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, криминализованную в ст. 119 УК РФ. При этом в ч. 2 ст. 119 УК РФ за угрозу, совершенную по экстремистским мотивам либо в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга, в качестве наиболее сурового основного наказания установлено лишение свободы на срок до пяти лет. С учетом этого санкция ч. 1 ст. 318 УК РФ не может предусматривать меньшее максимальное наказание, иначе возникнет несогласованность санкций. В то же время неприемлемым выглядит и предложение по ужесточению этой санкции, особенно посредством введения в нее высокого минимального предела наказания в виде лишения свободы.

Сделанные выводы подтверждаются и анализом практики назначения наказания. Статистические данные о наказаниях, назначенных в Российской Федерации в 2013-2019 гг. лицам, осужденным по ч. 1 ст. 318 УК РФ (по основной квалификации), отражены в таблицах 1 и 2. Из них видно, что количество осужденных колебалось в интервале 5,7-7,2 тыс. и в 2016-2019 гг. стабильно снижалось. Назначаемые наказания представлены преимущественно лишением свободы и штрафом (на другие наказания приходится всего 0,3-1,2%), при этом чаще всего применяется условное осуждение к лишению свободы: его удельный вес составлял от 43,7% (2013 г.) до 46,3% (2016 г.). Второе место по распространенности занимает штраф – от 33,0% (2016 г.) до 37,6% (2013 г.). Наименьший удельный вес у реального лишения свободы, которое назначается примерно каждому пятому осужденному. Доля реального лишения свободы среди назначаемых осужденным наказаний незначительно возросла, но в 2016-2019 гг. не изменялась и составляла 20,4%.

Таблица 1

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 318 УК РФ в 2013-2019 гг. к различным видам наказаний (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [7-13])

Год	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Штраф	Иные виды наказаний ¹	Всего осуждено ²
2013	1083	2572	2213	18	5886
2014	1286	3006	2346	29	6667

¹ Содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы, ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы, условное осуждение к иным видам наказаний, кроме лишения свободы.

² За исключением лиц, которые приговором суда освобождены от наказания.

Год	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Штраф	Иные виды наказаний ¹	Всего осуждено ²
2015	1352	3319	2505	18	7194
2016	1438	3275	2332	20	7065
2017	1285	2895	2098	33	6311
2018	1211	2644	2036	52	5943
2019	1165	2507	1971	65	5708

Таблица 2

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 318 УК РФ в 2013-2019 гг. к различным видам наказаний, в общем числе осужденных за указанное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Лишение свободы (%)	Условное осуждение к лишению свободы (%)	Штраф (%)	Иные виды наказаний (%)
2013	18,4	43,7	37,6	0,3
2014	19,3	45,1	35,2	0,4
2015	18,8	46,1	34,8	0,3
2016	20,4	46,3	33,0	0,3
2017	20,4	45,9	33,2	0,5
2018	20,4	44,5	34,2	0,9
2019	20,4	43,9	34,5	1,2

Отдельного рассмотрения заслуживает степень суровости наказаний в виде реального лишения свободы и штрафа. Как показывают данные судебной статистики, представленные в таблице 3, более чем половине лиц, осуждаемых к реальному лишению свободы (53,3-56,1%), назначается наказание в интервале свыше одного года до двух лет включительно; около трети (31,9-34,7%) – не свыше одного года. В общей сложности почти 90% осужденных к реальному лишению свободы приговариваются к срокам, находящимся в нижнем сегменте санкции. Лишь около 10% лиц осуждается к сроку лишения свободы, близкому к ме-

диане санкции (свыше двух до трех лет включительно). Крайне мала доля лиц, которым назначается реальное лишение свободы на срок свыше трех лет. Что касается размеров назначаемых штрафов, то среди лиц, которым был определен данный вид наказания, наибольший удельный вес приходится на осужденных к штрафу свыше 5 до 25 тыс. руб. включительно. Штраф в размере свыше 100 тыс. руб. (т.е. свыше половины максимального предела данного вида наказания, установленного в ч. 1 ст. 318 УК РФ) назначается в редких случаях; доля лиц, которым он назначен, не превышает 2,1% среди всех осужденных к штрафу.

Таблица 3

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 318 УК РФ в 2013-2019 гг. к реальному лишению свободы на различные сроки, в общем числе осужденных за данное преступление к реальному лишению свободы (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	До 1 года вкл. (%)	Свыше 1 до 2 лет вкл. (%)	Свыше 2 до 3 лет вкл. (%)	Свыше 3 до 5 лет вкл. (%)
2013	34,3	55,0	9,0	1,7
2014	34,7	53,3	10,3	1,7
2015	33,8	54,6	10,1	1,5
2016	31,9	55,8	10,3	2,0
2017	33,5	54,3	10,7	1,5

Год	До 1 года вкл. (%)	Свыше 1 до 2 лет вкл. (%)	Свыше 2 до 3 лет вкл. (%)	Свыше 3 до 5 лет вкл. (%)
2018	33,9	54,3	10,9	0,9
2019	32,2	56,1	10,1	1,6

Таблица 4

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 318 УК РФ в 2013-2019 гг. к различным размерам штрафа, в общем числе осужденных за данное преступление к штрафу (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	До 5 тыс. вкл. (%)	Свыше 5 до 25 тыс. вкл. (%)	Свыше 25 до 100 тыс. вкл. (%)	Свыше 100 до 200 тыс. вкл. (%)
2013	7,5	58,5	34,0	0
2014	6,3	54,7	37,6	1,4
2015	5,5	56,1	37,2	1,2
2016	5,1	51,5	41,3	2,1
2017	4,2	52,4	41,5	1,9
2018	4,5	52,9	40,9	1,7
2019	4,0	55,7	39,0	1,3

Признаком состава преступления, закрепленного в ч. 2 ст. 318 УК РФ, является применение насилия, опасного для жизни или здоровья, которое Пленум Верховного Суда РФ толкует как насилие, повлекшее причинение легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью [6]. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью без квалифицирующих обстоятельств (ч. 1 ст. 111 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок до восьми лет; то же деяние, совершенное в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или общественного долга (п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ), – лишением свободы на срок до десяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Сопоставление этих санкций с санкцией ч. 2 ст. 318 УК РФ показывает, что последнюю нельзя признать излишне суровой. Анализ же практики назначения наказания свидетельствует о том, что в целом суды не расценивают применение в отношении представителя власти насилия, опасного для жизни или здоровья, как преступление, обладающее высокой общественной опасностью.

Из данных, представленных в таблицах 5 и 6, видно, что по ч. 2 ст. 318 УК РФ в Российской Федерации в 2013-2019 гг. ежегодно осуждалось от 631 (2019 г.) до 1002 человек (2015 г.), причем начиная с 2016 г. количество осужденных последовательно снижалось. Подавляющему большинству осужденных назначалось наказание в виде лишения свободы,

при этом традиционно высок процент лиц, осужденных к лишению свободы условно (49,3-58,3% от общего числа осужденных). Более мягкие наказания, чем предусматривает санкция, назначались в редких случаях; их удельный вес различается по годам, но не превышает 1,4%. Характерной особенностью является уменьшение доли лиц, условно осужденных к лишению свободы, с одновременным увеличением доли лиц, осужденных к реальному лишению свободы вплоть до их почти полного выравнивания. Если в 2013 г. к реальному лишению свободы было приговорено 40,9% осужденных, а условное осуждение применено в отношении 58,3% лиц, то в 2017-2019 гг. разница между соответствующими показателями не превышала 1%. Соотношение удельного веса осужденных к различным срокам реального лишения свободы отражено в таблице 7. Размещенные в ней данные свидетельствуют о том, что подавляющему большинству лиц, приговоренных к реальному лишению свободы, назначается наказание на срок свыше одного года, но не свыше пяти лет. Максимальный удельный вес лиц, осуждаемых к лишению свободы на срок до одного года включительно, составлял 12,6% от общего числа лиц, осужденных к реальному лишению свободы (2017 г.). Доля лиц, которым назначено реальное лишение свободы на срок свыше пяти лет (т.е. свыше половины максимального предела санкции), не превышает 3,8% (2015 г.), составляя отдельные годы всего 1,6-1,7% (2014, 2017, 2019 гг.).

Таблица 5

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 318 УК РФ в 2013-2019 гг. к различным видам наказаний (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [7-13])

Год	Лишение свободы	Условное осуждение к лишению свободы	Иные виды наказаний ¹	Всего осуждено
2013	363	518	7	888
2014	439	514	13	966
2015	499	497	6	1002
2016	452	467	8	927
2017	406	405	10	821
2018	361	366	4	731
2019	310	316	5	631

Таблица 6

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 318 УК РФ в 2013-2019 гг. к различным видам наказаний, в общем числе осужденных за указанное преступление (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	Лишение свободы (%)	Условное осуждение к лишению свободы (%)	Иные виды наказаний (%)
2013	40,9	58,3	0,8
2014	45,4	53,2	1,4
2015	49,8	49,6	0,6
2016	48,7	50,4	0,9
2017	49,5	49,3	1,2
2018	49,4	50,1	0,5
2019	49,1	50,1	0,8

Таблица 7

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 318 УК РФ в 2013-2019 гг. к реальному лишению свободы на различные сроки, в общем числе осужденных за данное преступление к реальному лишению свободы (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

Год	До 1 года вкл. (%)	Свыше 1 до 2 лет вкл. (%)	Свыше 2 до 3 лет вкл. (%)	Свыше 3 до 5 лет вкл. (%)	Свыше 5 до 8 лет вкл. (%)	Свыше 8 до 10 лет вкл. (%)
2013	10,2	27,3	32,2	27,8	2,2	0,3
2014	11,6	30,1	27,1	29,6	1,6	0
2015	10,0	27,7	25,4	33,1	3,0	0,8
2016	11,7	27,2	22,6	35,2	3,3	0
2017	12,6	25,9	26,8	33	1,7	0
2018	10,0	29,4	22,4	36,3	1,9	0
2019	11,3	29,4	20,0	37,7	1,6	0

¹ Ограничение свободы, исправительные работы, обязательные работы, штраф.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Санкции ст. 318 УК РФ не нуждаются в коррекции без изменения признаков закрепленных в ней составов преступлений. В настоящее время они вполне согласуются с санкциями статей, предусматривающих ответственность за преступления против личности, посягающие на объекты, которые в составах применения насилия в отношении представителя власти являются дополнительными. Однако необходимость в оптимизации санкций ст. 318 УК РФ может возникнуть при более глубокой дифференциации ответственности в рамках данной статьи.

2. В судебной практике общественная опасность применения насилия в отношении представителя

власти по общему правилу не расценивается как высокая. Назначаемые наказания концентрируются в нижних сегментах санкций, редко выходя за пределы медианы. Степень жесткости уголовной репрессии по ст. 318 УК РФ в целом не является чрезмерной. Однако риск вынесения несправедливых судебных решений, когда назначенное наказание оказывается не соответствующим характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, существует. Он предопределяется объединением в ч. 1 ст. 318 УК РФ деяний, существенно различающихся по типовой степени общественной опасности, и может быть нейтрализован только посредством углубления дифференциации ответственности.

Литература

1. Агаев Г.А. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практика применения законодательства): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 43 с.

2. Карев А. Мосгорсуд сократил срок фигуранту «московского дела» Никите Чирцову. В ближайшие дни он выйдет на свободу // Новая газета. 13 апреля 2020 г. URL: <https://novayagazeta.ru/news/2020/04/13/160653-mosgorsud-sokratil-srok-figurantu-moskovskogo-dela-nikite-chirtsovu-ego-otrustili-v-zale-suda> (дата обращения: 10.02.2021).

3. Кузьмин А.В. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 32 с.

4. Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Общественная опасность преступления: генезис понятия и проблема измерения и отграничения от административного правонарушения // Административное право и процесс. 2020. № 1. С. 14-21.

5. Никитин Д.Н., Иринчеев В.В. Измерение общественной опасности преступлений: опыт прикладного исследования проблемы // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 1 (14). С. 117-121.

6. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16 мая 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362> (дата обращения: 02.02.2021).

8. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2883> (дата обращения: 02.02.2021).

9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 02.02.2021).

10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 02.02.2021).

11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 02.02.2021).

12. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 02.02.2021).

13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 02.02.2021).

14. Солодков И.А. Уголовно-правовые критерии измерения общественной опасности преступления // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 167-169.

15. Старикова М., Винокуров А., Васильева А., Галанина А. Приговорчики в строю // Коммерсант. № 226. 2019. 7 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4186772> (дата обращения: 10.02.2021).

16. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 49 с.

УДК 343.9:343.3

Е.Г. Телегина, канд. юрид. наук

Филиал Кубанского государственного университета в г. Новороссийске

E-mail: lady.lena-telegina@yandex.ru;

П.Ю. Размётов

Филиал Кубанского государственного университета в г. Новороссийске

ТЕРРОРИЗМ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Терроризм превратился в настоящую глобальную проблему всего мира и представляет собой иррациональную смесь из религиозных, национальных, честолюбивых и нигилистических проектов с эмоциями, однако он всегда несёт в себе политическую нагрузку. Его цель – устрашение населения. Данная проблема требует действенного решения, найти которое можно только выяснив причины возникновения терроризма, изучив нравственно-психологические характеристики личности террориста, а также разобравшись в целях, преследуемых современным международным терроризмом.

Ключевые слова: международный терроризм, причины терроризма, психологический портрет, средства борьбы с терроризмом.

E.G. Telegina, Candidate of Juridical Sciences

Kuban State University (Novorossiysk branch)

E-mail: lady.lena-telegina@yandex.ru;

P.Yu. Razmetov

Kuban State University (Novorossiysk branch)

TERRORISM AS A FORM OF MANIFESTATION OF INTERNATIONAL CRIME: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Terrorism has become a real global problem around the world and is an irrational mix of religious, national, ambitious and nihilistic projects with emotions, but it always carries a political burden. His goal is to intimidate the population. This problem requires an effective solution, which can be found only by finding out the causes of terrorism, studying the moral and psychological characteristics of the terrorist's personality, as well as understanding the purposes pursued by modern international terrorism.

Key words: international terrorism, causes of terrorism, psychological portrait, means of fighting terrorism.

Понятие «террор» (от лат. terror – ужас) впервые упоминается в работах древнегреческого философа Аристотеля, датированных серединой IV в. до н.э. Этим понятием философ обозначал те ощущения, которые испытывал зритель на трагедийном спектакле греческого театра. Сегодня же данное понятие приобрело несколько иное значение, вовсе не связанное с театральным искусством.

Европейское сообщество впервые серьезно задумалось над проблемой международного политического терроризма после так называемого Олимпийского теракта – террористического акта, совершённого во время проведения Олимпиады в Мюнхене в 1972 г. Жертвами этого теракта, совершённого членами палестинской террористической организации «Чёрный сентябрь», стали 11 членов израильской олимпийской

сборной. Традиционно данный теракт считается одним из первых в большой серии актов проявления международного политического терроризма. События, произошедшие в Мюнхене в сентябре 1972 г., дали своеобразный толчок к разработке международных программ, призванных впредь бороться с подобного рода проявлениями международной преступности. В частности, в ФРГ было создано явившееся одним из первых спецподразделение по борьбе с терроризмом, получившее название GSG-9 (нем. Grenzschutzgruppe 9 – «Группа охраны границ 9») [3].

С момента совершения Олимпийского теракта прошло 46 лет. За эти годы были совершены десятки терактов, унёсших тысячи жизней. Террористические акты с самым большим числом жертв последних десятилетий представлены в таблице 1 [4].

Таблица 1

10 террористических актов конца XX – начала XXI века с наибольшим числом жертв

Страна	Дата	Место совершения	Число жертв, чел.
США	11.09.2001	г. Нью-Йорк	2996
Россия	01.09.2004	г. Беслан	335
Индия	23.06.1985	Boeing 747 Air India	329
Нигерия	05-06.05.2014	г. Гамбору	303
США	21.12.1988	Boeing 747 Pan Am.	270
Индия	12.03.1993	г. Мумбаи	257
Россия	31.10.2015	Airbus A-321 «Когалымавия»	224
Кения, Танзания	07.08.1998	г. Найроби, г. Дар-эс-Саламе	224
Индия	11.07.2006	г. Мумбаи	209
Индонезия	12.10.2002	г. Кута	202

Наше государство всерьёз столкнулось с проблемой международного терроризма в последнюю пару десятилетий своей новейшей истории. Политические и социально-экономические преобразования, следовавшие за юридической и фактической ликвидацией СССР и носившие кардинальный, если не сказать, шоковый характер, создали плодотворную почву для развития международного терроризма в странах СНГ. Кроме того, в своём стремлении к самоутверждению представители малых народов и народностей, преимущественно Северного Кавказа, к превеликому сожалению, видели в совершении преступлений террористической направленности единственно верный и эффективный способ достижения своей цели. Последствия их действий порой носили весьма печальный характер.

Необходимо отметить, что в данной статье не рассматривается терроризм в дореволюционный период российской истории, т.к. он, во-первых, не но-

сил международного характера и не был проблемой в глобальных масштабах, а во-вторых, зачастую своим объектом он избирал малочисленную прослойку населения, принимавшую непосредственное участие в государственном аппарате управления, а не на общество в целом.

Отрицать тот факт, что современный международный терроризм как форма международной преступности является одной из наиболее острых проблем не только европейских государств, но и всего человечества в целом, нам представляется как минимум неразумным. Всего за пару десятилетий в нашей стране терроризм перерос из чего-то из ряда вон выходящего до чуть ли не повседневной реальности современной жизни нашего молодого капиталистического общества. Безусловно, данная проблема требует решения.

Так что же собой представляет терроризм как форма проявления международной преступности? В

чём его основные причины? Для предложения действенного решения этой проблемы прежде всего необходимо дать ответы на эти вопросы.

Существует несколько основных причин возникновения современного терроризма [2]. Во-первых, терроризм часто сопутствует трансформациям, резким социальным изменениям, происходящим в обществах с разнообразным этнодемографическим многоконфессиональным составом. Поскольку ни одно, даже тщательно продуманное и контролируемое властями социальное преобразование не способно в полной мере обеспечить удовлетворение нематериальных потребностей каждого этноса, последние, в свою очередь, часто находят решения данной проблемы в агрессивной линии собственных действий, часто принимающей форму такого преступного поведения, как терроризм.

Во-вторых, социальные контрасты, резкое расхождение общества по имущественному признаку на бедных и богатых, часто сопровождаемое эксплуатацией бедного пролетариата со стороны богатой буржуазии, согласно классической марксистской теории дают плодотворную почву для роста ненависти первых к последним, которая может перерасти в решительные преступные действия.

В-третьих, незавершённая урбанизация, специфические формы индустриализации, значительные изменения этнодемографического состава общества, а особенно неконтролируемая миграция порождают интолерантность в обществе. Столкновение резко контрастирующих культур способствует возникновению конфликтов между их носителями. В некоторых случаях эти конфликты являются настолько острыми, что в них происходит возникновение преступного элемента, прибегающего к террористическим средствам.

В-четвёртых, важную роль в формировании этнического и религиозного терроризма играет преобладание авторитарных политических режимов над демократическими в ряде развивающихся государств. Они провоцируют насилие как основную и единственно верную форму разрешения политических противоречий и прививают своим обществам отношение к агрессии к инакомыслию как к культурной норме.

Американским историком Дж. Хардманом в статье «Терроризм» было дано следующее определение терроризма: «Терроризм – это термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная группа стремится достичь провозглашённых ею целей преимущественно через систематическое использование насилия. Террористические акты направляются против людей, которые как личности, агенты или представители власти мешают достижению целей такой группы» [7]. На наш взгляд, данное

определение терроризма является наиболее точным, однако оно нуждается в дополнительном пояснении, понятном среднестатистическому члену современного общества, мало знакомому с причинами возникновения этого явления и с основными целями, им преследуемыми.

Прежде всего необходимо уяснить, что терроризм как средство выражения протеста главным объектом своего воздействия избирает психическое состояние спокойствия общественных масс. Главной целью терроризма является внушение как можно большему количеству людей чувства панического страха перед угрозой насилия [6]. По мнению руководителей террористических организаций, развитое общество, пребывающее в этом состоянии, не способно осуществлять действия, приводящие к возникновению причин для развития терроризма. Деморализованное и дезорганизованное на фоне повседневной террористической угрозы общество представляет собой куда более простой объект для дальнейшего психологического воздействия. Члены террористических организаций, которые, как правило, принадлежат к слабо развитым в экономическом, социальном и культурном плане обществам, при помощи взывания к первобытному чувству страха у членов более развитой части человеческого общества стремятся добиться равномерного распределения социально-экономических и культурных благ, в недостатке которых видят причину собственных проблем. Для выполнения этой задачи, террористы могут использовать разнообразные способы, такие как требование выкупа, реорганизации аппаратов управления государствами, изменения общественного отношения к определённым социальным группам и т.д.

Из всего вышеизложенного следует логичный вывод, что главной целью терроризма является не убийство конкретных личностей, а воздействие на сознание широких масс людей. Таким образом, терроризм – это прежде всего средство психологического воздействия. Главным объектом терроризма являются не убитые в ходе террористического акта люди, а те, кто остался жив. Цель терроризма – не убийство, а деморализация и устрашение живых членов общества. Массовые убийства в данном случае выступают лишь методом. Современный терроризм представляет собой иррациональную смесь из религиозных, национальных, честолюбивых и нигилистических проектов с эмоциями, однако он всегда несёт в себе политическую нагрузку.

Анализ личности современного террориста имеет существенное значение для исследования терроризма как преступного явления, поскольку лицо вовлекается в террористическую деятельность не только в силу объективных причин, но и в силу определённых личностных качеств и характеристик.

Для члена террористической организации характерно слабо развитое мировоззрение, заключающееся в поверхностном восприятии действительности, житейском дилетантизме. Обычным для террористов является наличие сверхценной идеи, в следовании которой террорист часто видит смысл собственной жизни. Террорист пребывает в мире собственных представлений, для него свойственна оторванность от реального мира. Также зачастую террорист уверен в обречённости существующего мирового порядка. Он верит, что на смену ему придёт новое общество, лишённое пороков капитализма, однако для этого необходимы решительные радикальные действия. Мир террористом оценивается как несправедливый и нелегитимный. Часто в сознании террориста прочно закреплены представления об историческом ущемлении, можно сказать, исторической травме той нации или социальной группы, к которой принадлежит террорист, и испытываемые в связи с этим сильные негативные эмоции. Чаще всего они материализуют причины своих прошлых обид в лице какой-либо определённой нации или социальной группы, которая в их представлении заслуживает возмездия. Эти представления обычно дополняются реальной психической травмой, которая может быть связана с различными факторами: от потрясений и лишений, пережитых в детстве, до психологической «обработки» и смещения системы представлений о современном мире в сознательном возрасте. Следствием такой личностной деформации часто становится обесценивание своей и чужой жизни. Террорист начинает видеть в пострадавших от террористической деятельности те необходимые жертвы, без которых невозможно достижение поставленной сверхцели [6].

В большинстве случаев террористическая организация имеет строгую иерархию. Представленный выше социально-психологический портрет рядового террориста не может быть однозначно применён и к руководителю террористической организации. Руководитель террористической организации обладает незаурядными интеллектуальными способностями, мощной харизмой, убедительным ораторским искусством, аналитическими способностями и зачастую философским мировоззрением. Для лиц, занимающих высокое положение в иерархии террористической организации, характерно собственное, извращённое понимание окружающего мира, но, в отличие от рядовых террористов, они способны к анализу происходящих в мире событий через призму сверхидеи, объединяющей членов одной организации. Такое лицо способно оказывать сильный психологический эффект на психически нестабильного человека, имеющего все необходимые предпосылки для становления личности террориста. В зависимости от конкретной цели этот эффект может быть как

мотивирующим, так и деморализующим. При осуществлении вербовки рядовых исполнителей террористических актов данными лицами производится анализ будущего террориста на предмет наличия в нём необходимых личностных качеств и критериев. Психическая и эмоциональная нестабильность личности используется для психологического воздействия (программирования) будущего рядового террориста: для, во-первых, достижения безоговорочного повиновения вождю террористической организации; во-вторых, смещения устоявшейся системы ценностей и мировоззрения; в-третьих, внушения общей для всей организации сверхидеи, следование которой должно составить смысл жизни террориста. Мотивация рядового террориста, как правило, производится при помощи внушения ему идей о великой цели, достижение которой требует немалых жертв, веры в великое посмертное блаженство в качестве награды за служение этой цели, а также идей о признании собственной значимости и авторитета в глазах окружающих его членов террористической организации.

Одним из закономерных результатов данной психологической обработки является то, что смерть перестаёт считаться как некая конечная точка в жизни. Смерть в представлении террориста становится лишь переходным этапом, ведущим к вечному блаженству в посмертии, которое, однако, можно получить только при условии сохранения безоговорочной верности поставленной сверхидее. Объединяющими факторами становятся всеобщая ненависть к инакомыслию и вознесение своей собственной идеологии до ранга сакральной.

Проблема международного терроризма не может быть решена усилиями одного конкретного учреждения (ведомства) или даже силами целого государства. Необходимо комплексное решение.

Искоренение терроризма как формы международной преступности возможно только при помощи координированных действий множества правоохранительных структур, принадлежащих к множеству цивилизованных государств. Задачей этой совокупности правоохранительных структур должно стать достижение максимально эффективной и отлаженной работы по предупреждению и пресечению на стадии подготовки любой террористической деятельности. Если же теракт всё-таки состоялся, первоочередной задачей правоохранительных органов становится предпринять все меры для привлечения к заслуженной ответственности лиц, виновных в совершении данного преступления.

Надо признать, что непрерывная работа цивилизованных государств в области охраны правопорядка приносит свои положительные результаты. Действия правоохранительных органов и отдельно взятых спецподразделений по борьбе с терроризмом

достигли впечатляющей эффективности по предупреждению и раскрытию преступлений террористической направленности как на государственном, так и межгосударственном уровнях. Используемые в их работе тактические приёмы и технико-криминалистические средства, явившиеся результатом длительной эволюции уголовно-правовых наук и достижениями научно-технического прогресса, способствовали заметному спаду количества совершаемых в мире преступлений террористической направленности по сравнению с концом XX – началом XXI века. Однако, несмотря на постоянно развивающийся и совершенствующийся механизм охраны человечества от террористических угроз, одной работы правоохранительных органов для решения проблемы терроризма явно недостаточно.

Решение проблемы международного терроризма не может основываться только на работе правоохранительных органов. От государств необходимо проведение большого массива работ по устранению причин возникновения терроризма как преступного явления. Разрешение социальных проблем своих граждан и прежде всего ликвидация имущественного и культурного неравенства, которое является одной из основных причин не только терроризма, но и преступности как явления в целом, – одна из основных задач, стоящих перед современным цивилизованным демократическим государством [5].

К глубочайшему сожалению, результаты проводимой в этом направлении работы оставляют желать лучшего. Одной из основных причин настолько посредственных результатов, на наш взгляд, следует считать господствующую идеологию подавляющего большинства современных развитых государств – идеологию капитализма. На сегодняшний день влияние капиталистической идеологии на массовое сознание в развитых государствах достигло исторического максимума. Капиталистическая идеология, формируемая в Северной Америке и странах Западной Европы в течение последних столетий, просто не предусматривает возможности равномерного распределения материальных благ между членами общества на основе одной лишь принадлежности к одному биологическому виду, в отличие от прямо противоположной ей идеологии коммунизма. Идеология капитализма, которой присуща концентрация основной части капитала в руках малочисленной части общества, есть идеология социального и имущественного неравенства. Для среднестатистического члена капиталистического общества давно стал нормой факт существования явной социальной и имущественной несправедливости.

Для реализации любой социальной программы, как внутригосударственной, так и международной, в т.ч. программы, направленной на устранение суще-

ствующего имущественного неравенства, необходимы определённые материальные ресурсы. Система мирового капитала устроена таким образом, что надгосударственные международные организации, ставящие одной из своих целей борьбу с международным терроризмом, не имеют достаточного собственного капитала для этого. По этой причине международным антитеррористическим организациям приходится обращаться за помощью, главным образом финансовой, к государствам-членам данной организации, а те, в свою очередь, должны финансировать борьбу с терроризмом из собственных бюджетов. А поскольку одним из основных источников финансирования государственного бюджета являются налоговые отчисления граждан, получается своеобразная схема, из которой следует, что финансирование борьбы с международным терроризмом ложится на плечи налогоплательщиков.

Капитализм как идеология в конечном итоге воспитал собственное общество – капиталистическое общество, обладающее собственными отличительными чертами, в частности превозношение ценности материальных благ над благами духовными. В сознании члена капиталистического общества осознание того, что его собственные средства будут потрачены на решение материальных проблем слаборазвитых обществ, вызывает определённое негодование. Нежелание члена общества расставаться с собственным капиталом на подобные цели, даже несмотря на то, что от этого может зависеть его собственная безопасность от террористической угрозы, обуславливает определённые трудности в реализации программ, направленных на устранение проблемы неравномерного распределения материальных благ. А ведь эта проблема, как уже отмечалось выше, является одной из основных причин международного терроризма.

Также капиталистическая идеология не способствует и разрешению культурных проблем. Зацикленность на собственном материальном благополучии, присущая члену капиталистического общества, закономерно порождает определённый эгоизм и нарциссизм, следствием которого становится не только превозношение собственной значимости, но и сопутствующих аспектов собственной жизни, в т.ч. совокупность культурно-религиозных факторов. Вследствие этого признание и примирение с резко контрастирующей культурой другого этноса представляется трудновыполнимым в рамках целого общества.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать неутешительный вывод о том, что при современном состоянии человеческого общества с господством капиталистических отношений устранение имущественного и культурного неравенства между представителями разных человеческих обществ представляется маловероятным. Тем не менее без решительных,

а самое главное, эффективных действий в этом направлении эффективность борьбы с терроризмом будет значительно снижена.

И наконец, необходимо проведение самой важной, на наш взгляд, работы по борьбе с терроризмом – психологической работы с главной жертвой современного терроризма – цивилизованным человеческим обществом. Как уже отмечалось выше, главной целью терроризма является выведение общества из состояния психического равновесия. Панический страх перед террористической угрозой – главный инструмент терроризма, и, следовательно, на него необходимо произвести основное воздействие.

Прежде всего современное общество должно осознать терроризм как одну из основных глобальных проблем человечества и как естественную форму агрессивного проявления недовольства угнетённых в различных аспектах социальных групп. Осознание терроризма как объективной проблемы, требующей решения, должно стать основой для последующей психологической работы с обществом. Необходимо разработать эффективную социальную программу, призванную обучить общество правильному отношению к терроризму и правильному поведению во время совершения террористического акта, ведь общественная паника очень часто ещё и способствует росту жертв. Неверной позицией является, на наш взгляд, тезис, в соответствии с которым теракт в общественном сознании должен быть приравнен к трагическому, но естественному событию в жизни современного человеческого общества, такому как проявление стихии или к природному катаклизму. Однако разработка инструкций с чётким следованием правил

поведения для гражданина, столкнувшегося с проявлением террористической деятельности, должно не только минимизировать количество жертв совершенного теракта, но и существенно ослабить эффект устрашения, на который и опирается терроризм. Результатом проведения этой психологической работы с обществом должна стать утрата терроризмом своего главного инструмента. Потеряв эффективность, терроризм как способ достижения цели утратит и свою целесообразность, что должно сыграть решающую роль, если не в искоренении, то в минимизации его как преступного явления.

Именно криминологическо-психологическому аспекту терроризма как средства воздействия на общество, на наш взгляд, уделено слишком мало внимания. Социальная программа, главной задачей которой является обучение общества правильному отношению к терроризму, должна стать одним из главных средств по борьбе с ним. Задача по разработке этой программы должна лечь на образованную коллегию ведущих специалистов в области криминологии, социологии и психологии.

Именно совместная работа вышеназванных субъектов, воздействующая на преступную, причинную и виктимную составляющие современного терроризма, должна с максимальной эффективностью обеспечить борьбу с ним. Иными словами, необходим комплекс действий, направленных на борьбу с причинами со стороны государств и государственных образований, работу по предупреждению и устранению последствий террористических актов со стороны массива правоохранительных органов и, наконец, психологическую работу с обществом.

Литература

1. Алексеев О.Н. Особенности и перспективы борьбы с международным терроризмом. 2013.
2. Климаченкова В.О. Современный терроризм: понятие, условия и причины. Пенза, 2012.
3. Официальный сайт GSG 9 на русском языке. URL: http://www.bundespolizei.de/DE/06Die-Bundespolizei/Organisation/BPOLP/GSG9/gsg9_node.html (дата обращения: 07.10.2018).
4. Официальный сайт ТАСС на русском языке. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2436364> (дата обращения: 07.10.2018).
5. Почебут Л.Г. Психология терроризма. СПб., 2015.
6. Римский А.В., Артюх А.В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы его проявления. Белгород, 2009.
7. Хардман Дж. Терроризм. 1934.

УДК 343.8

Р.Р. Уматкулова

адъюнкт Уфимского юридического института МВД России

E-mail: rumatkulova@mvd.ru

ПРИЧИНЫ ПРИСУТСТВИЯ УСМОТРЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В статье рассматриваются причины присутствия усмотрения в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. Рассматриваются негативные проявления усмотрения со стороны государственных органов власти, а также возможные пути их решения. Раскрываются основные принципы уголовно-исполнительной системы, которые должны использоваться при усмотрении. В статье приводятся примеры синонимов понятия усмотрения, а также регламентируется свобода выбора данных синонимов учреждениями уголовно-исполнительной системы. Понятие усмотрения рассматривается как свобода, ограниченная теми или иными нормами права, а также становится дополнительным инструментом реализации норм права, т.е. является правовым усмотрением, т.к. право является основным инструментом, регулирующим отношения в обществе. В статье предлагается внести некоторые изменения в уголовно-исполнительное законодательство в целях использования усмотрения в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: усмотрение, органы государственной власти, полномочия, злоупотребление властью, свобода выбора, целесообразность, эффективность, уголовно-исполнительное законодательство.

R.R. Umatkulova

postgraduate student of Ufa Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

E-mail: rumatkulova@mvd.ru

REASONS FOR THE PRESENCE OF DISCRETION IN THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the reasons for the presence of discretion in the activities of institutions of the penal system. Negative manifestations of discretion on the part of state authorities, as well as possible ways to solve them, are also considered. The main principles of the penal system that should be used at discretion are revealed. The article provides examples of synonyms of the concept of discretion, as well as regulates the freedom of choice of these synonyms by institutions of the penal system. The concept of discretion is considered as a freedom limited by certain legal norms, and also becomes an additional tool for the implementation of legal norms, i.e. it is a legal discretion, since the law is a fundamental regulator of public life. The article proposes to introduce some legislative changes for the use of discretion in the activities of institutions of the penal system.

Key words: discretion, public authorities, powers, abuse of power, freedom of choice, expediency, effectiveness, penal legislation.

В законодательстве Российской Федерации не закреплено понятие «усмотрение», нет четко определенных границ и пределов применения данного понятия, а также возможности и законности его применения в деятельности государственных органов. Однако это совершенно не означает отсутствия усмотрения в деятельности органов государственной власти. Стоит отметить, что усмотрение встречается в нормах права российского законодательства. В части 2 статьи 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» отмечено, что к причинам коррупции относится необоснованно широкие пределы усмотрения для правоприменителя. Аналогичное положение корреспондировано также и в Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96. Таким образом, с точки зрения закона, можно сделать вывод о негативном проявлении усмотрения как главной причины проявления коррупции. Следовательно, законодателю при принятии законопроектов следует минимизировать применение таких формулировок в законах, которые позволяют на практике применить усмотрение.

В то же время не стоит воспринимать усмотрение лишь с негативной стороны, т.к. на современном этапе развития законодательства в Российской Федерации не обойтись без возможности осуществления выбора правоприменителем. Считаем, что невозможно предусмотреть все правовые ситуации, а также законодательно закрепить их в нормативных правовых актах. Таким образом, усмотрение в современном обществе и праве, для которых характерны быстрые изменения, несомненно, играет большую роль. Однако правоприменитель должен использовать усмотрение с большой осмотрительностью, т.к. при определенных обстоятельствах и в случае пересечения границ дозволенности действия могут быть расценены как злоупотребление правом, превышение полномочий.

Французский ученый в области административного права А. Ориу отмечал, что администрация в своей деятельности должна быть подчинена не только закону, но и нормам права. Такое подчинение не отменяет определенной свободы при принятии решений, что принято называть дискреционными полномочиями. Дискреционные полномочия выражаются в свободе оценки, свободе действий и при принятии решений. Однако свобода выбора не может быть всеобъемлющей и подчиненной только требованиям законности. Усмотрение администрации не является синонимом произвола. Мы согласны с данным мнением, т.к. усмотрение не может и не должно расце-

ниваться как синоним таких понятий, как произвол, вседозволенность, свобода. Усмотрение возможно применить лишь в определенных законом пределах, где в той или иной степени присутствует свобода выбора, не являющаяся безграничной. Решения, принимаемые органами государственной власти, всегда законны и обоснованы и предполагают эффективность, целесообразность и справедливость усмотрения как такового. Применение усмотрения имеет свои негативные проявления, к которым можно отнести злоупотребление правом, произвол, коррупцию, самоуправство. Таким образом, законодательным пределом усмотрения является установление ответственности за вышеуказанные деяния. Следовательно, усиление ответственности будет являться в какой-то степени сдерживающим фактором. Должностное лицо при принятии какого-либо решения должно оценить границы дозволенности.

Ю.П. Соловей рассматривает усмотрение как сделанный администрацией выбор из множества вариантов управленческих решений наиболее оптимального, разрешающего управленческую задачу при таких обстоятельствах, «когда правовые нормы не определяют исчерпывающим образом основания, условия, содержание, форму, порядок (процедуру), сроки и (или) субъектов принятия такого решения» [9, с. 74]. Как указывалось выше, не представляется возможным законодательно закрепить все возможные жизненные ситуации, вследствие чего органы государственной власти наделены возможностью применить усмотрение. Но данная возможность корреспондируется с обязанностью соблюдать нормы права, т.е. соблюдать закон, основополагающие принципы, права и свободы человека и гражданина, а также не применять усмотрение в своих личных целях.

А.Я. Гришко тоже предлагает в какой-то степени ограничить пределы усмотрения, а именно «возможности администрации исправительного учреждения по ухудшению правового положения осужденного должны быть исключены. Административное усмотрение может допускаться в целях его улучшения» [2, с. 76]. Мы согласны с данной точкой зрения, если от административного усмотрения невозможно полностью избавиться, то хотя бы использовать его следует в положительных целях. Но тут необходимо наиболее точно определить процедуру и пределы данного усмотрения для того, чтобы оно тоже не переросло в административный произвол с коррупционным умыслом.

Таким образом, усмотрение предполагает наличие не абсолютной свободы, а ограниченной определенными пределами, предусмотренными правовыми нормами. Только усмотрение, которое носит правовой характер, основано на праве, может

выступать в качестве основополагающего и легитимного регулятора общественной жизни. По обоснованному мнению В.В. Черникова: «нормы права устанавливают допустимую меру свободы публичной администрации, определяют количественные и качественные параметры ее деятельности» [11, с. 25]. Все приведенные мнения подтверждают, что усмотрение не должно применяться администрацией в своих низменных целях и интересах, противоречить законам.

Уголовно-исполнительная система (пенитенциарная система) представляет собой совокупность учреждений, органов, деятельность которых предназначена для содержания подозреваемых и обвиняемых, исполнения наказания, а также совокупность предприятий и учреждений, созданных для обеспечения функционирования самой системы. Деятельность уголовно-исполнительной системы регламентирована Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», а также Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации.

В соответствии со статьей 1 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» уголовно-исполнительная система основывает свою деятельность на основе принципов законности, гуманности, уважения прав человека. Таким образом, усмотрение в деятельности уголовно-исполнительной системы должно быть осуществлено исключительно с соблюдением основополагающих принципов, указанных выше. Более того, усмотрение всегда должно быть нацелено на достижение основных целей деятельности уголовно-исполнительной системы. Нельзя не согласиться с А.Я. Гришко, по мнению которого, «в тех случаях, когда допустимо и, более того, необходимо административное или судебное усмотрение, нужно на законодательном уровне четко определить процедуру решения вопроса» [3, с. 7]. Такая процедура не имеет должного законодательного закрепления в деятельности руководителей, что «вносит элемент неопределенности в их работу, создает почву для субъективизма» [1, с. 74]. Из этого следует, что усмотрение должно быть ограничено определенными рамками, которые характеризуются наличием «необходимости, целесообразности, допустимости, полезности, значимости, разумности, нравственности и свободной воли субъекта усмотрения» [4, с. 29]. По поводу применения усмотрения существует огромное количество мнений, что говорит о том, что данный вопрос является актуальной темой в юридической литературе, а также что данная проблема в настоящее время не разрешена.

Основной причиной отсутствия усмотрения в деятельности уголовно-исполнительной системы является наличие в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации норм, которые не регламентируют императивной обязанности, а содержат в себе возможность выбора по своему усмотрению той или иной линии поведения. В формулировке таких норм чаще всего встречаются такие слова, как «вправе», «может». Примером таких норм являются:

- ч. 2 ст. 27 УИК РФ – уголовно-исполнительная инспекция наделена правом рассматривать вопрос о количестве проработанных часов при наличии уважительных причин;

- ч. 2 ст. 46 УИК РФ – уголовно-исполнительная инспекция может в письменной форме предупредить осужденного к исправительным работам в случае нарушения им установленного порядка;

- ч. 2 ст. 77 УИК РФ – начальник следственного изолятора или тюрьмы в единоличном порядке наделен правом решать вопрос об оставлении осужденных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию;

- ч. 1 ст. 89 УИК РФ – начальник исправительного учреждения наделен в единоличном порядке правом решать вопрос о порядке и месте проведения свидания;

- п. «г» ч. 2 ст. 118 УИК РФ – администрация исправительного учреждения наделена правом решать вопрос об одном краткосрочном свидании в течение шести месяцев для осужденных.

Усмотрение также встречается в ст. 115, 117, 121, 128, 134, 135, 136, 157 УИК РФ. Во всех вышеуказанных случаях администрация, инспекция наделены правом принимать решения в одностороннем порядке, исходя из своих личных убеждений, т.е. присутствует принцип субъективизма, а также злоупотребление правом. Рассмотренные причины и условия представляют собой обширный пласт обстоятельств, способствующих совершению коррупционных преступлений [5, с. 132].

Резюмируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что к числу основных причин отсутствия усмотрения в деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы относятся: отсутствие правового регулирования тех или иных ситуаций; наличие в нормах права выбора при принятии решения на свое усмотрение (отсутствие императивной обязанности); отсутствие пределов усмотрения (возможность принятия решения исходя из личных убеждений, характеристик, которые законодательно не закреплены).

Таким образом, усмотрение в настоящее время является средством оперативного реагирования администрации, инспекции уголовно-исполнительной системы. Применение усмотрения в деятельности уголовно-исполнительной системы должно проис-

ходить в рамках закона, с соблюдением основополагающих принципов, основывая свои решения исходя из разумности, нравственности, целесообразности, полезности, а также соблюдая права и законные интересы осужденных. Однако в связи с большой вероятностью присутствия субъективизма и злоупотребления правом законодательно необходимо исключить ситуации, в которых администрация, инспекция могут применить решение в единоличном порядке, а также конкретизировать применение усмотрения.

В этих целях необходимо внести следующие изменения:

1. По возможности законодательно следует исключить из текста статей УИК РФ употребление слов «вправе», «может», относящихся к администрации, инспекции. Требуется осуществлять мониторинг

норм уголовно-исполнительного законодательства, в т.ч. подзаконных актов, которые регулируют деятельность уголовно-исполнительной системы.

2. Законодательно ограничить возможность применения усмотрения в единоличном порядке. Законодательно следует предусмотреть принятие решений в коллегиальном порядке, с обязательным включением в состав комиссии представителей иных органов и организаций, например органов местного самоуправления или общественных организаций.

3. Законодательно следует конкретизировать пределы применения усмотрения, указать точные обстоятельства, при которых можно применить то или иное решение. При этом в целях «не нагружать» законы содержательными нормами, которые превратят их в тучные многотомники, возможно рассмотреть вопрос о создании методических инструкций.

Литература

1. Голодов П.В. Административное усмотрение в управленческой практике учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2017. № 38. С. 73-79.

2. Гришко А.Я. Реализация норм уголовно-исполнительного права в предупреждении преступлений // Союз криминалистов и криминологов. 2015. № 1-2. С. 72-77.

3. Гришко А.Я. Уголовно-исполнительный закон: декларации и реалы, необходимость в обновлении // Омбудсмен. 2014. № 2. С. 4-9.

4. Жеребцов А.Н., Чабан Е.А. Соотношение административного усмотрения и целесообразности при принятии решения по административному делу // Административное право и процесс. 2018. № 8. С. 28-32.

5. Кузнецова Н.В. Причины и условия коррупционных преступлений в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы // Материалы международной научно-практической межведомственной конференции / под общ. ред. А.А. Вотинова. 2016. С. 351.

6. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (вместе с Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов): постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96.

7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ.

8. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

9. Соловей Ю.П. Некоторые вопросы судебного контроля за дискреционными административными актами в Российской Федерации. С. 153.

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 18 декабря 1996 г.; одобрен Советом Федерации Федерального Собрания РФ 25 декабря 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

11. Черников В.В. Административное усмотрение как объективная реальность и теоретическая проблема в трудах профессора Ю.П. Соловья // Административное право и процесс. 2018. № 7. С. 23-30.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.13

Д.В. Кураков, канд. юрид. наук

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова

E-mail: denis.kurakoff@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Вопросы добывания доказательств и их использования достаточно конкретны и строгие, что не дает возможности органам предварительного расследования совершать большое количество действий, формально выходящих за пределы возможностей уголовного судопроизводства, но на деле оказывающихся более эффективными. В таких случаях актуализируются возможности именно оперативно-разыскной деятельности, которая, в отличие от уголовно-процессуальной, обладает более широким спектром полномочий, а также большей вариативностью в плане планирования и проведения отдельных мероприятий.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, результаты оперативно-разыскной деятельности, оперативно-разыскные мероприятия, следственные действия, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, преступление, следственные подразделения.

D.V. Kurakov, Candidate of Juridical Sciences

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: denis.kurakoff@yandex.ru

SOME PROBLEMS RELATED TO THE USE OF THE RESULTS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The issues of obtaining evidence and its use are quite specific and strict, which does not allow the preliminary investigation bodies to carry out a large number of actions that formally go beyond the scope of criminal proceedings, but in practice turn out to be more effective. In such cases, the capabilities of precisely the operational-search activity, which, unlike the criminal procedure, have a wider range of powers, as well as greater variability in terms of planning and conducting individual events, are actualized.

Key words: operational-search activity, results of operational-search activity, operational-search measures, investigative actions, institution of criminal proceedings, preliminary investigation, crime, investigative units.

Оперативно-разыскная деятельность – один из специфических видов деятельности отдельных подразделений правоохранительных органов в Российской Федерации. Её главная особенность заключается в использовании принципа конспирации и сочетании гласных и негласных методов работы.

Положения нормативных правовых актов, а также практика правоохранительных органов показывает, что основными направлениями использования результатов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовном судопроизводстве сегодня являются:

1) использование оперативной информации в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела. Является достаточно важным направлением и выражается в проведении предварительной проверки материалов по заявлениям сотрудниками оперативных подразделений. Поводы и основание возбуждения уголовного дела закреплены в ст. 140 УПК РФ.

Именно посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий имеется возможность осуществлять функцию фильтрации заявлений. То есть подобная система предварительной проверки оперативными подразделениями, существующая в настоящее время, помогает гарантировать попадание к органам предварительного расследования исключительно материалов о преступлениях. Вся эта деятельность оперативных подразделений осуществляется на стадии уголовного процесса – возбуждение уголовного дела.

Часть современных ученых уверена, что рассматриваемая стадия – рудимент, пережиток прошлого, который следует упразднить за ненадобностью [3, с. 27-31]. На это, по мнению теоретиков, указывает ряд реальных причин:

- большинство задач, возложенных именно на эту стадию, может выполняться и в рамках стадии предварительного расследования, в т.ч. и сотрудниками оперативных подразделений;

- существование стадии создает дополнительную бумажную нагрузку на органы предварительного расследования, поскольку каждый отдельный факт принятия заявления о преступлении и проведении по нему проверки должен сопровождаться отдельным материалом проверки учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее – КУСП) с набором обязательной документации;

- сама по себе стадия возбуждения уголовного дела по большей мере носит административный характер, а потому значительно ограничивает органы предварительного расследования. Так, в рамках проведения доследственной проверки дознаватель или следователь уполномочены совершать строго огра-

ниченный ряд неотложных следственных действий. Остальные проводимые проверочные мероприятия будут носить административный или оперативно-разыскной характер, что вновь создает определенные промедления и бумажную волокиту. Например, объяснения, полученные в рамках доследственной проверки, нельзя использовать в качестве доказательств после возбуждения уголовного дела, а потому требуется проведение следственного действия, схожего по природе с опросом, – допроса в целях дальнейшего приобщения к материалам уголовного дела. При этом по ряду дел указанные ограничения зачастую становятся камнем преткновения. По нашему мнению, подобное положение дел может существенно помешать предварительному расследованию дел о преступлениях против личности, в частности убийствах, причинении вреда здоровью, изнасилованиях. Указанные категории особо тяжких преступлений наносят вред не только общественным интересам, но и физическому и психическому здоровью людей – участников произошедшего, даже если вести речь об очевидцах. При этом зачастую наиболее точную информацию о произошедшем можно получить от очевидцев в первые дни происшествия. Но осуществить это и в рамках доследственной проверки, и в рамках следственного действия в короткие сроки практически невозможно. Дальнейшие допросы свидетелей через месяцы после происшествия могут лишить органы предварительного расследования значительной части информации, поскольку человеческому мозгу свойственно постепенно стирать и размывать деструктивную информацию. При отсутствии стадии возбуждения уголовного дела следователи имели бы возможность проводить все необходимые следственные действия по горячим следам, максимизировав эффективность своей деятельности и получая максимум информации. Похожая ситуация наблюдается и в необходимости проведения ряда других следственных действий;

- упразднение стадии возбуждения уголовного дела позволит также уменьшить и финансовые затраты, вытекающие из излишней временной загруженности, бумажной работы и т.д.

Сторонники упразднения института возбуждения уголовного дела в научной среде также не отличаются единством мнений. Некоторые ученые считают, что институту требуется обычная реформация без радикальных мер по упразднению. В частности, при разработке специального законопроекта, касающегося масштабных изменений в УПК РФ, предлагалось существенно сократить саму стадию возбуждения уголовного дела. Предлагается в рамках рассматриваемого института выносить на рассмотрение вопрос лишь о наличии признаков преступления. То есть инициаторы изменений в УПК РФ предлагают

снять с органов, проводящих доследственную проверку, необходимость установления всех признаков состава преступления – это считается задачей предварительного расследования. В рамках стадии возбуждения уголовного дела предлагается рассматривать заявления только на предмет наличия признаков преступления, т.е. наличия основания для возбуждения уголовного дела (а также поводов к возбуждению).

На наш взгляд, это является наиболее приемлемым решением, поскольку оно позволит значительно сократить саму доследственную проверку как в плане временных рамок, так и в плане бумажной работы. Подобные изменения позволят привести сам институт к формальному соответствию нормам УПК РФ, касающимся возбуждения уголовного дела, которые напрямую не требуют установления именно всех признаков состава преступления. Квалификация деяния – работа органов предварительного расследования. Однако на это косвенно указывают нормы УПК РФ, называющие основания отказа в возбуждении уголовного дела (ст. 24 УПК РФ), в которых отсутствие состава и события называется в числе равных оснований. По нашему мнению, именно это решение законодателя вынуждает органы доследственной проверки устанавливать все признаки состава преступления. Так, если сотрудником обнаружено само событие преступления, он вынужден определять еще и признаки состава для того, чтобы иметь возможность разрешить вопрос о возбуждении уголовного дела. Естественно, что подобная деятельность значительно расширяет временные рамки самой стадии, создает проволоки.

Более радикально настроенные теоретики считают, что рассматриваемая стадия должна быть упразднена полностью, а большая часть её задач будет решаться в рамках уже возбужденного уголовного дела органами предварительного расследования.

Вместе с тем существует диаметрально противоположная позиция, касающаяся рассматриваемой проблемы. В частности, некоторые ученые в своих работах указывают на необходимость существования такого уголовно-процессуального института, как возбуждение уголовного дела. По мнению ученых, данная стадия – своеобразный фильтр всего уголовного судопроизводства. Его отсутствие несколько не уменьшит объем работы органов предварительного расследования, а лишь увеличит нагрузку на следователей и дознавателей. Дело в том, что на сегодняшний день большая часть поступающих в органы внутренних дел сообщений чаще всего не содержит признаков преступления. Как показывает практика, граждане обращаются в органы внутренних дел ввиду правовой неосведомленности о необходимости разрешения отдельных вопросов в рамках граждан-

ского судопроизводства. Именно для отсеивания подобных обращений и существует институт возбуждения уголовного дела.

Так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, за январь-декабрь 2019 г. в Российской Федерации зарегистрировано 2 024 337 преступлений, 93% из которых выявляются и расследуются органами внутренних дел [2]. Это составляет менее трети от общего количества обращений граждан в органы внутренних дел.

По нашему мнению, уголовное судопроизводство в Российской Федерации нуждается в наличии такой стадии, как возбуждение уголовного дела. При этом в настоящий момент созрела реальная необходимость ее изменения и сокращения. Наиболее приемлемой видится позиция, в рамках которой предлагается законодательно закрепить необходимость органов доследственной проверки в определении только наличия признаков самого преступления, без исследования отдельных элементов состава. Последнее необходимо возложить уже на органы предварительного расследования. Это позволит в значительной мере сократить временные и финансовые затраты, но при этом позволит сохранить своеобразный фильтр уголовного судопроизводства;

2) для подготовки и осуществления следственных и судебных действий. Как говорилось ранее, следственная деятельность ограничена рамками уголовно-процессуального законодательства. В свою очередь, ценность ОРД состоит именно в отсутствии подобной ограниченности. Очень часто оперативно-разыскная информация позволяет получить подспорье для дальнейшего проведения следственных действий. Например, достаточно часто результаты ОРД используются для подготовки следователем обыска, выемки, допроса, очной ставки, следственного эксперимента. Обладание следователем дополнительной информацией позволяет обеспечить получение достоверных сведений и во время самого следственного действия.

Следующая проблема в рассматриваемой сфере связана уже с процессуальными недоработками законодателя. Дело в том, что по УПК РФ не представляется возможным определить положение аудио- и видеозаписей следственных действий в системе доказательств.

Согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ [4]: «В качестве доказательств допускаются:

- 1) показания подозреваемого, обвиняемого;
- 2) показания потерпевшего, свидетеля;
- 3) заключение и показания эксперта;
- 3.1) заключение и показания специалиста;
- 4) вещественные доказательства;
- 5) протоколы следственных и судебных действий;
- 6) иные документы».

Как видно, в списке не указано ни одного пункта, под который подходили бы видео- и аудиозаписи следственных действий. Можно предположить, что законодатель определил, что в рассмотрении указанных записей в качестве доказательств нет необходимости, поскольку они являются лишь приложениями к протоколам следственных действий, которые являются самостоятельными доказательствами, и сами протоколы фактически описывают все происходящее на записях. По нашему мнению, это не совсем верно. Да, записи являются лишь сопровождением к протоколам следственных действий, но они зачастую содержат очень важную аудиальную и визуальную информацию, которая может позволить судить об эмоциях участников уголовного судопроизводства, о степени раскаяния, о неискренности, об отдельных аспектах умысла. Так почему же нельзя выделить указанные объекты в отдельную группу доказательств и рассматривать их отдельно, а не в качестве приложений?

Можно формально причислить рассматриваемые объекты к группе «иные документы», но аудио- и видеозаписи к документам отнести нельзя, только лишь их стенограммы. Выделение такой группы доказательств позволит рассматривать записи в судебных заседаниях и частично решить следующую рассматриваемую проблему. Следует добавить, что в Гражданско-процессуальном кодексе видео- и аудиозаписи рассматриваются в качестве отдельного вида доказательств.

Последняя из рассматриваемых проблем формально не связана с исследуемой темой, поскольку не касается аудио- и видеозаписей следственных действий, но она тесно переплетается с ней. Речь идет о видеозаписях и аудиозаписях, добытых оперативно-разыскным путем. Дело в том, что большинство записей, связанных с преступлениями, копируется сотрудниками уголовного розыска на стадии проверки сообщения о преступлении, и к моменту возбуждения уголовного дела все необходимые записи уже находятся в распоряжении сотрудников оперативных подразделений. Это же можно отнести, например, к записям телефонных разговоров. Статья 89 УПК РФ закрепляет: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом» [4]. В свою очередь, нами было установлено, что видео- и аудиозаписи доказательствами не являются. Таким образом, использовать записи, имевшиеся в распоряжении уголовного розыска, органами следствия невозможно. Следовательно придется вновь выезжать на место получения записей и оформлять

их изъятие протоколом следственного действия, что является тратой времени. Придание видео- и аудиозаписям статуса доказательств должно решить эту проблему. Однако также возможно введение в ст. 89 УПК РФ примечания или дополнительной статьи, касающейся упрощенного порядка передачи подобных записей из уголовного розыска в следствие;

3) в доказывании по уголовным делам. Согласно ст. 89 УПК РФ запрещено использование результатов ОРД в доказывании, если они не отвечают требованиям УПК РФ. Именно поэтому перед приобщением к уголовному делу отдельных результатов ОРД следователь должен разрешить вопрос о возможности использования этих результатов, проверив получаемые данные с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Отдельно правила оценки доказательств определяются статьей 88 УПК РФ [1, с. 100];

4) для иного обеспечения уголовного процесса. К последнему, например, может относиться информация о готовящихся провокациях, о лжесвидетельстве, о попытках скрыться от следствия. Достаточно часто исследователи пренебрегают изучением данного вопроса, однако он является достаточно важным, особенно при расследовании и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, когда правоохранительным органам приходится иметь дело с организованной преступностью, рецидивистами и иными категориями «опасных» граждан. Вопрос, касающийся лжесвидетельства, также является немаловажным, поскольку уголовное судопроизводство ставит в качестве одной из своих целей отграничение невиновных граждан от необоснованного осуждения.

Таким образом, было установлено, что институт использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве прошел достаточно длительный этап исторического формирования и изменения. На протяжении большей части времени оперативно-разыскная деятельность не выделялась официально в отдельный вид, а также не раскрывались ее особенности. В современной России нормативное регулирование оперативно-разыскной деятельности было существенно расширено, что позволило «вывести ее из тени» и привести в согласие с концепцией правового государства.

Были рассмотрены основные аспекты, касающиеся представления и использования результатов ОРД в рамках уголовного судопроизводства. Нами были обозначены основные направления использования этих результатов, а также практические и теоретические проблемы их использования.

Литература

1. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2015. 376 с.
2. Количество зарегистрированных преступлений // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 21.03.2020).
3. Макаренко М.М., Ермаков С.В. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы // Российский следователь. 2015. № 6. С. 27-31.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.982.358

А.Г. Монин

АО «ИПК "СТРАЗЖ"»

E-mail: monin@strazh.ru;

А.В. Кондаков, канд. юрид. наук, доцент

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: akondakov77@mail.ru;

Д.Ю. Донцов, канд. техн. наук

Волгоградская академия МВД России

E-mail: don3108@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЧЕСКИХ ЗАМКОВ, ОТОМКНУТЫХ КРИМИНАЛЬНЫМ СПОСОБОМ

В данной статье рассматриваются актуальные вопросы криминалистического исследования механических ключевых замков с цилиндрическим и сувальдным блоками секрета, отомкнутых посредством криминального воздействия. Среди них достаточно широкое распространение получили манипуляционные способы. В то же время в современной криминалистической литературе отсутствует описание признаков, характеризующих данные способы отмыкания замков. Нехватка криминалистически значимой информации не позволяет дифференцировать следы, образованные в процессе штатного отмыкания и криминального воздействия на механизм замка.

Ключевые слова: криминалистическое исследование механических замков, манипуляционный способ, отмыкание посторонним предметом, трасологическая экспертиза замков.

A.G. Monin

АО «EIC "STRAZH"»

E-mail: monin@strazh.ru;

A.V. Kondakov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

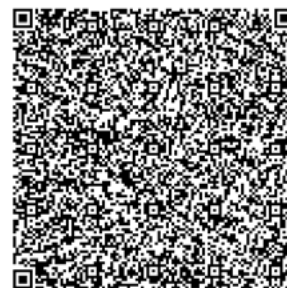
Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation

E-mail: akondakov77@mail.ru;

D.Yu. Dontsov, Candidate of Technical Sciences

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: don3108@mail.ru

SOME ASPECTS OF IMPROVING THE METHODOLOGY OF EXPERT INVESTIGATION OF MECHANICAL LOCKS OF THE CASTLE

The present article considers topical issues of forensic investigation of mechanical key locks with a cylinder and lever tumbler block of secret, which are unlocked by means of criminal influence. Among them, the bump and self-formation method is widely used. At the same time, there is no description of the characteristics of locks characterizing this method in modern forensic literature. This does not allow to differentiate the traces of the formed during the process of regular opening and criminal influence on the mechanism of the lock.

Key words: forensic investigation of mechanical locks, manipulation method, unlocking by foreign object, tracological examination of locks.

Как показывает статистика, самым распространенным видом совершаемых преступлений являются имущественные, в т.ч. связанные с проникновением как на частную территорию, так и на другие охраняемые объекты. Основным элементом любой преграды является запирающее устройство, которое обеспечивает ее блокировку, а соответственно, защиту охраняемого объекта от несанкционированного проникновения преступника. К одним из наиболее распространенных устройств относятся механические ключевые замки, которые устанавливаются в местах доступа в помещения и хранилища.

Постоянное совершенствование их конструкции, наряду с изменениями уже существующих, приводит к постоянному увеличению на российском рынке моделей замков различных производителей. Это приводит к появлению специфических способов криминального воздействия на них, к которым относится и отмыкание. При этом недостаточное количество имеющейся в современной криминалистической литературе информации обуславливает актуальность проведения исследований в данном направлении.

Широкой популярностью в настоящее время на территории России среди всех видов замков пользуются механические ключевые замки как с цилиндрическим, так и с сувальдным блоками секрета. Достоинством первых из них являются малые размеры ключа, а также возможность легкой замены блока секрета при поломке либо желании увеличить его защищенность от криминального отмыкания. Популярность вторых объясняется прекрасными противозломными и антивандальными характеристиками. При этом некоторые производители выпускают агрегатированные замки, в которых имеется как цилиндрический, так и сувальдный блоки секрета. Итак, под блоком секрета замка понимается механизм замка, посредством которого он осуществляет секретную составляющую функции запираения. Цилиндрический блок секрета – механизм замка, представляющий собой блок секрета, действие которого основано на разрешительной системе вращения ротора в цилиндре. Сувальдный блок секрета – механизм замка, представляющий собой блок секрета, задержки

которого непосредственно контактируют со стойкой засова [1].

Для отмыкания замков с цилиндрическим и сувальдным механизмами секрета преступники используют широкий спектр приспособлений и техник, относящихся к манипуляционным воздействиям. Два из них рассмотрим в данной статье более подробно.

Начнем с уточнения отдельных дефиниций, используемых специалистами в рамках экспертных исследований замков. Так, ГОСТ [1, 2] вводит понятия «функция запираения», «замыкание замка» и «отмыкание замка». Под функцией запираения понимается функция замка, заключающаяся в создании запретительной системы для работы подвижных элементов объектов, на которые он стационарно или временно установлен. Замыканием замка является совокупность действий по приведению замка в состояние, обеспечивающее выполнение им функции запираения. Под отмыканием замка следует считать приведение замка в состояние, не обеспечивающее выполнение им функции запираения, с помощью ключа или нештатных средств, не нарушающих его целостность и работоспособность. В соответствии с ГОСТ [3] манипуляционный способ является неразрушающим способом отмыкания, при котором осуществляется прямое воздействие специальными инструментами на механизм секретности замка через ключевую скважину. Весь спектр манипуляционных способов отмыкания ключевых замков, систематизированный по различным основаниям, представлен в ГОСТ [4].

Анализ экспертной практики криминалистического исследования замков механических, с сувальдным механизмом секрета демонстрирует, что широкое распространение среди несанкционированных, криминальных способов отпирания замков получил манипуляционный способ, основанный на принципе самоимпрессии.

Под самоимпрессией (самовыравниванием) понимается такой способ отмыкания замка без использования комплектного ключа, который основывается на процессе последовательного формирования кода подвижными либо деформируемыми элементами устройства (рис. 1) при механическом воздействии на зажатые задержки блока секрета замка [5].

Рис. 1. Устройство, используемое для отмыкания замка с сувальдным механизмом секрета манипуляционным способом

Использование для отмыкания замка данного устройства сопровождается образованием на деталях замка характерной следовой картины. Месторасположение, характерные особенности следов позволяют с большой долей вероятности устанавливать способ криминального воздействия на механизм секретности замка, вероятность его отпирания, а в некоторых случаях, при наличии использованного для отпирания устройства, проводить его идентификацию.

Исходя из этого, рассмотрим признаки, отображающиеся в следах, образованных специальным устройством, предназначенным для отпирания замка способом самоимпресии.

Объектом нашего исследования явился ключевой врезной замок с сувальдным блоком секрета, соответствующий третьему классу охраняемых свойств по ГОСТ 5089-2011. Блок секрета данного замка состоит из шести сувальд, разделенных планкой хвостовика засова на два пакета по три штуки. Засов замка выполнен из металлических стержней диаметром 12 мм в виде трех головок и имеет полный вылет при двух полуоборотах на расстояние 21 мм.

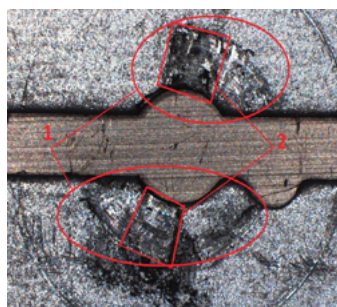
Проверка устойчивости отображающихся признаков осуществлялась в процессе эксперимента на трех замках указанной конструкции. С целью проверки работоспособности замков при помощи штатного ключа было осуществлено десять циклов отмыкания и замыкания. При этом никаких затруднений и неисправностей в работе механизмов замков не возникло. Далее на механизмы секретности замков осуществлялось воздействие приспособлением с подвижными бородками.

По окончании эксперимента, проведенного раздельным исследованием механизмов секретности замков в различных режимах освещения с использованием микроскопа LEICA, установлено, что на поверхностях корпуса, его крышки, сувальдах, засове присутствуют следы воздействия в виде царапин, потертостей и задиров металла. Наличие указанных признаков на механизмах всех участвовавших в эксперименте замков позволяет сделать вывод об устойчивости этих признаков.

Для наглядности следовой картины применения приспособления для отпирания замков с сувальдным механизмом секретности рассмотрим признаки и проиллюстрируем их.

В ходе детального исследования внутренних поверхностей корпуса замка установлено, что на их поверхностях возле ключевой скважины присутствуют потертости в виде царапин дугообразной формы (рис. 2, отм. 1), расположенные на расстоянии, не превышающем половины длины бородки ключа. Данные следы имеют направленность в сторону отмыкания замка с наибольшей выраженностью до четверти оборота. Их образование может быть связано с воздействием торцов неподвижных частей используемого для отпирания приспособления.

Наряду с этим данные части приспособления для отпирания образуют прямоугольные, статические давления на основании корпуса и его крышке, расположенные возле ключевой скважины в положении до четверти оборота (рис. 2, отм. 2).

а

б

*Рис. 2. Внутренняя поверхность крышки корпуса замка со следами воздействия специального приспособления для отпирания (1 – потертости (царапины), 2 – статические давления)
а – с разметкой, б – без разметки*

Дальнейшим исследованием установлено, что на поверхностях сувальд следы воздействия отобразились следующим образом.

Так, на двух сувальдах, расположенных наиболее близко к основанию корпуса и его крышке, отобра-

зились признаки от воздействия торцов подвижных частей указанного приспособления (рис. 3). На боковых поверхностях остальных сувальд вблизи от выреза для ключа могут образовываться следы скольжения дугообразной формы.

Рис. 3. Следы торцов подвижных частей приспособления на сувальдах, расположенных:
а – ближе к крышке, б – ближе к основанию корпуса

На нижних краях всех шести сувальд, в зоне выреза для ключа, образуются следы скольжения длинной, соответствующей максимальному типоразмеру

бородки ключа (рис. 4), в данном случае приблизительно 6 мм. При этом наблюдается незначительное уплотнение материала сувальд.

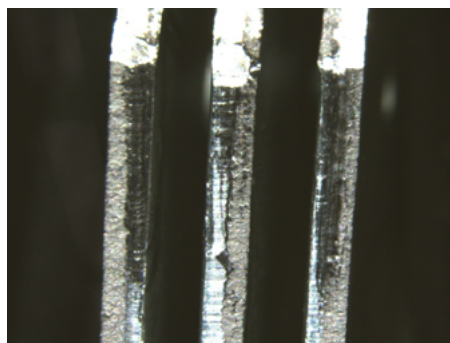

Рис. 4. Следы скольжения на нижних краях сувальд, расположенных в ближнем к крышке корпуса замка пакете

Следами воздействия неподвижной приводной бородки приспособления на засов являются задиры металла, характеризующиеся его деформацией и оттеснением в стороны и в направлении скольжения. Остаются они на середине боковых частей

зубьев гребенки хвостовика засова по направлению в сторону отмыкания (рис. 5). В замках данной модели, замыкаемых при двух полуоборотах ключа, задиры размером порядка 1,5-2 мм образовались на двух зубьях.

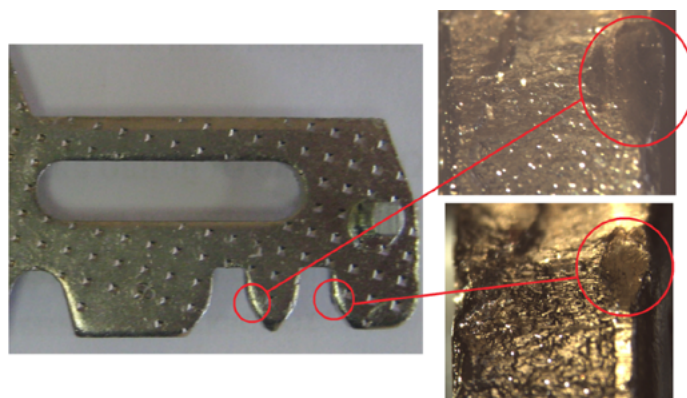

Рис. 5. Хвостовик засова со следами воздействия неподвижной приводной бородки приспособления

Подводя итог, необходимо отметить, что образующие в процессе использования для отпираания замка приспособления (устройства) с неподвижными бородками на деталях сувальдных замков следы устойчивы

и являются характерными для их отмыкания способом самоимпрессии.

Полученные в процессе экспериментального исследования результаты дают возможность сделать

предположение о необходимости дополнить сложившееся в криминалистической литературе мнение о том, что при исследовании замков, формулируя выводы, следует установить факт отмыкания замка посторонним предметом только лишь в случае присутствия на дне корпуса замка следов-царапин, перекрываемых хвостовиком засова в положении «заперто».

Факт отпираания замка с сувальдным механизмом секрета способом самоимпрессии можно установить:

- при наличии на внутренней поверхности корпуса либо его крышки, в районе ключевой скважины, как и на двух наиболее близких к ним сувальдах, потертостей дугообразной формы, а также статических следов давления дугообразной формы;

- в случае наличия на нижних краях всех сувальд в зоне ключевого выреза динамических следов длиной, соответствующей максимальному типоразмеру бородки ключа;

- при наличии задиrow металла на середине боковых частей зубьев гребенки хвостовика засова по направлению в сторону отмыкания.

Второй манипуляционный способ криминального отмыкания ключевых замков, который будет рассмотрен ниже, основан на применении специальных приспособлений, позволяющих поочередно перемещать задержки блока секрета замка и вращать его ротор.

В криминалистической литературе описание данного способа приводится в общих чертах [6, 7]. Это в большинстве случаев приводит к тому, что после изучения поверхностей деталей поступивших на исследование замков, отомкнутых таким способом, со следами эксперт-криминалист не может даже предположить механизм их образования. Поэтому знание комплекса признаков, характерных для применения специальных приспособлений данного вида при кри-

минальном воздействии на замок, расширит возможности эксперта при проведении трасологических исследований.

Суть способа заключается в следующем. Специальные приспособления устанавливаются в замочную скважину. Первым (предназначенным для вращения ротора) создается крутящий момент. Ротор сдвигается и происходит зажатие одного из плунжеров. Вторым приспособлением, позволяющим перемещать штифты блока секрета замка, производится поиск зажатого плунжера. Затем к верхней части расположенного над этим плунжером штифта прикладывается усилие с целью перемещения на линию разделения «ротор-корпус». Сдвинутый плунжер освобождается, одновременно происходит незначительный поворот ротора и зажатие другого плунжера. Процесс поиска и перемещения зажатых плунжеров производится до тех пор, пока все они не переместятся на линию разделения «ротор-корпус», что в итоге и приводит к отмыканию цилиндрического блока секрета.

Для определения возможности установления факта отмыкания приспособлениями, позволяющими поочередно перемещать задержки блока секрета замка и вращать его ротор, был выбран (в качестве объекта исследования) часто используемый в быту цилиндрический многорядный штифтовый блок секрета с размещенными диаметрально противоположно рядами штифтов (рис. 6). Наиболее часто встречающимися блоками данного вида являются с тремя и четырьмя рядами пар «штифт-плунжер», расположенными по две в каждом ряду. Для отслеживания устойчивости комплекса признаков специальных приспособлений данного вида, отображаемых на поверхностях блоков секрета, исследование проводилось на трех замках каждого типа.

а

б

в

Рис. 6. Общий вид замка с цилиндрическим многорядным штифтовым блоком секрета (а) и бородок ключей к нему (б, в) (б – для блока с тремя, в – с четырьмя рядами пар «штифт-плунжер»)

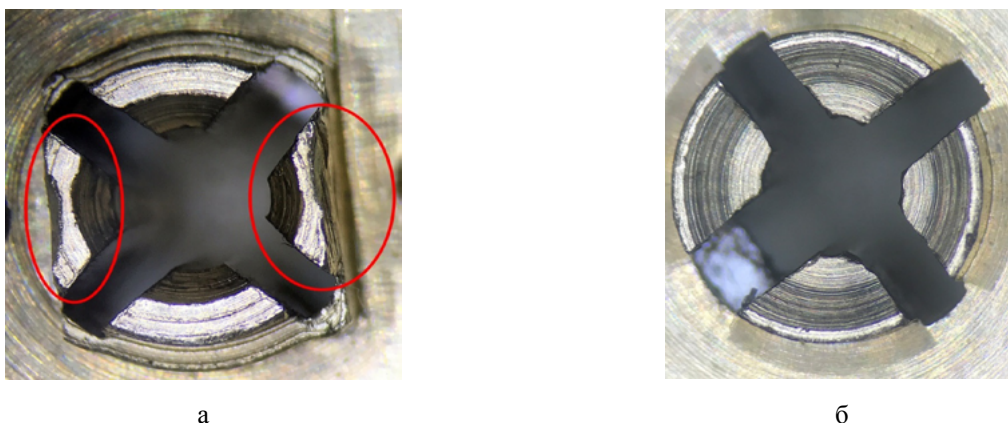
В дальнейшем выполнялась проверка правильности взаимодействия деталей блоков секрета, в ходе которой в замочную скважину каждого замка вводился штатный ключ и производилось десять циклов по отмыканию-замыканию. Никаких препятствий в работе механизмов при этом не возникло, что позволило в дальнейшем произвести эксперимент по отмыканию замков специальными инструментами.

В дальнейшем из замков были извлечены и разобраны блоки секрета. При детальном исследовании внешних и внутренних поверхностей деталей было установлено, что признаками отмыкания специаль-

ными инструментами данного вида являются следы воздействия в виде царапин, вмятин, задиров металла на штифтах, плунжерах, роторе, а также в каналах корпуса и ротора. Они образовывались на поверхностях деталей всех отомкнутых замков, что свидетельствует об устойчивости их отображения.

На наш взгляд, все эти признаки требуют более подробного описания.

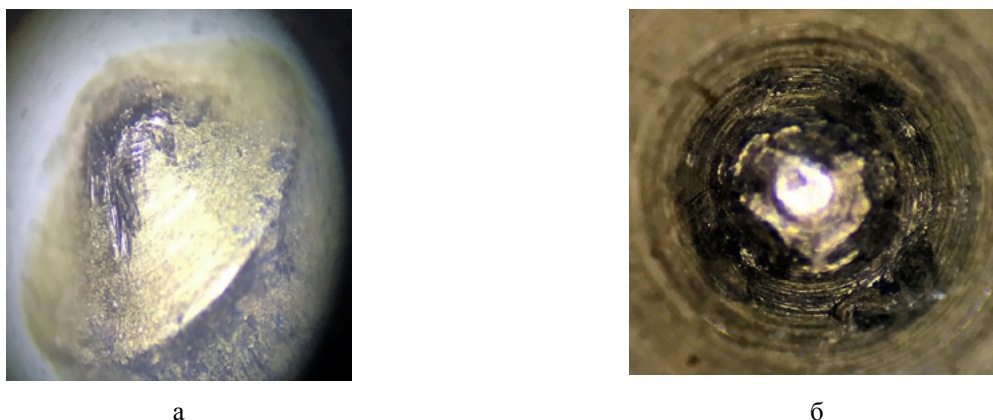
Так, на боковых поверхностях ротора со стороны замочной скважины были выявлены динамические следы в виде царапин и задиров металла, образованные специальным приспособлением, предназначенным для вращения ротора (рис. 7).

*Рис. 7. Ротор со следами воздействия специальным приспособлением, предназначенным для вращения ротора
(а – лицевая сторона, б – оборотная сторона)*

На верхних поверхностях штифтов были выявлены вмятины и царапины, образованные специальным

приспособлением, предназначенным для перемещения штифтов блока секрета замка (рис. 8).

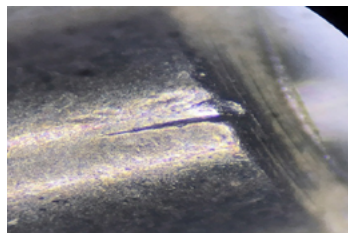

*Рис. 8. Верхняя часть штифтов со следами воздействия специальным приспособлением, предназначенным для их перемещения
(а – вид сбоку, б – вид сверху)*

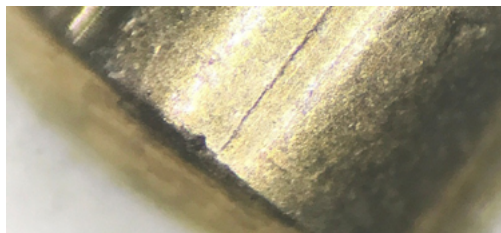
На боковых поверхностях плунжеров имеются царапины и задиры металла (рис. 9).

Образуются они от контактирования с каналами корпуса и/или ротора при приложении к по-

следнему крутящего момента. На плунжерах без дополнительного защитного покрытия данные следы являются более ярко выраженными из-за свойств материала.

а

б

*Рис. 9. Боковая поверхность плунжеров со следами канала корпуса
(а – без покрытия, б – с покрытием)*

На боковых поверхностях каналов корпуса и ротора со сторон, перпендикулярных их продольной оси, могут образовываться царапины и задиры. Такие следы оставляют плунжеры при приложении к ротору крутящего момента. Однако при наличии в каналах более твердого, чем материал плунжера, покрытия могут отсутствовать.

Из этого следует, что следы, оставленные на деталях исследуемых цилиндрических штифтовых блоков секрета манипуляционным методом с применением специальных приспособлений, позволяющих поочередно перемещать задержки блока секрета замка и вращать его ротор, являются характерными для данного способа и достаточно четкими и устойчивыми. Исходя из существующих в трасологии положений, можно отметить, что если на момент осмотра места происшествия засов замка данной конструкции находится в положении «отперто» при наличии на поверхностях его деталей вышеописанных следов, то это позволяет сделать вывод о факте его отмыкания посторонним предметом.

Таким образом, существующее в настоящее время представление по формулировке вывода о факте отмыкания замка с цилиндрическим блоком секрета посторонним предметом требуется дополнить.

О факте отмыкания замка манипуляционным способом с применением специальных приспособлений, позволяющих поочередно перемещать задержки блока секрета замка и вращать его ротор, будет свидетельствовать следующее:

- засов замка на момент исследования находится в положении «отперто»;
- наличие на боковых поверхностях ротора со стороны замочной скважины динамических следов в виде царапин и задириков металла;
- наличие на верхних поверхностях штифтов вмятин и царапин;
- наличие на боковых поверхностях плунжеров царапин и задириков металла;
- наличие на боковых поверхностях каналов корпуса и ротора царапин и задириков металла (при наличии в каналах более твердого, чем материал плунжера, покрытия царапины и задиры могут отсутствовать).

Таким образом, проведенные исследования расширяют возможности формулирования вывода о факте отмыкания механического ключевого замка с сувальдным блоком секрета либо с цилиндрическим штифтовым блоком секрета посторонним предметом, имеют практическую направленность и могут быть использованы при проведении трасологических экспертиз и исследований.

Литература

1. ГОСТ 33484-2015. Замки механические. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2017. 12 с.
2. ГОСТ Р 57383-2017. Замки механические ключевые с сувальдным блоком секрета. Классификация по устойчивости к отмыканию. М.: Стандартинформ, 2017. 6 с.
3. ГОСТ 5089-2011. Замки, защелки, механизмы цилиндрические. Технические условия. М.: Стандартинформ, 2012. 62 с.
4. ГОСТ Р 56742-2015. Замки механические. Классификация. Общие положения. М.: Стандартинформ, 2016. 12 с.
5. Монин А.Г., Кондаков А.В., Никонов С.В., Донцов Д.Ю. Методические аспекты исследования сувальдных замков, отпертых способом самоимпрессии // Библиотека криминалиста. 2017. № 6. С. 226-230.
6. Монин А.Г., Кондаков А.В., Никонов С.В., Донцов Д.Ю. Некоторые аспекты совершенствования методики криминалистического исследования цилиндрических механизмов секретности замка // Судебная экспертиза. 2018. № 4 (56). С. 67-75.
7. Экспертное исследование замков механических: учебное пособие / А.В. Кондаков, Д.Ю. Донцов, А.Г. Монин. Волгоград: ВА МВД России, 2019. 108 с.

УДК 343.933

В.В. Овсянников

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: vvovsyannikov22@mail.ru

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ЛИЦА, ПРИЧАСТНОГО К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

В статье рассматриваются исторические аспекты развития учения о внешнем облике человека. Проанализированы признаки внешнего облика, предлагаемые учеными-криминалистами на различных этапах развития данного учения. Представлена терминология авторов, стоящих у истоков становления и развития рассматриваемого учения. Исходя из современного развития различных областей науки и техники, обусловленных процессом глобальной цифровизации, выявлен ряд тенденций дальнейшей концептуализации основных положений названного учения. В заключение автором с учетом исследования положений о внешнем облике лица и информационных процессах в криминалистике предлагается рассмотрение определения сущности внешнего облика лица, причастного к совершению преступления, как криминалистической информационной системы.

Ключевые слова: габитоскопия, внешний облик лица, признаки внешности, преступление, криминалистическая информационная система.

V.V. Ovsyannikov

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vvovsyannikov22@mail.ru

THE EXTERNAL APPEARANCE OF A PERSON INVOLVED IN THE COMMISSION OF A CRIME AS A FORENSIC INFORMATION SYSTEM

The article deals with the historical aspects of the development of the doctrine of the external appearance of man. The features of the external appearance proposed by forensic scientists at various stages of the development of this teaching are analyzed. The terminology of the authors who stand at the origins of the formation and development of the considered doctrine is presented. Based on the current development of various fields of science and technology, due to the process of global digitalization, a number of trends in the further conceptualization of the main provisions of this doctrine are identified. In conclusion, the author, taking into account the study of the provisions on the external appearance of a person and information processes in criminology, proposes to consider the definition of the essence of the external appearance of a person involved in the commission of a crime, as a forensic information system.

Key words: habitoscopy, the appearance of the face, signs of appearance, crime, forensic information system.

Личностная информация, характеризующая человека, в т.ч. сведения об особых его приметах, еще в глубокой древности использовалась для розыска лиц, совершивших преступление. Так, Р. Гейндль в своей работе «Уголовная техника» описывал комплексное использование личностной информации при розыске известного преступника, содержащегося в одном из ранних документов на розыск беглого раба [10, с. 18]. Аналогично И.Н. Якимов отмечал использование еще в Древнем Египте метода описания особых примет, носившего название «Кулай-Пулай» и применявшегося для фиксации физических признаков внешности человека и их системного описания, еще в Древнем Египте [45, с. 34].

Положения, которые в настоящий момент включаются в содержание криминалистического учения о внешнем облике, нашли свое отражение в трудах таких ученых-криминалистов, как И.И. Ганн [9, с. 2-5], Г. Гросс [11], К.Г. Прохоров [25, с. 85-101], Г.Ю. Маннс [20, с. 139-164], И.Н. Якимов [44], Г. Шнейкерт, Н.П. Макаренко [19], В.М. Натансон [21], Н.Д. Вороновский [6] и др.

Так, Ганс Шнейкерт в работе «Учение о приметах для опознавания» [42] рассматривал признаки внешности, к которым он относил голос, речь, а также запах. Необходимо отметить, что в рамках положений о приметах человека для целей его опознавания, характеризующих начало изучения внешнего облика человека, рассмотрение вопросов, касающихся запаха, осуществлялось как часть более широкого вопроса о приметах субъекта преступления. Значительно позже результаты исследования запаховых признаков были востребованы как элемент зарождающегося учения о запаховых следах. Понятие «криминалистическая одорология» впервые было использовано Б.Р. Фуфьгиным [39], что предопределило дальнейшее развитие криминалистической одорологии как самостоятельной отрасли научного знания.

Однако нельзя не заметить, что в настоящий момент вопросы запаха как одного из признаков внешнего облика в криминалистической литературе не рассматриваются. Об этом свидетельствуют развернутые исследования, касающиеся проблем внешнего облика лица [4, 16, 24, 29, 31], что нельзя, впрочем, считать подтверждением неактуальности названной тематики.

Затрагивая исторические аспекты развития криминалистического учения о внешнем облике, отметим, что использование информации о внешнем облике в розыскных целях, ее формирование как научно-методических основ будущего учения начались лишь со второй половины XIX в. Анализ работ указанного периода позволяет подчеркнуть неопределимый вклад французского криминалиста Альфонса Бертільона в этом направлении [46]. Им была создана

регистрационная система признаков внешности, в которой каждый элемент внешности получил точное определение и обозначение.

Одной из первых отечественных работ, ставшей основой для последующих научных исследований признаков внешности, явилась диссертация Н.В. Терзиева «Судебная экспертиза по делам о спорном отцовстве», в которой автор рассмотрел возможность производства экспертизы, изложив некоторые положения будущего учения о внешнем облике человека, в т.ч. дав классификацию признаков внешности [36].

В последующем А.А. Гусев в своей диссертации «Установление личности по признакам внешности» достаточно полно на тот момент раскрыл научные и практические аспекты соответствующих положений нарождающейся частной теории. В указанной работе автором были разграничены вопросы использования признаков внешности человека при производстве судебной экспертизы, а также в деятельности по розыску преступника [13].

Следует отметить монографическое исследование В.А. Снеткова «Портретная идентификация личности» [30]. Основным содержанием этой работы выступили положения, представляющие комплекс выводов и рекомендаций, касающиеся отождествления лица по признакам его внешности. Во многом становлению учения о признаках внешнего облика лица, причастного к совершению преступления, способствовала его докторская диссертация «Теория и практика портретной идентификации личности» [31]. В подготовленной затем учебной работе «Габитоскопия» В.А. Снетков развил авторскую концепцию, предложив понятие «габитоскопия» и назвав тем самым объектную и предметную области учения, а также системные взаимосвязи между различными внешними признаками лица [29].

Рассматриваемое нами учение получило развитие в работе А.М. Зинина «Теоретические и практические проблемы криминалистического установления личности по признакам внешности» [16]. В исследовании отражены важные вопросы теории и практики использования признаков внешности лица, причастного к совершению преступления, для целей его установления. Кроме того, в нём рассмотрены проблемы использования названных признаков в контексте избощения лица в совершении преступления с позиции уголовно-процессуального доказывания. Тем самым А.М. Зининым была продолжена систематизация накопившихся криминалистических знаний в исследуемой области. Указанное исследование предопределило сохраняющиеся тенденции и перспективы дальнейшего развития учения о внешнем облике человека. Об этом, например, свидетельствует работа Г.И. Поврезнюка «Теория и практика криминалистического установления личности», в

которой достаточно подробно рассмотрены концептуальные положения комплексного анализа и использования признаков внешности лица в уголовном судопроизводстве [24].

Безусловно, определенный интерес представляет терминология авторов, стоящих у истоков становления и развития рассматриваемого учения. В разные годы эта отрасль знания имела различные названия:

- сигналетика у И.Н. Якимова [45];
- криминалистическое отождествление человека по признакам внешности в понимании З.Г. Самошиной [27];
- идентификация личности по чертам внешности, отождествление человека по признакам внешности в понимании Н.В. Терзиева [35, 36];
- криминалистическое отождествление человека по внешним признакам в понимании П.П. Цветкова [40];
- криминалистическое учение о внешних признаках человека, судебная габитология в понимании А.Ю. Пересункина [22];
- криминалистическое учение о внешнем облике человека (габитоскопия), как уже отмечено, в понимании В.А. Снеткова [29, 30, 31].

Анализируя предлагаемые названия данной отрасли криминалистического знания с позиций его содержания, заметим, что понятие «криминалистическое учение о внешнем облике человека», на наш взгляд, представляется наиболее точным, т.к., во-первых, положения, касающиеся признаков внешности, способов их обнаружения, фиксации и исследования, к настоящему моменту получили статус криминалистического учения, причем одного из наиболее динамически развивающихся; во-вторых, данная отрасль знания является частью науки криминалистики и вне практики расследования преступления не используется; в-третьих, рамки её представлены не только задачами исследования признаков внешности, но и задачами поиска взаимосвязей между отмеченными признаками и иными признаками лица.

Заканчивая краткое обращение к истории становления рассматриваемого учения на отдельных его этапах, следует отметить ряд научных работ, в которых исследуются возможности использования внешних признаков лица, прежде всего подозреваемого (обвиняемого), для его розыска. В ряду таких работ нужно назвать исследования В.Н. Чулахова «Криминалистическое учение о навыках и привычках человека» [41], В.Г. Булгакова «Основы криминалистического исследования динамических признаков человека» [4], Н.Н. Ильина «Криминалистическая идентификация человека по видеоизображениям» [17], О.А. Соколовой «Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям» [32].

Таким образом, рассматриваемое криминалистическое учение заняло надлежащее место в числе частных криминалистических теорий (учений). Содержащиеся в нем выводы и рекомендации служат своеобразной методологической основой для разработки тактических положений производства ряда следственных действий, иных процессуальных действий поисково-познавательного характера, а кроме того, следственных мероприятий, используемых в разыскной деятельности субъекта, осуществляющего предварительное расследование.

О востребованности положений рассматриваемого частного учения свидетельствует возрастание числа специальных работ, посвященных формированию либо совершенствованию методик расследования преступлений, в которых задействуются некоторые положения габитоскопии.

Следует подчеркнуть, что возможность удовлетворить возрастающую востребованность практики в разработках методов установления лица по признакам внешности в определенной мере предопределена появлением инновационных подходов установления личности с позиции смежных наук и отраслей знания, таких как этническая антропология, расоведение, генетика, информатика, биометрия, судебная медицина, психология восприятия, психология общения и др.

Потребность практики в использовании инновационных подходов установления лица, причастного к совершению преступления, по признакам его внешнего облика с позиции смежных с габитоскопией наук и отраслей знания в определенной степени связана с процессом глобальной цифровизации.

Так, Е.Р. Россинская, рассматривая проблемы инновационного развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации, отмечает, что глобальная цифровизация оказала существенное влияние на преступность, ее качественные изменения, трансграничный характер, усложнение способов преступлений за счет использования современных компьютерных технологий. Далее автор указывает, что «развитие криминалистики происходит за счет изучения новых закономерностей, новых механизмов слеодообразования, новых технологий собирания (выявления, фиксации, изъятия), исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации, новаций в области криминалистической тактики и методики» [26, с. 144-151].

А.Р. Сысенко, рассматривая понятие внешности человека в криминалистике, отмечает, что «...в современных условиях развития общества значительно обострилась и возросла потребность в разработке новых криминалистических методов и средств отождествления внешнего облика человека, отвечающих достижениям науки и техники, современным

технологиям и информационным системам» [34, с. 72-74].

Соглашаясь с мнением автора, отметим, что наряду с необходимостью разработки новых методов и средств, основанных на возможностях современных и перспективных достижений науки и техники, требуется внедрение уже разработанных методов и средств для их комплексного использования в деятельности правоохранительных органов.

Об актуальности указанной задачи свидетельствуют работы, в которых особо подчеркивается тезис о том, что успешность развития учения о внешнем облике человека и применения полученных результатов с целью исследования признаков внешнего облика возможна лишь на пути комплексного задействования названных выше методов и средств, заимствованных из различных областей знаний [23].

Востребованность в отмеченных методах с позиции дальнейшего совершенствования рассматриваемого учения в гносеологическом плане предопределена тем, что категориальный аппарат данного учения составляют такие понятия, как внешний облик, свойства и признаки внешнего облика, закономерности отображения внешнего облика, отождествление лица по признакам внешнего вида и др.

Учитывая природу внешнего облика человека, его понимание в криминалистической науке дается преимущественно с позиции характера восприятия свойств лица. Так, В.А. Снетков рассматривал внешний облик «как систему элементов (частей, деталей), которые можно вполне определенно выделить при визуальном изучении объекта» [29, 31]. Данную позицию разделял Р.С. Белкин, подчеркивающий, что «под внешним обликом человека понимается совокупность зрительно воспринимаемых внешних данных» [1, с. 15].

В отличие от указанных авторов В.А. Газизов и И.Н. Подволоцкий в одной из своих научных работ «Термины и определения в описании внешности человека» указывают, что «для криминалистических целей при воспроизведении наружных элементов тела человека следует использовать термин "внешность человека", а не "внешний облик человека"» [7, с. 29-33].

Соглашаясь в определенной мере с суждением о возможностях использования понятия «внешность человека» для целей производства криминалистической портретной идентификации, попробуем проанализировать соотношение понятий «внешность человека» и «внешний облик человека».

Согласно Большому толковому словарю русского языка: облик – м., 1) внешний вид, наружность; 2) внешние очертания, вид чего-либо [3, с. 671].

В словаре иностранных слов габитус – внешний облик человека, его телосложение, осанка; наружный вид животного, растения, кристалла [12, с. 97].

Вид – то, из чего складывается общее зрительное впечатление от человека или предмета, вид может быть различным в зависимости от обстоятельств, условий и т.п.; внешность и наружность характеризуют обычно постоянные признаки (черты лица, фигуру и т.п.), они употребляются преимущественно по отношению к человеку и реже по отношению к предметам; облик по значению близок к слову вид; обличье и в особенности видимость употребляются преимущественно в обиходно-разговорной речи. Вид, облик, внешность, наружность, обличье (прост.), видимость (прост.) относятся к одному синонимическому ряду и обозначают совокупность внешних признаков кого-, чего-либо [28, с. 134].

Таким образом, словосочетания «внешность человека» и «внешний облик человека» являются синонимами. Понятие «внешний облик человека» с точки зрения теории познания акцентирует внимание на объектно-субъектных связях, указывающих на то, что внешность человека предстает в виде отображения, в котором объект (человек) «облекается» в силу психологического механизма восприятия в определенные признаки с учетом условий восприятия его тем или иным субъектом, в то время как понятие «внешность человека» акцентирует внимание на объекте познания, а не на его процессе, сложном психологическом механизме и результате.

Предпосылкой для нашего обоснования предпочтительности оперировать понятием «внешний облик человека» в методологическом плане служат работы, в которых внешний облик человека определяется как наружный вид, воспринимаемый зрительно [18, с. 119-120].

По мнению В.А. Снеткова, «признаки внешности позволяют осуществлять криминалистическую идентификацию человека в целях установления его личности. Предпосылки (условия) возможности использования признаков внешности человека для его идентификации определяются свойствами его внешнего облика, его отображений и методами собирания, изучения, оценки и использования данных о внешнем облике человека» [29, с. 5].

Акцентирование внимания на центральном понятии рассматриваемого учения, а именно внешнем облике, находит отражение в одном наиболее точном, на наш взгляд, определении криминалистического учения о внешнем облике как «отрасли криминалистической техники, изучающей закономерности запечатления внешнего облика человека в различных отображениях и разрабатывающей технико-криминалистические методы и средства собирания, исследования и использования данных о внешнем облике человека в целях раскрытия и предупреждения преступлений» [15, с. 14].

Отмечая важность взглядов названных авторов на понимание внешнего облика человека, следует

констатировать, что использование положений рассматриваемого учения в целях расследования преступлений предполагает развернутое исследование внешнего облика как информационной криминалистической системы, в котором (определении) будут раскрыты сущностные начала данного объекта.

Отметим, что исследованию проблем информационных процессов в расследовании преступлений уделялось достаточное внимание как в теории уголовного процесса, так и в криминалистике. В числе исследований, посвященных изучению данных вопросов, следует назвать прежде всего такие работы, как «Криминалистика и доказывание» Р.С. Белкина и А.И. Винберга (1969), «Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений» М.Н. Хлынцова (1982), «Информационные процессы и структуры в криминалистике» В.Я. Колдина и Н.С. Полевого (1985), диссертационное исследование В.И. Галагана «Использование следователем информации на первоначальном этапе расследования» (1992), Н.В. Кручининой «Основы криминалистического учения о проверке достоверности уголовно-релевантной информации» (2003), А.В. Победкина «Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании» (2005), «Источники криминалистической информации» В.Я. Колдина (2007), «Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты» Н.А. Финогенова (2010). В то же время следует отметить, что указанные работы посвящены отдельным аспектам использования информации в деятельности по расследованию преступлений и не носят комплексного характера.

Разумеется, уголовно-процессуальное понимание информации как сведений (доказательств) в силу тесной связи наук уголовного процесса и криминалистика имеет немаловажное значение для формирования отдельных криминалистических положений, однако предметность криминалистика предполагает акцентирование внимания именно на криминалистическом аспекте информации. По этой причине рассмотрим взгляды отдельных авторов, касающиеся исследования криминалистической стороны информации. Так, А.Ф. Волынский и Е.Р. Россинская отмечают, что «под информацией в криминалистике понимаются фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способ его совершения, лиц, его совершивших, предметы преступного посягательства, орудия преступления и тому подобные обстоятельства. Такую информацию принято называть криминалистически значимой. Ее источниками при этом являются самые разнообразные (материальные и идеальные) следы преступлений, а соответственно, и все слеодообразующие объекты» [5,

с. 3]. Такое определение базируется на взгляде о том, что не может существовать особая, а именно криминалистическая информация.

Р.А. Усманов [37], В.И. Галаган придерживаются позиции о необходимости применения термина «криминалистическая информация». Так, В.И. Галаган под криминалистической информацией понимает «любого рода сведения, относящиеся к расследуемому событию, полученные процессуальным и непроцессуальным путем в процессе расследования преступления следователем или работником органа дознания в соответствии с рекомендациями, разработанными криминалистикой, которые могут быть доказательствами по делу или способствовать их получению» [8].

Согласно еще одной позиции авторы предлагают в ходе рассмотрения данного вопроса оперировать и тем и другим понятием, поскольку отмечают, что они являются своего рода синонимами, а имеющиеся в них познавательные характеристики не столь существенны.

Можно видеть обоснование предпочтительности понятия «криминалистическая информация» с позиции предметности криминалистика, где каждое её положение снабжается признаком «криминалистический» («криминалистическая», «криминалистическое»). Так, например, Д.А. Ефремов отмечает, что «криминалистика как наука возникла и существует с целью обеспечения своими данными деятельности по расследованию преступлений, соответственно, верным, на наш взгляд, является позиция, в рамках которой под криминалистической информацией следует понимать данные о технических, организационных, тактических, методических средствах и методах по обеспечению деятельности следователя при расследовании преступлений» [14, с. 141-144].

Поскольку термином «криминалистическая информация» охватывается весь объем данных в криминалистике, то криминалистически значимая информация может содержать ряд различных по своему содержанию информационных элементов: во-первых, она включает в себя часть сведений криминалистической науки (криминалистической информации), необходимых для расследования преступления в каждом конкретном практическом случае. Во-вторых, применительно к расследованию конкретного уголовного дела понимается как имеющиеся в распоряжении следователя сведения, в своем поисково-познавательном значении приобретающие качество следственной ситуации. Именно по этой причине является неточным определение криминалистической информации, данное Д.А. Ефремовым, который всё содержание рассматриваемого понятия сводит к вопросу о познавательных средствах, упуская из виду главное, а именно информацию как зна-

чимые для расследования сведения, вызывающие необходимость применения соответствующих криминалистических средств с целью получения новых сведений либо проверки имеющихся сведений.

В поисково-познавательном плане немаловажно различать источники достоверной информации и ориентирующей информации, в т.ч. в целях усовершенствования (разработки) средств, делающих возможным получать ту доказательственную информацию, которая до этого могла быть получена лишь в ориентирующем формате. С точки зрения А.Г. Филиппова, Ю.И. Степура, криминалистически значимую информацию «необходимо рассматривать как: 1) составляющую содержание доказательств – доказательственная информация; 2) полученную не в результате доказывания, а иными методами и средствами – ориентирующая информация» [38, с. 38-44].

Р.С. Белкин и А.И. Винберг, исследуя понятие информации, отметили, что «изменения, связанные с событием, есть доказательства, а мера связи доказательств с событием, к которому они относятся, находящаяся в прямой зависимости от количественного и качественного содержания этих изменений, есть доказательственная информация» [2, с. 173, 176].

Представляется возможным с учетом исследования положений о внешнем облике лица и информационных процессах в криминалистике дать определение сущности внешнего облика человека как криминалистической информационной системы, а именно сущность внешнего облика человека как криминалистической информационной системы состоит в том, что внешний облик лица априори представляет собой наиболее важный безотносительно условий его существования объект восприятия, в котором находят отражение самые различные признаки индивида

как предпосылки целенаправленного взаимодействия с другими индивидами, обеспечивающего поступательное развитие социума. В определенной мере наше понимание сущности внешнего облика лица как информационной системы основывается на имеющихся подходах к пониманию «информационной модели», присущей тому или иному организму, структура которой определяется типом организма и включает в качестве элементов характеристики состояния отражаемых объектов, варианты реагирования организма, взаимосвязи между характеристиками отражаемых объектов и вариантами реагирования на нее организмом как информационной моделью [33, с. 24].

Необходимость получения целостного облика лица с целью построения рациональных отношений с ним предопределила формирование психологических механизмов его восприятия, в котором заключено как объективное, так и субъективное знание. Последнее предопределено природной необходимостью «дорисовывать» с помощью имеющегося личного опыта те или иные черты (признаки) внешнего облика, которые не были восприняты в должной мере в той или иной ситуации взаимодействия. Особая криминалистическая информативность внешнего облика заставляет асоциальное лицо в предкриминальной и посткриминальной ситуациях принимать различные меры, затрудняющие распознавание его как индивидуального объекта.

Предлагаемое нами понимание внешнего облика человека как криминалистической информационной системы позволит уточнить важнейшие для целей криминалистической деятельности психологические механизмы, проявляющиеся, во-первых, при совершении преступления, во-вторых, в ходе избличения лица, совершившего преступление.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: Краткая энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. 111 с.
2. Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969. 216 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Булгаков В.Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 170 с.
5. Волынский А.Ф., Россинская Е.Р. Криминалистическая регистрация. М.: ВЮЗШ МВД России, 1992. 65 с.
6. Вороновский Н.Д. Уголовная техника. М.: Изд-во Нар. ком. внутр. дел РСФСР, 1931. 168 с.
7. Газизов В.А., Подволоцкий И.Н. Термины и определения в описании внешности человека // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 29-33.
8. Галаган В.И. Использование следователем информации на первоначальном этапе расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Киев: Украинская академия внутренних дел, 1992. 186 с.
9. Ганн И.И. Понятие, значение и задача новейшей уголовной дисциплины: «Криминалистика» // Судебная газета № 15 от 13.04.1903. М., 1903. 16 с.
10. Гейндль Р. Уголовная техника. Из мастерской уголовного розыска: пер. с нем. / под ред. П.И. Люблинского. М.: Право и Жизнь, 1925. 83 с.

11. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
12. Грубер Е. Словарь иностранных слов. М.: Локид-Пресс, 2005. 654 с.
13. Гусев А.А. Установление личности по признакам внешности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. 15 с.
14. Ефремов Д.А. Информация в деятельности по выявлению и расследованию преступлений // Актуальні проблеми кримінального права, процесу та криміналістики: матеріали II-ї міжнародної науково-практичної конференції, 8 жовтня 2010 р.: у 2 т.; т. 2. Одеса, 2010. С. 141-144.
15. Зинин А.М. Габитоскопия и портретная экспертиза: курс лекций. М.: Московская академия МВД России, 2002. 157 с.
16. Зинин А.М. Теоретические и практические проблемы криминалистического установления личности по признакам внешности: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. М., 1997. 69 с.
17. Ильин Н.Н. Криминалистическая идентификация человека по видеоизображениям: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 214 с.
18. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Высшее образование, 2007. 441 с.
19. Макаренко Н.П. Техника расследования преступлений: практическое руководство для судебных работников. Харьков, 1925. 156 с.
20. Маннс Г.Ю. Криминалистика как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. Отдел I: науки гуманитарные. Иркутск: Гориздат, 1921. Вып. 2. С. 139-164.
21. Натансон В.М. Основы техники расследования преступлений в конспективном изложении. Харьков: Вып. 1. Харьков: Б. и., 1925. 58 с.
22. Пересункин А.Ю. Установление личности по признакам внешности. Словесный портрет: лекция. М.: Изд-во МВШ МВД РСФСР, 1960. 50 с.
23. Пичугин С.А. Концепция комплексного криминалистического исследования признаков внешности человека: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 208 с.
24. Поврезнюк Г.И. Теория и практика криминалистического установления личности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 432 с.
25. Прохоров К.Г. Сличение фотографических карточек преступников // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 9. С. 85-101.
26. Россинская Е.Р. К вопросу об инновационном развитии криминалистической науки в эпоху цифровизации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 144-151.
27. Самошина З.Г. Криминалистическое отождествление человека по признакам внешности: лекция. М.: Изд-во МГУ, 1963. 39 с.
28. Словарь синонимов русского языка: в 2 т.; т. 1: А-Н / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель», 2003.
29. Снетков В.А. Габитоскопия: учебник / отв. ред. Р.С. Белкин. Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1979. 183 с.
30. Снетков В.А. Портретная идентификация личности. М., 1968. 98 с.
31. Снетков В.А. Теория и практика портретной идентификации личности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971.
32. Соколова О.А. Криминалистическая диагностика человека по его следам и отображениям: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 650 с.
33. Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы / под ред. В.А. Садовниченко и В.П. Шерстюка. М.: МЦНМО, 2002. 296 с.
34. Сысенко А.Р. Понятие внешности человека в криминалистике // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4 (29). С. 72-74.
35. Терзиев Н.В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности: учебное пособие. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1956. 131 с.
36. Терзиев Н.В. Судебная экспертиза по делам о спорном отцовстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВИЮИ, 1939.
37. Усманов Р.А. Теория и практика использования криминалистической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений: монография. Челябинск: Челябинский юридический ин-т МВД России, 2006. 231 с.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

38. Филиппов А.Г., Степура Ю.И. Собираение информации и доказывание в ходе работы следователя по уголовному делу // Вестник криминалистики. 2004. Вып. 1 (9). С. 38-44.
39. Фуфыгин Б.Р. Судебная одорология в следственной практике // Социалистическая законность. 1972. № 3.
40. Цветков П.П., Петров В.П. Идентификация личности по фотоснимку. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 36 с.
41. Чулахов В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 371 с.
42. Шнейкерт Г. Учение о приметах для опознавания: пер. с нем. М.: Гос. техн. изд-во, 1925. 148 с.
43. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЛексЭст, 2003. 373 с.
44. Якимов И.Н. Криминалистика: руководство по уголовной технике и тактике. М.: НКВД РСФСР, 1925. 430 с.
45. Якимов И.Н. Опознание преступника. М.: Изд-во Нар. ком. внутренних дел РСФСР, 1928. 56 с.
46. Bertillon A. Identification anthropometrique. Instructions signale tiques. Paris: Melun, Impr. administrative, 1893. 141 p.

УДК 343.13

В.В. Пушкарев, канд. юрид. наук, доцент

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя;

А.Ю. Терехов, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский юридический институт МВД России

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Криптовалюта является предметом либо средством совершения преступлений, но практика расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты, незначительна. Это связано с новизной сложных экономических отношений, пробельностью их правового регулирования, анонимностью совершаемых операций и сложностями их выявления в информационно-телекоммуникационном пространстве. Однако в связи с повышением интереса к криптовалюте она получает все большее распространение, совершенствуются способы совершения преступлений с ней. В статье охарактеризована существующая ситуация, связанная с расследованием преступлений с использованием криптовалюты, совершенных на территории Российской Федерации, что позволило типологизировать способы совершения таких деяний, сформировать научное представление об изучаемом явлении, проанализировать и классифицировать выявленные проблемы досудебного производства и уголовного преследования лиц, предложить пути их разрешения.

Ключевые слова: досудебное производство, следователь, криптовалюта, цифровые права, цифровая экономика, уголовное преследование.

V.V. Pushkarev, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A.Yu. Terekhov, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

CRYPTOCURRENCY CRIMES: CURRENT PROSECUTION ISSUES

Cryptocurrency is a subject or a means of committing crimes, but the practice of investigating criminal cases about crimes committed using cryptocurrency is insignificant. This is due to the novelty of complex economic relations, the gap in their legal regulation, the anonymity of the transactions performed and the difficulties in identifying them in the information and telecommunications space. However, due to the increasing interest in cryptocurrency, it is becoming more widespread, the ways of committing crimes with it are improving. The article describes the existing situation related to the investigation of crimes using cryptocurrency committed on the territory of the Russian Federation, which made it possible to typologize the methods of committing such acts, form a scientific understanding of the phenomenon under study, analyze and classify the identified problems of pre-trial proceedings and criminal prosecution of persons, suggest ways of their permissions.

Key words: pre-trial proceedings, investigator, cryptocurrency, digital rights, digital economy criminal prosecution.

В качестве основного направления работы правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием криптовалюты, остаются противодействие и предупреждение незаконного предпринимательства, незаконной банковской деятельности, налоговой преступности, незаконного оттока капитала, наркобизнеса, финансирования терроризма, легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, которые являются острыми и сохраняют свою актуальность как на территории Российской Федерации, так и в мире в целом, обеспечивая функционирование и дальнейшее развитие криминальной экономики и сопряженных с ней институтов (например, коррупции, незаконной миграции и многих других). В связи с этим актуальность и практическая значимость разработки современной методики расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых активов, не вызывает сомнения.

Включение цифровых прав и активов в обычный оборот несет серьезные риски, угрожая нормальному функционированию экономических систем государства, подрывая экономическую безопасность, и может способствовать развитию таких негативных явлений, как организованная преступность и коррупция, а также финансирование терроризма.

По официальным сообщениям североамериканских средств массовой информации, за 2017 г. в области цифровых экономических отношений было легализовано около 266 млн долл. США, в 2018 г. данная цифра составила уже около 1,5 млрд долл. США, полученных преступным путем [2].

Преступления, совершенные в сфере цифровой экономики, являются высоколатентными, отличаются организованным и экстерриториальным характером, сложностью постоянно совершенствующихся способов их совершения.

В таких условиях, несомненно, выявляются криминальные признаки трансформируемой экономики, всегда сопутствующие развитию любых видов общественных отношений, указывающих на глобальный вектор изменения преступности, прежде всего экономической, когда ее относительно новая разновидность – киберпреступность – может быть ассоциативно связана и интерпретирована не только в связи с проблемами информационной безопасности в различных сферах государственных, общественных и частных интересов, но и в контексте с угрозами должному функционированию основных элементов финансовой системы и жизнеобеспечения в целом.

Цифровая экономика, как и традиционная, не может существовать без всеобщего эквивалента стоимости, которым предлагается называть цифровые активы и права, распространенные в настоящее время под видом криптовалют, токенов и стэйблкоинов, ко-

торые будут рассмотрены в настоящем исследовании только с учетом их маргинальных признаков:

1. Преступления, связанные с майнингом (от англ. mining – букв. добыча, распределенный процесс проверки и подтверждения действительности операций, который генерирует цепочку блоков и создает новые биткойны) криптовалют, делятся на хищение электроэнергии или хищение оборудования для майнинга.

А. Уголовное дело возбуждается на основании заявления от собственника ресурсов (поставщик) и/или уполномоченных лиц сбытовой энергетической компании, которая на законном основании перераспределяет энергию между потребителями, о том, что зафиксирована потеря электроэнергии и размер причиненного вреда является крупным, т.е. превышает 250 000 рублей, по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 165 УК РФ.

Осмотр места происшествия в рамках проводимой проверки сообщения о преступлении позволяет обнаружить технику для майнинга, подключенную к электросети, и силовые кабели электропитания, ведущие к подстанции, подключенные без приборов учета. Размер причиненного вреда определяется специалистом при использовании показателей стоимости тарифа на электрические ресурсы, утвержденные уполномоченными органами на период, когда осуществлялось незаконное потребление, и нормативного показателя потребления при отсутствии приборов учета.

Б. Уголовное дело возбуждается на основании заявления от собственника похищенного оборудования для майнинга.

Следователь проверяет версию об имевшем место хищении электроэнергии, обращается в сбытовую организацию о расходе электроэнергии по адресу, где было совершено хищение.

В случае хищения нового, ранее не использованного оборудования для майнинга криптовалют следователь в целях выявления фактов использования похищенного оборудования, кроме проверки мест сбыта похищенного имущества, вправе требовать получение информации от сбытовых организаций о резком увеличении потребления электроэнергии на обслуживаемых ими территориях (один «АСИК» потребляет от 2,5 до 5 кВт/ч).

2. Преступления, связанные с обменом криптовалют и фиатных валют. Физический обмен криптовалютами является главным недостатком в экосистеме обращения криптовалют и порождает различные преступления, связанные с мошенничеством, вымогательством, грабежом или разбоем. Поводами к возбуждению данных уголовных дел могут выступать заявления потерпевших (как правило, физических лиц) о совершении в отношении них преступлений.

А. Неустановленные лица ввели потерпевшего в заблуждение и заверили, что помогут ему в продаже 103 биткоинов, для чего он передал им криптовалюту стоимостью 45,3 млн рублей в офисном помещении, откуда они с похищенным скрылись.

Б. В ходе разбойного нападения на потерпевшего обвиняемые осуществили перевод имеющихся у него в виде криптовалюты денежных средств на банковскую карту, с которой впоследствии обналичили денежные средства, распорядившись ими по своему усмотрению. По результатам расследования данное уголовное дело направлено в суд.

В. Четверо неустановленных лиц избили потерпевшего, а затем посадили в автомобиль и возили по городу, требуя перевести на другой кошелек 300 биткоинов, принадлежащих ему. После исполнения требуемого похитили его сумку, в которой находились личные вещи, документы, ноутбук, два телефона сотовой связи и 20 000 долларов США.

В подобных ситуациях расследования преступлений, связанных с обращением криптовалюты, следователь должен акцентировать внимание на получении данных о кошельках, между которыми осуществлялся перевод, способах транзакции и фиксации следов совершенных операций на технических средствах, которые для этого использовались. Данные фиксируются в протоколе объяснения заявителя. К осмотру технических средств привлекается специалист.

Г. Павловский И.В., Моторин Д.С., Саматов М.А., Смирнова М.А. открыто похитили у Ерофеева Д.В. криптовалюту bitcoin в размере 2,8 единицы, причинив ущерб на общую сумму 1 715 059 рублей 36 копеек, следующим способом. Смирнова А.А., действуя согласно отведенной ей преступной роли, под вымышленным именем «Алена» в мессенджере Telegram отправила Ерофееву Д.В. сообщение о желании приобрести у него криптовалюту на крупную сумму денег. Поверив Смирновой М.А., потерпевший Ерофеев Д.В. согласился продать криптовалюту и договорился с ней о встрече, где Моторин Д.С. выхватил из рук потерпевшего Ерофеева Д.В. мобильный телефон марки iPhone 7 с установленной в нем программой Blockchain с целью хищения криптовалюты bitcoin и, ограничив возможность в вызове помощи, потребовал от Ерофеева Д.В. при помощи принадлежащего последнему мобильного телефона марки iPhone 7 с установленной в нем программой Blockchain осуществить перевод криптовалюты bitcoin с используемого Ерофеевым Д.В. специального электронного кошелька на подконтрольный им специальный электронный кошелек. Ерофеев Д.В. разблокировал свой мобильный телефон, находившийся в руках Моторина Д.С., и осуществил вход в личный кабинет в системе Blockchain. Моторин Д.С., имея доступ к специальному электронному кошель-

ку № 1Evf5d8i5D53aBnh2xKVkwt2o7f4LJRQkb, используемому Ерофеевым Д.В. на онлайн-площадке Blockchain.info, осуществил перевод с указанного электронного кошелька криптовалюты bitcoin, принадлежащей Ерофееву Д.В., на заранее созданный специальный электронный кошелек на онлайн-площадке Blockchain.info, подконтрольный участникам вышеуказанной преступной группы, в количестве 2,8 единицы, получив реальную возможность распорядиться ими по своему усмотрению.

Собранные на первоначальном этапе расследования данного преступления специфические доказательства (помимо прочих):

- диск с записью с камер видеонаблюдения;
- переписка в приложении Telegram;
- переписка с сайта;
- скрин с личного кабинета на бирже;
- скрин страницы интернет-ресурса Blockchain;
- скрин движения биткоинов с личного кабинета потерпевшего;
- копии выдержек с интернет-ресурса Blockchain с личных кабинетов подозреваемого и потерпевшего;
- скрин поступления биткоинов на счет в личном кабинете подозреваемого;
- выписка по банковской карте «Сбербанк», оказались достаточными для предъявления обвинения данным лицам в совершении инкриминируемого деяния, окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения и постановления судом обвинительного приговора.

3. Кража криптовалюты. Уголовное дело возбуждается по факту заявления потерпевшего. В ходе объяснения пострадавшего должны быть получены исчерпывающие данные, а по факту происхождения средств, обстоятельств произошедшего и состоявшейся транзакции осуществлены соответствующие скрины.

А. Неустановленное лицо, находясь в квартире № 5 дома № 7 по ул. Айвазовского в Ленинском районе г. Севастополя, путем свободного доступа тайно похитило электронное имущество, а именно биткоины в количестве 8 единиц, что эквивалентно 35 000 рублей, причинив Калюнас В.Э. значительный материальный ущерб на указанную сумму.

Б. Неустановленное лицо путем несанкционированного входа в электронный почтовый ящик atoris-h@mail.ru, зарегистрированный на коммуникационном портале mail.ru на имя Шарифова Б.Р.о., и в личный кабинет сайта Bittrex.com с онлайн-хранилища торговой площадки Bittrex.com тайно похитило электронные платежные средства – криптовалюту, принадлежащую Шарифову Б.Р.о., – на сумму не менее 400 000 рублей.

Специалист, который мог установить транзакцию средств и биткоин-кошелек получателя, по данным

уголовным делам не привлекался и не допрашивался. Соответственно, было невозможно установить время совершения транзакции, получателя оплаты. Совокупность этого и ряда иных факторов привела к приостановлению предварительного следствия по уголовному делу на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

4. Мошенничество под предлогом и/или с использованием криптовалют.

А. Овчинникова Е.А. 12 марта 2017 г. в период с 12 часов до 18 часов, находясь в офисе № 15 по адресу: Алтайский край, г. Бийск, ул. Ленинградская, д. 93, согласно ранее разработанному плану провела встречу с жителями г. Бийска, партнерами компании «OneCoin». На данной встрече Овчинникова Е.А. с целью введения присутствующих граждан в заблуждение, создавая видимость правомерности своих действий, сообщила заведомо ложные сведения о том, что она желает открыть общий «пул» (личный кабинет) на сайте www.onelife.eu компании «OneCoin» на сумму 3 100 000 рублей для последующего приобретения криптовалюты по выгодной цене. В ходе данной встречи Овчинникова Е.А. сообщила присутствующим о том, что для реализации данного бизнес-плана необходимо передать ей по 31 000 рублей (по одной сотой стоимости всего пула) для приобретения криптовалюты OneCoin. При этом Овчинникова Е.А. пояснила, что принесенные с собой на встречу денежные средства необходимо передать ей лично. Тем, у кого не было при себе денежных средств, необходимо перечислить их на счет банковской карты ее сына Овчинникова А.Г.

В данном случае поводом для возбуждения дела стала явка с повинной. Для окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения в конечном счете было достаточно выемки и осмотра банковской карты (каждой), выемки и осмотра чека ПАО «Сбербанк России» (каждого на определенную дату по факту перевода денежных средств), запрошенной информации ПАО «Сбербанк России» по банковской карте, выемки и осмотра скриншота переписки со страниц сайта www.onelife.eu между подозреваемой и потерпевшим (каждым).

Б. Неустановленное лицо, позвонив на абонентский номер Иванова Г.Н., находящегося по месту проживания в г. Кстово Нижегородской области, предложило последнему поучаствовать в торговле криптовалютой. Похищенные денежные средства перечислены Ивановым Г.Н. на счет BITX CHENGE.

4. Использование криптовалюты в качестве средства совершения преступления.

А. В Костромской области было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 172 УК РФ. Задержанные обналичили около 500 млн рублей путем обмена и перевода криптовалюты. Чтобы обменивать и пере-

водить криптовалюту, обвиняемые оформили на своих родственников более 300 банковских и сим-карт.

Б. Неустановленное лицо, являясь организатором организованной преступной группы, путем заражения устройств под управлением операционной системы Android вредоносным программным обеспечением и перехвата личной информации о банковских картах пользователей получало учетные данные банковских карт, которые предоставляло и аккумулировало на интернет-ресурсах, доступ к которым имели только вовлеченные члены преступной группы, в т.ч. Джумаев М.В. В дальнейшем исполнители преступления, а именно Джумаев М.В. и неустановленные лица, действуя согласно отведенным ролям, получив и использовав учетные данные персональных банковских карт, без ведома их владельцев, используя персональные электронные устройства, осуществляли переводы денежных средств потерпевших иным лицам, включенным в состав преступной группы, задача которых заключалась в совершении финансовых операций по обналичиванию похищенных денежных средств в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими. В дальнейшем путем перевода обналиченных денежных средств в криптовалюту (bitcoin) на специальных теневых ресурсах в сети Интернет похищенные денежные средства переводились Джумаеву М.В. на подконтрольные ему bitcoin-кошельки.

5. Мошенничества с использованием криптовалюты в информационно-телекоммуникационном пространстве.

А. Мошенничество при размещении средств в стартапы и на платформах обмена валют.

Б. Мошенничество на платформах обмена валют. Так, Шабалин Д.В. и Орлов М.М., находясь в арендованной квартире г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Тюменской области, имеющей подключение к сети Интернет, с целью хищения имущества граждан, а именно ВТС-е кодов через сеть Интернет приобрели у неустановленного следствием лица таблицу `vb_user`, содержащую логины доступа и пароли учетных записей пользователей в зашифрованном виде, а затем осуществляли их расшифровку.

Далее они, используя неустановленные средства сокрытия IP-адреса, осуществили неправомерный доступ к учетным записям пользователей `wmalliance`, `Djin37` и другим неустановленным учетным записям пользователей сайта «N», после чего, используя логин и расшифрованный пароль, изменили информацию о пользователе `wmalliance` и от его имени создали тему «Вывод ВТС-е/Биткоинов. +7%» и положительные комментарии к ней от имени пользователя `Djin37` и других неустановленных пользователей сайта «N», тем самым осуществили модификацию информации.

Далее они с целью получения незаконной денежной прибыли путем обмана, имея умысел на хищение BTC-е кодов у ранее не знакомого пользователя сайта «N» с учетной записью ser198 (далее – ФИО), ввели последнего в заблуждение, пообещав ему обменять BTC-е код на российские рубли, чего заведомо не намеревались делать. В результате этого ФИО, будучи введенным в заблуждение относительно преступных намерений Шабалина Д.В. и Орлова М.М., используя свою учетную запись ser198 на сайте с целью обмена принадлежащего ему BTC-е кода на 10 000 долларов США на российские рубли, в личном сообщении передал пользователю wmalliance, доступ к которому имели Шабалин Д.В. и Орлов М.М., BTC-е код на 10 000 долларов США, рыночная стоимость которого, согласно заключению эксперта, составляла 821 100 рублей 00 копеек. Затем Шабалин Д.В. и Орлов М.М. зачислили полученный BTC-е код на 10 000 долларов США, принадлежащий ФИО, на счет своей учетной записи, тем самым похитили его и в дальнейшем распорядились им по своему усмотрению, чем причинили ФИО материальный ущерб в крупном размере на сумму 821 100 рублей 00 копеек.

В. Поддельные веб-сайты. Например, при отображении веб-сайта в адресной строке браузера нет значка с замочком и не отображается «https» в адресе сайта. Кроме того, при автоматическом перенаправлении пользователь не перепроверяет URL-адреса и не набирает их вручную.

Г. Поддельные мобильные приложения для работы с криптовалютами, размещаемые в Google Play и Apple App Store. Хотя такие приложения обычно быстро распознаются и удаляются разработчиками площадок, они могут быть скачаны пользователями.

Д. Скам e-письма для перехода по ссылке или для размещения информации о первичном размещении криптовалюты.

6. Самая большая категория киберпреступлений с криптовалютами связана с хакерскими атаками на обменники криптовалют с помощью создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ и в дальнейшем непосредственно с кражей криптовалют или фишингом.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие обоснованные выводы:

1. Ссылка на анонимность криптовалют неверна. Действительно, по адресу криптовалюты сложно определить и идентифицировать пользователя. Однако все транзакции адреса легко отслеживаются, в т.ч. до первой транзакции, таким образом, они все связаны и хранятся вечно, в чем и состоит особенность блокчейна. Кроме того, Управление по контролю за иностранными активами (OFAC) США впервые привязало адреса к личности отдельных лиц, указав стандартные данные о месте проживания и номера

их паспортов [1]. Также Росфинмониторинг провел тестирование проекта «Прозрачный блокчейн» для отслеживания транзакций в блокчейне биткойна, связанных с наркоторговлей. Прототип был разработан совместно с Физическим институтом имени Лебедева.

2. Эффективность уголовного преследования не возможна без правильной квалификации преступлений, на которую оказывает существенное влияние вопрос о правовом регулировании цифровых прав и их рынка.

Решение вопроса борьбы с киберпреступностью может лежать в плоскости внесения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 термина «цифровые права» как общего термина, включающего менее удачные и во многом противоречивые, однако часто используемые термины «виртуальные деньги» и «виртуальные активы», а также термины «криптовалюты», «токены», «стэйблкоины» – *то, что используется или может использоваться в киберпространстве как средство обмена и имеет конкретную рыночную стоимость на момент совершения любой сделки.*

Данное определение имеет ряд преимуществ по сравнению с определением, разработанным ФБР США для «виртуальных валют» [3]. Во-первых, термин «цифровые права» более точный и охватывает более широкую категорию виртуальных прав, активов, валюты, ценных бумаг и их производных, оружие и доспехи в компьютерных играх и пр. Таким образом, предлагаемый термин учитывает все возможное многообразие *того, что используется или может использоваться в киберпространстве как средство обмена и имеет конкретную рыночную стоимость на момент совершения любой сделки*, соответственно, может быть предметом легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Во-вторых, предполагаются две формы действий: активная и пассивная. В-третьих, учитывается возможность использования в киберпространстве, а не только в сети Интернет, при этом она (эта возможность) не является основным признаком, поскольку обмен может происходить и в режиме офлайн, когда подозреваемому или обвиняемому передается внешний носитель с содержащимися на нем цифровыми правами, например любой криптовалютой. В-пятых, снимается вопрос об определении стоимости цифровых прав, что особенно актуально в условиях их высокой волатильности. В-шестых, в ФБР США допустили серьезную ошибку, не прогнозируя развитие ситуации с включением государств в развитие цифровой экономики и одобрением, как следствие, тех или иных криптовалют, созданием собственных, поэтому признак «но не поддерживается правительством» должен быть ис-

ключен. Хотя при конструировании соответствующих составов преступлений в уголовных кодексах он может быть учтен в качестве квалифицирующего. Последнее – подобного рода определение крайне востребовано судебной практикой и не вступает в противоречие с разработкой и нормативным закреплением цивилистического подхода к

названным вопросам, которое может длиться сколько угодно долго.

3. Требуется внимание к изменению действующего уголовно-процессуального законодательства, направленного на цифровизацию самих процедур уголовного судопроизводства, имеющему цель гармонизации отношений, складывающихся в данной сфере.

Литература

1. Россиян привязали к кошелькам. Американские санкции пошли по криптоследу // Газета Коммерсантъ № 166 (6887) от 14.09.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4491576> (дата обращения: 14.01.2021).

2. Crypto money laundering up threefold in 2018: Report // The American Banker. URL: <https://www.americanbanker.com/news/crypto-money-laundering-rose-3x-in-first-half-2018-report> (дата обращения: 01.01.2021).

3. Federal Bureau of Investigations: Bitcoin Virtual Currency: Intelligence Unique Features Present Distinct Challenges for Deterring Illicit Activity. 24 April 2012. Intelligence Assessment: Unclassified//for official use only/ P. 20.

УДК 343.163

А.В. Спири́н, канд. юрид. наук, доцент

Уральский юридический институт МВД России

E-mail: a_v_spirin@bk.ru

ОБ ОСОБЫХ ВИДАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена рассмотрению понятия «особые виды деятельности прокурора». Автор полагает, что многообразие уголовно-процессуальной деятельности прокурора не исчерпывается осуществлением уголовного преследования и надзора. Опираясь на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, публикации ученых, автор приходит к выводу, что особым видом деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве нужно считать тот, который нельзя всецело отнести ни к обвинительной деятельности (деятельности по осуществлению уголовного преследования), ни к надзорной деятельности. Автор выделяет и называет в статье несколько таких особых видов деятельности. По мнению автора, глубокое изучение понятия особых видов деятельности позволяет выделить среди полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве те, которые в настоящее время остаются на периферии научного внимания и осмысления, а также дадут возможность более глубокого и всестороннего построения концепции уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

Ключевые слова: прокурор, досудебное производство, процессуальные решения, особые виды деятельности прокурора, публичный интерес, уголовное судопроизводство, правовые средства, уголовно-процессуальная деятельность.

A. V. Spirin, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: a_v_spirin@bk.ru

SPECIAL ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the concept of «special activities of the prosecutor». The author considers that the diversity of the prosecutor's criminal procedure is not exhausted by the prosecution and supervision. On the basis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the publication of scientists, the author concludes that the special activity of the prosecutor in criminal proceedings should be considered one that cannot be fully attributed either to indictment activities (criminal prosecution activities) or to supervisory activities. The author identifies and refers to several such special activities in the article. According to the author, an in-depth study of the concept of special activities makes it possible to identify among the powers of the prosecutor in criminal proceedings those that currently remain on the periphery of scientific attention and reflection, as well as to allow for a deeper and more comprehensive construction of the concept of criminal procedure activities of the prosecutor.

Key words: prosecutor, pre-trial proceedings, procedural decisions, special activities of the prosecutor, public interest, criminal trial, legal means, criminal procedure activity.

В части 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК) указано, что прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной УПК, осуществлять от имени государства *уголовное преследование* в ходе уголовного судопроизводства, а также *надзор* за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В соответствии с ч. 3 ст. 37 УПК в ходе судебного производства по уголовному делу прокурор поддерживает *государственное обвинение*, обеспечивая его законность и обоснованность. Деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения в суде можно расценивать как проявление (развитие) функции уголовного преследования в специфических условиях судебного разбирательства.

Функциональный дуализм уголовно-процессуальной деятельности прокурора (при этом лишь одна из названных функций – уголовное преследование – является уголовно-процессуальной, вторая – надзор – государственно-правовая, т.е. функция «иногo порядка») порождает научную дискуссию о том, какая из названных функций является главенствующей [2, 6, 9, 15].

Согласно общепринятому в настоящее время в науке подходу, надзор как функция прокуратуры в судебных стадиях отсутствует. Неубедительно, на наш взгляд, утверждение А.О. Машовец, что «прокурор в судебном следствии является не только стороной обвинения, выполняющей функцию обвинения, но и органом надзора за законностью» [10]. Обосновать осуществление прокурором надзора в судебном следствии сложно, т.к. неясно, какие органы и должностные лица «поднадзорны» прокурору на данном этапе производства по уголовному делу, а также как осуществление прокурором надзора в судебном следствии сочетается с руководящей ролью суда и т.п. Неслучайно законодатель употребляет в УПК термин «надзор прокурора» только применительно к досудебным стадиям и лишь в отношении процессуальной деятельности органов, осуществляющих проверку сообщений о преступлениях и предварительное расследование уголовных дел. С другой стороны, деятельность прокурора в судебном разбирательстве невозможно свести только к уголовному преследованию (поддержанию государственного обвинения). Эта деятельность осуществляется и в иных направлениях, на что обращают внимание ученые. Нельзя не согласиться с тем, что на прокурора возложена обязанность реагировать на любой факт нарушения законности в судебном заседании, обращаясь к суду с заявлением об устранении нарушения. В этом отличие процессуального положения прокурора от статуса других участников судебного разбирательства. Верно и то, что деятельность прокурора в

судебном разбирательстве имеет многофункциональный характер и ее нельзя свести к односторонней обвинительной деятельности. Поддержание государственного обвинения – основное, но не единственное направление деятельности прокурора. Ученые называют ряд других важных направлений деятельности прокурора в судебном разбирательстве: правозащитное, профилактическое и правоспитательное» [8, с. 229-231]. Что касается последнего замечания, то следует обратить внимание, что в силу требований ч. 2 ст. 158 УПК обязанность инициировать принятие мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, лежит в досудебном производстве прежде всего на следователе (дознавателе). Вместе с тем, если в ходе судебного разбирательства будут выявлены такие обстоятельства, а равно нарушения прав и свобод граждан и иные нарушения закона, допущенные в досудебных стадиях, суд вправе вынести частное определение (постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на допущенные нарушения (ч. 4 ст. 29 УПК). Безусловно, прокурор обязан активно участвовать в выявлении подобных обстоятельств и просить суд о вынесении частного определения (постановления). Ситуации, когда ошибки и нарушения, допущенные в досудебном производстве, становятся явными именно в ходе судебного разбирательства, далеко не редки. Поэтому в ходе судебного разбирательства прокуроры обязаны обращать внимание на обстоятельства, которые способствовали совершению преступления, и в необходимых случаях предлагать суду вынести частное определение (постановление). Соответствующие положения закреплены в нормативных правовых актах Генерального прокурора РФ. Он требует от подчиненных прокуроров на системной основе анализировать выявленные в судебных стадиях уголовного судопроизводства недостатки в деятельности органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, информировать о выводах и предложениях руководителей этих органов [13].

Отмеченная многофункциональность в деятельности прокурора, проявление которой мы рассмотрели пока только на одном примере, требует научного осмысления и для этого целесообразно обратиться к общенаучному толкованию категории «функция».

Взгляд на данную философскую категорию как на дополнительное понятие, которое дает возможность раскрыть *особенности работы* субъекта с имеющимися у него средствами, позволяет вести речь о функции как роли, назначении субъекта, увидеть, как соответствующий механизм приходит в движение. По мнению ученых, если задачи отвечают на вопрос «Что делать?», то функции – «Как это достигается?».

Функция как одна из основополагающих характеристик деятельности представляет собой обособленную часть работы (направление), которую производит субъект для решения стоящих перед ним задач [5].

Вернемся к прокурору и осуществляемой им в уголовном судопроизводстве деятельности. Представляется, что нужно признать: такая деятельность сложна и многопланова, она в каком-то смысле более сложна и разнообразна, чем деятельность следователя и (даже) суда. Следует вести речь не только о неразделимом единстве прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве, обусловленном едиными задачами, но и о многофункциональном, многоплановом характере такой деятельности, ее полифункциональной направленности [17].

Исходя из изложенного, напрашивается вывод о необходимости обратить пристальное внимание на отдельные направления (виды) деятельности прокурора, «не вписывающиеся» в привычную (и закрепленную в УПК) систему функций прокуратуры (уголовное преследование и надзор). В этом отношении интерес представляют некоторые положения одного из сравнительно недавних решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ).

В постановлении от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» КС РФ приходит к выводу, что прокурор в рамках предусмотренной законом (главой 18 УПК) процедуры реабилитации не осуществляет уголовное преследование. Деятельность прокурора носит особый характер, КС РФ прямо пишет об *особом виде деятельности*, связанном с реализацией последствий оправдания подсудимого либо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, представлением суду материалов, касающихся имевшего место ранее уголовного преследования. При этом прокурор не ставится законом в положение стороны, противостоящей реабилитированному (процессуального оппонента или противника реабилитированного), при рассмотрении судом его требования [14]. Но если прокурор не противопоставлен стороне защиты, то он находится вне рамок «своей» уголовно-процессуальной функции – обвинения (по крайней мере в данной процессуальной ситуации, в данных правоотношениях).

Обратимся к закону и его толкованию Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ). В силу п. 1 ст. 397 УПК вопросы о возмещении вреда реабилитированному, восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав в соответствии с ч. 5 ст. 135 и ч. 1 ст. 138 УПК разрешаются судом в

порядке производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Положения ч. 6 ст. 399 УПК предусматривают право прокурора участвовать в данных судебных заседаниях. ВС РФ обязывает суды извещать о месте и времени судебного заседания по решению данных вопросов не только реабилитированного, его представителя и законного представителя (при их наличии), но и ряд иных лиц, в т.ч. прокурора [12].

Приведенная выше правовая позиция КС РФ получила развитие в научной литературе. В публикациях [4] отмечается, что четко процессуальное положение прокурора в данной ситуации определить сложно. Ссылаясь на конкретные примеры судебных решений, ученые пишут, что прокурор определяется судами как лицо, *дающее заключение* по делу.

Таким образом, *особым видом деятельности прокурора* в уголовном судопроизводстве нужно считать тот, который нельзя всецело отнести ни к обвинительной деятельности (деятельности по осуществлению уголовного преследования), ни к надзорной деятельности. С полным правом можно утверждать, что участие прокурора в решении вопросов, связанных с реабилитацией, – это не единственный вид его особой деятельности в уголовном судопроизводстве.

К иным видам *особой деятельности прокурора* в уголовном судопроизводстве следует, например, отнести:

- участие прокурора в рассмотрении иных вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 6 ст. 399 УПК);

- предъявление и поддержание прокурором *гражданского иска* в защиту интересов несовершеннолетних, лиц, признанных недееспособными либо ограниченно дееспособными в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы, а также в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий (ч. 3 ст. 44, ч. 6 ст. 246 УПК) [11];

- принесение прокурором от имени государства официальных извинений реабилитированному лицу за причиненный ему вред и иные действия по возмещению морального вреда (ст. 136 УПК);

- участие прокурора в рассмотрении дела частного обвинения в случае, когда мировой судья после принятия заявления к производству, установив, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, признает такое участие обязательным (ч. 8 ст. 318 УПК).

Н.В. Буланова использует несколько иную терминологию и выделяет *особые виды участия прокуро-*

ра в рассмотрении уголовных дел судами. Особыми данные виды участия являются потому, что деятельность прокурора при их осуществлении не определяется функцией уголовного преследования. К названным особым видам участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами Н.В. Буланова относит:

- участие в рассмотрении уголовных дел частного обвинения (глава 41 УПК);

- участие в производстве по применению принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (ст. 427 УПК);

- участие при производстве по применению принудительных мер медицинского характера (глава 51 УПК) [3, с. 41].

Следуя логике Н.В. Булановой, в настоящее время к особым видам участия прокурора в рассмотрении дел судами нужно отнести участие прокурора в производстве о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (глава 51¹ УПК).

В чем «особость» названных нами видов деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве? Почему, например, деятельность прокурора при рассмотрении дела частного обвинения, когда мировой судья признает участие прокурора обязательным, нельзя по ее правовой природе отнести к поддержанию государственного обвинения? Это происходит прежде всего потому, что государственное обвинение в данном случае отсутствует. Авторы «Настольной книги прокурора» придерживаются именно такой точки зрения, утверждая, что прокурор лишь участвует в исследовании доказательств, выражает свое мнение по поставленным вопросам и содействует суду в принятии законного решения [1]. Аналогичной логикой руководствуется Н.В. Буланова, которая полагает, что прокурор (именно прокурор, а не государственный обвинитель!), участвуя в рассмотрении уголовных дел, в данной ситуации не является государственным обвинителем, поскольку предварительное расследование по делу не проводилось и обвинение лицу в установленном законом порядке не предъявлялось. Прокурор способствует суду в принятии законного, обоснованного и справедливого решения [3, с. 13, 39]. П.М. Титов обращает внимание на то, что привлечение к участию в деле прокурора в рассматриваемой ситуации привносит в осуществляющееся в частном порядке производство по делу *элементы публичности* [16]. Данное замечание является верным.

Нельзя не подчеркнуть огромное значение рассматриваемых видов деятельности прокурора. На-

пример, предъявление прокурорами гражданских исков в рамках производства по уголовным делам, последующее совместное рассмотрение судом уголовных дел и гражданских исков способствуют наиболее полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела, устраняют дублирование в работе судов, отвечают законным интересам участников соответствующих правоотношений, а также направлены на защиту публичного интереса в его широком смысле [11].

Без сомнения, вышеперечисленные особые виды деятельности прокурора тесно связаны с его деятельностью по уголовному преследованию и (или) надзору, но не сливаются с ней, если не трактовать надзор и уголовное преследование предельно расширительно, включая, например, в поддержание государственного обвинения все действия и решения прокурора в судебном производстве. Стоит отметить, что все данные рассуждения основаны на действующем законодательстве, которое, как известно, называет три уголовно-процессуальные функции: обвинение, защиту и разрешение уголовного дела¹. В научной литературе подходы к системе уголовно-процессуальных функций значительно более разнообразны. Например, З.З. Зинатуллин и С.Ю. Туров видят в реабилитации подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных и лиц, к которым были применены принудительные меры медицинского характера, одну из *частных функций*, входящих в рамки уголовно-процессуальной функции охраны прав и законных интересов участников уголовного процесса. В концепции данных авторов деятельность по возмещению причиненного преступлением вреда носит *межфункциональный* характер [7].

В заключение сформулируем свое видение тех возможностей, которые дает выделение «отдельных видов деятельности» прокурора в теории уголовного процесса. Представляется, что это, во-первых, позволяет выделить в «общей массе» правомочий прокурора в уголовном судопроизводстве те, которые в настоящее время остаются на периферии научного внимания и осмысления. Возможно, это происходит как раз потому, что соответствующие правомочия не обладают яркими признаками, свойственными уголовному преследованию и надзору. С другой стороны, отмеченная тесная связь каждого из «иных видов деятельности» с уголовным преследованием и надзором также должна быть проанализирована, что даст возможность более глубокого и всестороннего построения концепции уголовно-процессуальной деятельности прокурора.

¹ В статье 37 УПК надзор не называется функцией.

Литература

1. Аберхаев А.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В. и др. Настольная книга прокурора: в 2 ч. / под общ. ред. д.ю.н., проф., проф. РАН О.С. Капинус, С.Г. Кехлерова; научн. ред. д.ю.н., проф. А.Ю. Винокуров. 5-е изд., перераб. и доп.. М.: Изд-во «Юрайт», 2019. Ч. 2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Бажанов С.В. Прокурор как участник досудебных стадий уголовного судопроизводства: монография. М., 2017.
3. Буланова Н.В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: монография. М., 2016.
4. Головки И.И., Дытченко Г.В. Проблемы реализации права на реабилитацию // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 4. С. 171-180.
5. Давлетов А.А., Азаренок Н.В., Асанов Р.Ш. Проблема функций следователя в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 56-68.
6. Дикарев И.С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. 2016. № 5. С. 27-30.
7. Зинатуллин З.З., Туров С.Ю. Эволюция учения об уголовно-процессуальных функциях // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2012. Вып. 1. С. 91-97.
8. Кашаев К.А. Прокурор – гарант соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве России. М.: Издательский Дом «Городец», 2008.
9. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: учебное пособие. М., 2011.
10. Машовец А.О. Изменение обвинения, полный или частичный отказ от него государственным обвинителем в ходе судебного разбирательства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 93-96.
11. Мирошниченко М.Н., Спиринов А.В. Публичный интерес как основа процессуального статуса прокурора в уголовном судопроизводстве // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 3 (71). С. 24-31.
12. О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 16.01.2012 № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко: постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 48. Ст. 7299.
15. Победкин А.В. Модель взаимоотношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя (с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2. С. 117-122.
16. Титов П.М. Некоторые проблемы уголовного судопроизводства по делам частного обвинения // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 69-77.
17. Ястребов В.Б., Ястребов В.В. Системный принцип в судопроизводстве: сущность и роль прокурора в его реализации // Законодательство. 2018. № 11. С. 45-53.

УДК 343.13

С.А. Степанов, канд. юрид. наук

Новосибирский государственный университет экономики и управления

E-mail: stepanovsa041178@yandex.ru

ЦИФРОВОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО: ДАНЬ МОДЕ ИЛИ СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются некоторые аспекты внедрения в уголовное судопроизводство Российской Федерации электронного документооборота при расследовании преступлений на основе использования технологии блокчейна.

Приводится анализ зарубежного опыта использования в уголовном судопроизводстве электронного формата расследования и оформления его результатов.

Обосновываются преимущества от внедрения в уголовное судопроизводство электронного уголовного дела. Также предложена концепция работы программного обеспечения электронного уголовного дела и его использования субъектом расследования.

Ключевые слова: следственные органы, судопроизводство, криминалистические исследования, цифровые средства, цифровая оболочка, цифровое уголовное дело, технология блокчейн, субъект расследования.

S.A. Stepanov, Candidate of Juridical Sciences

Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: stepanovsa041178@yandex.ru

ELECTRONIC CRIMINAL CASE: A FASHION STATEMENT OR CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses some aspects of the introduction of electronic document management in criminal proceedings of the Russian Federation in the investigation of crimes, based on the use of blockchain technology.

The article provides an analysis of foreign experience in using the electronic format of investigation and registration of its results in criminal proceedings.

The advantages of introducing an «electronic criminal case» in criminal proceedings are substantiated. The concept of operation of the «electronic criminal case» software and its use by the subject of investigation is also proposed.

Key word: investigative bodies, legal proceedings, forensic research, digital tools, digital shell, digital criminal case, subject of investigation.

В современном мире в условиях глобальной цифровизации всех плоскостей жизнедеятельности общества не остается без внимания и правоприменительная практика, направленная на раскрытие и расследование преступлений. Все чаще мы видим внедрение самых различных электронно-цифровых комплексов и систем в работу не только следственных, оперативных органов, экспертных учреждений в рамках уголовного судопроизводства, но и судов. Однако на сегодняшний день в Российской Федерации все уголовное судопроизводство ведется на бумажных носителях, хоть и выполненных в основной своей массе с использованием ЭВМ.

Безусловно, использование компьютерной техники субъектами расследования стало первым шагом на пути к полной цифровизации уголовного дела. С начала применения цифровой техники следователи стали понимать, что при составлении, например, протокола допроса потерпевшего необходимые временные затраты непосредственно на его заполнение значительно ниже в сравнении с заполнением его на печатной машинке или в рукописном варианте. Огромным плюсом в использовании компьютерной техники стала возможность редактировать опечатку или изложить предложение в более логичной форме, при этом не перепечатывая весь документ или его лист. Экспертные подразделения также оценили быстроту и удобство в использовании различных цифровых средств криминалистического исследования, что позволило значительно сократить затрачиваемое время на проведение исследований.

При всем этом на современном этапе цифровизации следственные подразделения так и не перешли на полный электронный документооборот в рамках производства по уголовному делу. Споры и научные дискуссии на этот счет ведутся по сей день. Многие ученые – как процессуалисты, так и криминалисты – высказывают негативную точку зрения по поводу цифровизации уголовного судопроизводства и приводят вполне объективные причины, являющиеся актуальными на сегодняшний день. Но также существуют противоположные мнения: некоторые ученые убеждены, что цифровизация уголовного судопроизводства неизбежна, т.к. коммуникационное развитие общества само по себе подталкивает правоохранительную систему к развитию и совершенствованию цифрового уголовного судопроизводства.

Рассматривая цифровизацию уголовного судопроизводства, считаем необходимым отметить положительный опыт ряда зарубежных стран.

В 2005 году в Бельгии был запущен проект цифрового правосудия, в котором, помимо органов расследования, принимал участие адвокат, участники со стороны обвинения и защиты, а также суд. Доступ к информации по электронному уголовному делу

осуществлялся с помощью создания участникам электронного «паспорта». Данное направление развивают многие страны. Цифровое судопроизводство внедряется в Германии (создана программа перехода на электронное судопроизводство в период с 2001 по 2026 год), Канаде, США, Саудовской Аравии и других странах, и все они находятся на разном уровне развития электронного судопроизводства. Например, говоря об опыте Саудовской Аравии, можно отметить, что производство по большинству уголовных дел занимает по времени всего несколько дней, тем самым сроки расследования сократились почти на 80%. Это говорит о высокой организации работы органов расследования и о достаточно большом имеющемся опыте применения цифровых технологий при производстве по уголовным делам, т.к. данное государство перешло на цифровое уголовное судопроизводство несколько лет назад. Заслуживает внимания опыт Грузии, в которой после осуществленной в 2011 г. правоохранительной реформы был произведен переход на цифровой формат уголовного судопроизводства. Также достаточно быстро в данном направлении развиваются Южная Корея и Сингапур.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает опыт Республики Казахстан в развитии цифрового (электронного) судопроизводства, в которой данное направление активно развивается с 2017 г. Пилотный проект под названием «Е – уголовное дело» успешно апробирован в нескольких областях и в настоящее время применяется в республике.

В Российской Федерации также предпринимаются попытки внедрения в работу органов предварительного расследования цифрового судопроизводства.

Автор, анализируя положительный опыт развития данного направления уголовного судопроизводства, соглашается с мнением ученых, поддерживающих внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство.

Профессор Л.В. Бертовский обосновывает необходимость создания и последующего внедрения перехода от общепринятого обычного судопроизводства к цифровому судопроизводу. При этом им сформулированы возможности использования технологии блокчейн в уголовном судопроизводстве [2, с. 226].

В своей научной статье С.В. Зуев выделяет положительные стороны уголовного судопроизводства и высказывает свое мнение: «Учитывая всеобщую цифровизацию общества, уголовное судопроизводство в перспективе подвергнется существенным изменениям. Этому будет способствовать широкое внедрение электронного документооборота, дистанционных форм проведения следственных и судебных действий, использование алгоритмов и математиче-

ских расчетов в принятии процессуальных решений, применение робототехники» [3, с. 6]. По мнению А.Ф. Абдулвалиева, «...федеральные целевые программы, посвященные развитию судебной системы в России, содержат ряд предпосылок, "подталкивающих" судебную реформу к внедрению электронного уголовного дела, целесообразнее уже в ближайшие годы разработать федеральные целевые программы для развития и совершенствования досудебного уголовного судопроизводства в ближайшее десятилетие без каких-либо существенных изменений Уголовно-процессуального кодекса РФ. Однако в любом случае в перспективе потребуется законодательно урегулировать возможность применения данной технологии, заблаговременно устранить барьеры и разрешить проблемные ситуации, которые могут возникнуть при внедрении электронной формы уголовного дела» [1, с. 150].

Технология блокчейна достаточно широко применяется при совершении криптовалютных финансовых операций, проводимых в рамках расчетов на электронных биржах и не только. Указанная технология считается максимально надежной с точки зрения обеспечения безопасности от взлома и проникновения к зашифрованной с использованием криптологических технологий информации, содержащейся в открытом интернет-пространстве, что предотвращает ее форматирование или уничтожение, при этом предоставляет необходимый доступ к данным определенным участникам таких операций. На самом деле применять указанную технологию можно не только для производства операций с криптовалютой, но и, например, для организации прозрачного голосования, что исключит подтасовку бюллетеней. Данная технология также будет очень эффективна для создания и использования информационной оболочки шаблона цифрового уголовного дела, который будет использоваться следственными подразделениями и судами в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела. Использование субъектами расследования и судами такого шаблона для формирования цифрового электронного дела позволит разрешить ряд вопросов:

1) значительно сократит сроки расследования и рассмотрения уголовных дел в суде;

2) упростит порядок сбора доказательств, а также составления всех процессуальных документов;

3) обеспечит прозрачность судопроизводства;

4) позволит минимизировать риски, связанные с фальсификацией информации, содержащейся в материалах уголовного дела;

5) обеспечит снижение колоссальных материальных затрат и нагрузки как на судебные, так и на органы предварительного расследования, связанные с производством расследования и рассмотрением уголовного дела в суде;

6) позволит практически полностью избавиться от бумажной волокиты;

7) будет способствовать развитию электронного правового документооборота между органами предварительного расследования, прокуратурой и судом.

Говоря об информационной оболочке шаблона цифрового уголовного дела, мы имеем в виду создание на базе единой электронной платформы приложения (электронной программы) для использования в операционных системах Windows, Macintosh, Linux, которая бы состояла из шаблонов процессуальных документов, шаблонов иных необходимых для расследования документов, отсылок к различным нормативным правовым источникам, судебной практике, а также свободно создаваемых файлов в текстовом формате Word или pdf. При этом пользователю должны быть предложены различные алгоритмы действия с предоставлением доступа к шаблонам необходимых документов в зависимости от этапа расследования уголовного дела с регистрацией созданных в электронном виде документов в едином реестре данных.

Например, следователю на электронное рабочее место (далее – ЭРМ) в электронном виде поступили документы от руководителя следственного органа в виде первоначальных материалов, по которым необходимо произвести проверку и вынести процессуальное решение. Следователь обращается к вышеуказанной платформе, назовем ее «Цифровое уголовное дело», путем запуска ее на ЭРМ, в которой он будет видеть данные документы как созданные текстовые файлы с возможностью их просмотра, но без возможности их изменения или удаления. В установленный законом срок субъект расследования производит проверочные мероприятия, а всю полученную информацию фиксирует путем заполнения имеющихся на данном этапе расследования шаблонов электронных документов либо созданием «свободных» документов, например, различных запросов, представленных в алгоритме действий, после сохранения которых программа автоматически проверяет, все ли пункты документа заполнены. В случае обнаружения недостатков данный пункт выделяется цветом автоматически и показывается на экране монитора как не соответствующий требованиям документа, в этом случае сохранение с автоматическим добавлением документа в реестр отработанных документов не попадет. Если программа не обнаруживает указанных ошибок, то при нажатии на иконку «Сохранить» или «Добавить документ» программа автоматически сохраняет документ в своем реестре на сервере и по принципу технологии блокчейна производит его шифрование в целях предотвращения его дальнейшего форматирования или удаления. При этом помимо общих сведений о цифровом файле, также прописывает в

свойствах созданного документа IP-адрес конкретного автоматизированного электронного рабочего места, дату, время создания данного цифрового файла и определяет конкретного пользователя по индивидуальной цифровой подписи. После этого программа в автоматическом режиме публикует данный файл с возможностью только его просмотра на ЭРМ надзирающего прокурора и, например, руководителя следственного органа, которые могут в реальном времени ознакомиться с данным файлом и при необходимости в кратчайшие сроки отреагировать на него.

В случае необходимости назначения судебной экспертизы или производства следственного осмотра субъект расследования должен выбрать данный пункт в меню алгоритма действий. Выбрав пункт «назначение судебной экспертизы», алгоритмом программы будут автоматически предложены шаблоны постановлений о назначении необходимой экспертизы. Выбрав необходимый шаблон постановления, программа откроет его для возможности редактирования. Перейдя к пункту постановки вопросов перед экспертом, пользователь выбирает гиперссылку, которая открывает окно с перечнем всех возможных вопросов по назначаемой экспертизе, и путем выбора конкретных вопросов, наиболее интересующих следователя, прикрепляет их к рассматриваемому постановлению. В результате этого выбранные субъектом расследования вопросы автоматически прописываются в соответствующем пункте постановления, облегчая работу субъекту расследования по формулировке и набиранию текста вопросов. В случае отсутствия текста необходимого вопроса в программе предусмотрена возможность ввода вопроса в ручном режиме. По окончании заполнения указанного постановления необходимо его сохранить, и программа автоматически добавит его в реестр, как описано выше. После этого алгоритм программы предложит субъекту расследования вполне логический вариант, а именно уведомить заинтересованных лиц о назначении соответствующей экспертизы. Что и будет сделано следователем. В это же время на ЭРМ судебного эксперта установленная программа «Цифровое уголовное дело» выдаст уведомление о том, что поступило постановление о назначении конкретной экспертизы, подтвержденное цифровой электронной подписью следователя. Но сразу же возникает вопрос, каким образом эксперт получит образцы для проведения сравнительного исследования? Конечно, на современном этапе пока нет такой возможности предоставить для исследования 3D-модель исследуемого объекта (в связи с тем, что оборудование для криминалистического рендеринга очень дорогостоящее, оно попросту отсутствует в большинстве следственных подразделений). Ну и конечно, в случаях исследования микрообъектов и биологических

жидкостей их предоставление эксперту будет производиться по сложившейся традиции в упакованном виде «из рук в руки». В свою очередь, эксперт, используя рассматриваемую автором программу, а именно предоставленный алгоритмом действий шаблон электронного экспертного заключения, составляет его, подписывает своей электронной подписью и прикрепляет созданный файл, как мы описывали выше, к логической цепочке по расследуемому уголовному делу. Данное экспертное заключение после его сохранения в реестре автоматически становится защищенным и доступным для просмотра на ЭРМ как следователя, так и надзирающих за расследованием лиц. Ознакомление участников уголовного судопроизводства о содержании экспертного заключения производится субъектом расследования исходя из предложенного программой алгоритма.

Назревает вполне обоснованный вопрос: а как же быть следователю, работающему в составе следственно-оперативной группы? Не возьмет же он с собой стационарный компьютер из своего рабочего кабинета! Действительно, на сегодняшний день это является проблемным вопросом! Но решить его все-таки возможно. Необходимо обеспечить следственные подразделения не только стационарными компьютерами с возможностью выхода в интернет, но и мобильными ЭВМ с такой же возможностью выхода в интернет-пространство, где субъект расследования также с использованием своей цифровой подписи получает доступ к установленной там программе «Цифровое уголовное дело» и в описанном ранее порядке осуществляет свою деятельность. Но мы опять встречаем очередной вопрос, в случае выезда на местность, где отсутствует интернет-соединение, как быть в таком случае? Предполагается, что рассматриваемая нами программа способна работать и в автономном режиме, просто сохраненные цифровые файлы добавятся в реестр логической цепочки по уголовному делу при восстановлении интернет-соединения с сохранением времени его создания.

Окончив необходимые проверочные мероприятия в установленный законом срок, субъект расследования, используя предложенный программой алгоритм работы, принимает соответствующее процессуальное решение, оформленное в виде электронного постановления на основе предложенного шаблона, после чего происходит автоматическое сохранение созданного файла в реестре программы с опубликованием файла на ЭРМ заинтересованных должностных лиц (мы указали их ранее).

Тем самым при сохранении каждого созданного или добавленного следователем цифрового файла программа выстраивает логическую цепочку созданных в хронологическом порядке файлов. А как же быть с файлами, в которых возможно допущены

процессуальные ошибки? Такие файлы не будут добавлены в реестр, т.к. программа проверяет их перед сохранением. Но если даже гипотетически представить, что такой ошибочный файл был создан и прикреплен к логической цепочке файлов в конкретном уголовном деле, то только у лица, производящего расследование, есть возможность, используя свой доступ на основе цифровой подписи, отредактировать данный документ. Но при этом программа, сохраняя редактируемый файл, сохранит и исходный документ в начальной редакции с указанием даты, времени, адреса его создания, а также конкретного пользователя. При рассмотрении дела программа определит, какие корректировки внесены в повторно сохраненный документ, и выделит их цветом для более удобного обоснования перед прокурором или судом повторного создания одного и того же цифрового файла.

В дальнейшем алгоритм расследования уголовного дела предлагается программой исходя из конкретного этапа расследования с соблюдением всех процессуальных сроков, которые также могут высвечиваться в специальном окне для напоминания субъекту расследования.

Также программа может предусмотреть и функцию извещения лиц о вызове на допрос в качестве свидетеля. Для этого следователю необходимо знать номер сотового телефона указанного лица или адрес электронной почты, после чего в соответствующем разделе (вкладке) программы вписываются указанные данные и автоматически происходит формирование электронного бланка повестки о вызове конкретного лица на допрос, после нажатия на иконку «Отправить» происходит практически мгновенное уведомление лица о его вызове на допрос, а на ЭРМ, конечно же, при запущенной рассматриваемой нами программе высвечивается уведомление о прочтении указанным лицом сообщения о его вызове с фиксации

ей времени и даты. В случае отсутствия у конкретного лица электронной почты и мобильного телефона с выходом в интернет (что на сегодняшний день представляется с большим трудом, но все-таки такое возможно) следователь может прибегнуть к устоявшемуся способу вызова на допрос, который в принципе всем известен.

Полагаем, что ознакомление с материалами цифрового уголовного дела будет осуществляться заинтересованными участниками по созданным разовым индивидуальным электронным «паспортам» на основе биометрических данных (в рамках уголовного судопроизводства) в части, их касающейся.

Реализуя принцип прозрачности уголовного судопроизводства, в данной программе следует заложить возможность ознакомления любого интересующегося лица (не являющегося участником уголовного судопроизводства) с ходом расследования по конкретному уголовному делу. А именно, программа будет по определенному запросу, связанному с номером уголовного дела, представлять информацию с указанием даты и времени, а также о количестве и наименовании произведенных на конкретный момент времени следственных и процессуальных действий соответственно без предоставления возможности ознакомления с содержанием файлов, находящихся в логической цепочки уголовного дела.

Рассматривая негативное воздействие на производство цифрового уголовного дела, например, глобальное отключение электроэнергии, которое не позволит вести электронный уголовно-правовой документооборот, позволим себе заметить, что такие отключения крайне маловероятны, а если они и произойдут, то субъекту расследования ничто не мешает расследовать уголовное дело в автономном режиме с последующим добавлением созданных файлов данных в реестр или же с фиксацией необходимой информации на бумажных носителях.

Литература

1. Абдулвалиев А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 150-164.
2. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226-230.
3. Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4/19. С. 6-12.

УДК 343.13

Л.В. Черепанова, канд. юрид. наук, доцент

Барнаулский юридический институт МВД России

E-mail: cherepanovalv@mail.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРИДАНИЯ УГОЛОВНО ПРЕСЛЕДУЕМОМУ ЛИЦУ СТАТУСА ОБВИНЯЕМОГО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ПРОЦЕДУР

В статье рассматривается процессуальный порядок постановки уголовно преследуемого лица в статус обвиняемого. Обращается внимание на тенденцию к размыванию различия в юридической значимости подозрения и обвинения при производстве по уголовному делу. Сравнение оснований и порядка предъявления обвинения, ознакомления с обвинительным актом и обвинительным постановлением обнаруживает, что права участников уголовного процесса в зависимости от процедуры обеспечиваются в различной степени полноты, а также демонстрируют формальность дифференциации процессуальных документов, содержащих обвинения и предъявляемых в ходе досудебного производства. Приводятся аргументы высокой затратности, чрезмерной заформализованности института привлечения в качестве обвиняемого. Предложение отказаться от института привлечения в качестве обвиняемого в том виде, в каком он предусмотрен гл. 23 УПК РФ, основано на анализе современных уголовно-процессуальных отношений, правовых и доктринальных источников. Определены основные направления оптимизации института привлечения в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, подозрение, обвинение, предъявление обвинения, ознакомление с обвинением, уведомление о подозрении, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление.

L.V. Cherepanova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: cherepanovalv@mail.ru

PROCEDURAL PROCEDURE FOR GRANTING THE STATUS OF AN ACCUSED PERSON TO A CRIMINAL PROSECUTION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF MODERN RUSSIAN PROCEDURES

The article deals with the procedural procedure for placing a criminally persecuted person in the status of an accused. Attention is drawn to the tendency to blur the difference in the legal significance of suspicion and accusation in criminal proceedings. A comparison of the grounds and order of presentation of the charges and acquaintance with the indictment and the indictments decree finds that the rights of parties to criminal proceedings, depending on the procedure are provided in varying degrees of completeness and formality of differentiation of procedural documents containing the charges and placed in pre-trial proceedings. Arguments are given for the high cost and excessive formalization of the institution of involvement as a defendant. The proposal to abandon the Institute of indictment in the form, in which it is provided Chapter 23 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, based on the analysis of current criminal procedural relations, legal and doctrinal sources. The main directions of optimization of the institution of involvement as an accused are defined.

Key words: suspect, accused, suspicion, accusation, presentation of charges, familiarization with the charge, notification of suspicion, decision to bring as an accused, indictment.

Официальное признание лица уголовно преследуемым, его уведомление о том, что в отношении него осуществляется обвинительная деятельность, его ознакомление с содержанием инкриминируемых действий (бездействия), с уголовно-правовой квалификацией его деяния [6, с. 5], т.е. с обвинением (с официальным утверждением о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом (п. 22 ч. 1 ст. 5 УПК РФ)), есть деятельность по привлечению в качестве обвиняемого.

Привлечь в качестве обвиняемого, предъявить обвинение, ознакомить с обвинением или уведомить, признать, квалифицировать его деяния, как, например, можно встретить в кодексах государств ближнего зарубежья, – вопрос о соответствии этих видов деятельности досудебному уголовному процессу России.

Предъявление обвинения, ознакомление с обвинением в настоящее время воспринимаются как синонимичные понятия, составляющие определенный этап процедуры привлечения в качестве обвиняемого. Тогда как для русского уголовного процесса начала XX в. характерны такие понятия, как «предъявление обвинения суду» и «принятие судом обвинения». После принятия обвинения судом происходило привлечение к суду лица в качестве обвиняемого [14, с. 2-9].

Сегодня, когда речь заходит о привлечении в качестве обвиняемого, как правило, обращаются к анализу одноименной главы 23 УПК РФ «Привлечение в качестве обвиняемого». Воспринятый из Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27.10.1960 (гл. 11) процессуальный порядок предъявления обвинения длительное время оставался единственным способом придания лицу статуса обвиняемого. Обвиняемым признавалось только то лицо, в отношении которого было вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. 46 УПК РСФСР).

Этот институт, в свою очередь, сохранял преемственность с порядком предъявления обвинения, установленным Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР от 15.02.1923, включая редакцию от 31.01.1958. «При наличии достаточных данных, дающих основание для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь составляет мотивированное постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого. Предъявление обвиняемому обвинения должно последовать не позже, как в течение 48-ми часов со дня составления следователем постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого», – гласила статья 128¹.

¹ Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР (вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР.")» утратило силу в связи с изданием Указа Президиума ВС РСФСР от 28.03.1961.

Сохранялось и жесткое правило о недопустимости привлечения в качестве обвиняемого иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом (ст. 4 УПК РСФСР). Тем не менее в 1966 г. введена альтернативная форма придания процессуального статуса уголовно преследуемому лицу «Протокольная форма». В редакции Федерального закона от 15.11.1997 № 141-ФЗ нормами ст. 415 УПК РСФСР устанавливался следующий порядок. После проверки сообщения о преступлении и составления протокола об обстоятельствах совершения преступления начальник органа дознания, делая соответствующую запись в протоколе, возбуждал уголовное дело, формулировал обвинение, принимал решение о направлении материалов прокурору для утверждения протокола и передачи в суд. Лицу, в отношении которого был составлен протокол, разъяснялась сущность обвинения, предоставлялось право знакомиться со всеми материалами, иметь защитника. Выполнение процедуры отражалось в протоколе посредством отметки об этом. Копия протокола вручалась обвиняемому (ч. 4 ст. 415 УПК РСФСР) [10].

УПК РФ от 18.12.2001 (№ 174-ФЗ) предусматривал две формы придания уголовно-преследуемому лицу статуса обвиняемого: в порядке гл. 23 – вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого при осуществлении предварительного следствия², и в соответствии со ст. 225 УПК РФ – составление обвинительного акта при производстве дознания. В первой редакции УПК РФ предъявление обвинительного акта до его утверждения прокурором не предполагалось. Обвиняемый (его защитник) получили возможность ознакомления с обвинительным актом по окончании дознания после внесения в кодекс дополнений Федеральным законом от 29.05.2002 (№ 58-ФЗ).

С введением дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ) появилась и «новая» форма придания уголовно преследуемому лицу статуса обвиняемого – составление обвинительного постановления (ч. 1 ст. 47 УПК РФ) [11].

Сравнительный анализ содержания обвинения, предъявляемого в ходе предварительного следствия, дознания в общей и в сокращенной форме, позволяет говорить об их идентичности.

Так, например, содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого включает: фамилию, имя и отчество лица, привлекаемого в качестве обвиняемого, число, месяц, год и место его рождения; событие преступления (время, место, способ и

² Изменения, внесенные в ст. 224 УПК РФ Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ, при невозможности своевременного составления обвинительного акта позволяют и при дознании предъявить обвинение в порядке, установленном главой 23 УПК РФ.

другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; пункт, часть, статью УК РФ, предусматривающие ответственность за данное преступление (ст. 171 УПК РФ).

Обвинительный акт и обвинительное постановление содержат: данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для данного уголовного дела; данные о потерпевшем, характере и размере причиненного ему вреда; формулировку обвинения с указанием пункта, части, статьи УК РФ (ст. 225 и 226.7 УПК РФ).

Вместе с тем существенные различия в процессуальном порядке предъявления обвинения приводят к восприятию обвинения, предъявленного по завершении дознания в любой форме, как своего рода «неполноценного». Критерием оценки стала практика. При производстве предварительного расследования по уголовному делу, завершено обвинительным актом или обвинительным постановлением и направленному прокурором для производства предварительного следствия, предъявление обвинения является обязательным.

Процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого в ходе предварительного следствия, дознания в общей и в сокращенной форме имеют существенные различия: основания принятия решения о привлечении в качестве обвиняемого формулируются в законе по-разному; процедура предъявления обвинения и ознакомления с обвинением неодинаковы; сроки составления и предъявления обвинения (ознакомления с обвинительным тезисом) обвиняемого различны; юридическая сила предъявляемых актов неоднородна.

Так, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого выносится при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления. Основанием составления обвинительного акта, согласно УПК РФ, является окончание дознания (ст. 225). В качестве основания для вынесения обвинительного постановления закон предусматривает определенный объем собранных доказательств, который достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым (ст. 226.7).

Срок вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого регламентируется в том случае, если к подозреваемому применяется мера пресечения. Обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения к подозреваемому. Если подозреваемый был

задержан, а затем заключен под стражу – в тот же срок с момента задержания (ч. 1 ст. 100 УПК РФ). По отдельным преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка, основ конституционного строя, безопасности государства, против мира и безопасности человечества срок предъявления обвинения увеличен до 45 суток (ч. 2 ст. 100 УПК РФ).

Изучая практику предварительного расследования, Ю.В. Деришев, например, получил следующие результаты, которые подтвердились и в ходе нашего исследования¹. Окончательное обвинение по 80% изученных уголовных дел предъявлялось органом предварительного следствия в последние дни расследования, «буквально перед объявлением обвиняемому об окончании предварительного следствия и началом его ознакомления со всеми материалами расследованного уголовного дела» [5, с. 180-181; 8]².

Еще не так давно практика предъявления обвинения на заключительном этапе предварительного расследования оценивалась как ограничение права обвиняемого на защиту (на достаточное время для опровержения обвинения в ходе досудебного производства), поэтому предлагалось установить нижние пределы срока предъявления обвинения: «не позднее 10 суток до момента окончания предварительного расследования...» [1, с. 18].

В настоящее время официально по 56,9% раскрытых преступлений обвинение предъявлялось (обвиняемый знакомился с обвинением) на завершающем этапе расследования [13]. Обвинительный акт составляется по окончании дознания. Обвинительное постановление составляется, когда необходимые следственные действия произведены и объем собранных доказательств достаточен для обоснованного вывода о совершении преступления подозреваемым.

Обвиняемый, его защитник знакомятся одновременно с обвинительным актом и материалами уголовного дела, с обвинительным постановлением и материалами уголовного дела – не позднее 3 суток со дня составления обвинительного постановления. Обвинение предъявляется не позднее 3 суток со дня вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Считается, что предъявление обвинения может быть отложено на срок до 5 суток, если явка участвующего в деле защитника невозможна

¹ Из 50 опрошенных нами следователей 40 (т.е. 80%) предпочитают предъявлять обвинение в конце расследования, когда установлены практически все обстоятельства, подлежащие доказыванию.

² Исследованием, проведенным М.Ю. Колбеевой, установлены близкие к этим показатели (в 62,6% изученных случаев обвинение предъявлялось в момент окончания расследования, после допроса лица в качестве обвиняемого выполнялись требования ст. 215-217 УПК РФ).

[6, с. 74], что аргументируется ссылкой на ч. 3 ст. 50 УПК РФ.

Полагаем, что общее положение, закрепленное в ч. 3 ст. 50 УПК РФ, касающееся приглашения, назначения и замены защитника, на данную процессуальную ситуацию не распространяется, поскольку законом предусмотрено особое регулирование правоотношений на этапе предъявления обвинения, а также по причине очевидного конфликта сроков (трех и пяти суток). В случае неявки обвиняемого или его защитника в назначенный следователем срок (также как в случае, когда место нахождения обвиняемого не установлено) обвинение предъявляется в день фактической явки обвиняемого или в день его привода при условии обеспечения следователем участия защитника, гласит ч. 6 ст. 172 УПК РФ. Момент предъявления обвинения законодателем четко привязан в данном случае к явке (приводу) обвиняемого. Участие защитника (в большинстве случаев условие обязательное) обеспечивается следователем. Действующее законодательство позволяет следователю в данной ситуации, т.е. в случае неявки приглашенного защитника в течение 3 суток со дня его приглашения (при условии, что ходатайство о его приглашении было заявлено своевременно – в день вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого), предложить обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника.

Приобретая статус обвиняемого с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, составления обвинительного постановления, вынесения обвинительного акта, о своих правах в новом статусе обвиняемый, согласно УПК РФ, узнает после предъявления ему обвинения (ч. 5 ст. 172). В соответствии со ст. 47 УПК РФ регламентация процедур ознакомления с обвинительным актом, с обвинительным постановлением не содержит указания на сроки и порядок разъяснения обвиняемому прав. Несмотря на то что ч. 6 ст. 47 УПК РФ предполагает разъяснение прав обвиняемому при первом его допросе в этом статусе, представляется, что такая редакция данной нормы не соответствует принципу обеспечения права на защиту, в соответствии с которым должностное лицо, предъявившее обвинительный акт (обвинительное постановление) и поставившее тем самым обвиняемого в известность о его новом процессуальном положении, обязано разъяснить все его права и обеспечить возможность защищаться всеми способами и средствами, не запрещенными законом. Дознаватель разъясняет обвиняемому права, обязанности и ответственность и обеспечивает возможность осуществления этих прав, руководствуясь ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 16 УПК РФ.

Несмотря на то что статус обвиняемого не зависит от порядка его приобретения (ст. 47 УПК РФ),

фактически различия очевидны. В большинстве случаев предъявление обвинения в порядке гл. 23 УПК РФ обеспечено большими процессуальными гарантиями, например в части реализации прав: на получение копии документа, содержащего обвинение (п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ); возражать против обвинения; давать показания по предъявленному обвинению либо отказаться от дачи показаний (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Возможность реализации обвиняемым права на защиту всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ), гарантируется своевременностью обеспечения права обвиняемого возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Следователь допрашивает обвиняемого немедленно после предъявления обвинения с соблюдением требований п. 9 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 50 УПК РФ. При дознании обвиняемый вправе выразить свое согласие с предъявленным обвинением в момент ознакомления с обвинительным актом (обвинительным постановлением) и материалами уголовного дела, о чем делается соответствующая запись в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 315 УПК РФ. Процессуальной гарантией права обвиняемого выразить свое отношение к предъявленному обвинению (согласие с ним или возражения против него) является ч. 1 ст. 314 УПК РФ. Вместе с тем её конструкция представляется не совсем логичной. Свое право заявить согласие с предъявленным ему обвинением обвиняемый может реализовать, пишет законодатель, при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего. Возможно, для заявления ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства наличие согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего может быть условием (хотя очевидно, что это условие для определения особого порядка судебного разбирательства), но условием, ограничивающим возможность обвиняемого выражать свое отношение к предъявленному обвинению, – полагаем, нет.

По мнению Б.Я. Гаврилова, например, допрос лица, в отношении которого составлен обвинительный акт в качестве обвиняемого, не предусматривается ввиду отсутствия необходимости дублирования допроса подозреваемого и фактического совпадения процессуальных прав подозреваемого в ходе дознания и обвиняемого в ходе предварительного следствия [2, с. 60-61]. Вместе с тем «по смыслу п. 22 ст. 5, п. 4, 5 ч. 2 ст. 171 и ч. 1 ст. 220 УПК РФ применительно к особому порядку судебного разбирательства под обвинением, с которым соглашается обвиняемый, заявляя ходатайство о постановлении приговора без

проведения судебного разбирательства в общем порядке, следует понимать фактические обстоятельства содеянного обвиняемым, форму вины, мотивы совершения деяния, юридическую оценку содеянного, а также характер и размер вреда, причиненного деянием обвиняемого» [12], т.е. такие обстоятельства, которые на момент возбуждения уголовного дела в отношении лица не могли быть установлены.

А.В. Шуваткин, например, предлагает при допросе в качестве подозреваемого выяснять степень согласия подозреваемого с выдвинутым против него подозрением и в обвинительном акте также отражать отношение подозреваемого к подозрению, подвергая его позицию критическому анализу [17, с. 147-148].

Обвинение с подозрением по содержанию тождественны бывают далеко не всегда. После возбуждения уголовного дела, в т.ч. и в отношении конкретного лица, расследование только начинается. Объем сведений как о лице (лицах), так и о его деянии (деяниях) обычно не только расширяется, но может и измениться. Изменения могут касаться как фактических обстоятельств, так и юридической оценки, квалификации действий подозреваемого. Из 250 изученных уголовных дел в 30 делах, т.е. почти в каждом восьмом уголовном деле, содержание, объем или характер обвинения, сформулированного в обвинительном акте, имели видоизменения относительно «подозрения», сформулированного в постановлении о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

Согласие с предъявленным обвинением по смыслу ст. 314 УПК РФ имеет принципиальное отличие от признания себя виновным в соответствии с гл. 23 УПК РФ. Согласие в данном случае есть проявление принципа диспозитивности уголовного судопроизводства, проявление частногоискового правосознания, главная цель которого для государства и судебной власти, в частности, заключается в быстрейшем разрешении социального конфликта, для стороны обвинения – процессуальная экономия, для стороны защиты – смягчение наказания. Согласие с предъявленным обвинением есть не что иное, как формальное признание – целерантная (от лат. *celerantes* – быстрый, стремительный) сделка. Объектом этой сделки является не сама виновность, а формальное согласие обвиняемого с обвинительным актом. Обвиняемый, вступая в такую сделку, может и не признавать себя виновным. В обмен на свое согласие он желает получить предусмотренное в этом случае ограничение меры наказания. С конца 80-х годов XX в. целерантные сделки, в результате которых судебное следствие не проводится, стали применяться в уголовном судопроизводстве ряда европейских государств, например: конформидад в Испании, паттеджаменто в Италии [16, с. 126].

Поэтому представляется наиболее верным выяснение степени согласия обвиняемого с предъявленным обвинением в ходе ознакомления с обвинительным актом (обвинительным постановлением), обвинительным заключением и материалами уголовного дела.

Вручение копии обвинительного акта, обвинительного постановления в момент фактического предъявления обвинения (ознакомления с обвинением) УПК РФ не предусматривает. Более того, на предварительное расследование в форме дознания, в т.ч. сокращенное, порядок, установленный гл. 30 УПК РФ «Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору», предусматривающий право обвиняемого при ознакомлении с материалами уголовного дела выписывать любые сведения и в любом объеме, снимать копии с документов, в т.ч. с помощью технических средств, при буквальном толковании ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ не распространяется. Копию обвинительного акта после его утверждения прокурор вручает обвиняемому минимум через двое суток. Возможны и другие варианты: 1) через 7 суток (2+3+2 – если дело возвращено для пересоставления обвинительного акта); 2) через 14 суток (2+10+2 – если дело возвращено для дополнительного дознания), возможны и иные варианты (ст. 226 УПК РФ). После утверждения обвинительного постановления копию его прокурор вручает обвиняемому минимум через трое суток, но если дело возвращено для пересоставления обвинительного постановления, то через 8 суток (3+2+3) (ст. 226.8 УПК РФ).

Вместе с тем, знакомя обвиняемого, его защитника с обвинительным актом (обвинительным постановлением), дознаватель предъявляет им и материалы уголовного дела. Тем самым обеспечивается возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права обвиняемого, в момент его официального уведомления о наличии достаточных доказательств, дающих основания для его обвинения в совершении преступления (ч. 2 ст. 24 Конституции РФ). При предъявлении обвинения в соответствии с гл. 23 УПК РФ обвиняемый такой возможности не имеет.

То, что обвинение предъявляется уголовно преследуемому лицу на основании достоверно установленных обстоятельств на завершающем этапе расследования, и то, что само понятие «дежурное обвинение» уходит из практики досудебного производства, соответствует современной идеологии уголовного процесса [15]. Обвинение, сформулированное в обвинительном акте, в обвинительном постановлении, основывается на результатах полного расследования, тогда как в основе обвинения, формулируемого в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого,

могут содержаться данные далеко не обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Сравнивая процессуальные порядки предъявления обвинения и ознакомления с обвинением с позиции обеспечения права потерпевшего знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1. ч. 2 ст. 42 УПК РФ), мы видим, что при дознании потерпевший о предъявленном обвинении информируется своевременно. Непосредственно после ознакомления с обвинительным актом (обвинительным постановлением) обвиняемого потерпевшему или его представителю по заявленному ходатайству могут быть предоставлены для ознакомления обвинительный акт (обвинительное постановление) и материалы уголовного дела. О предъявленном постановлении о привлечении в качестве обвиняемого потерпевший информируется по завершении предварительного следствия, знакомясь при наличии соответствующего ходатайства с материалами уголовного дела полностью, в т.ч. и с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого.

Проведенный анализ позволяет увидеть, что: различные процедуры придания статуса обвиняемого (привлечения в качестве обвиняемого) в той или иной части обеспечивают права участников уголовного процесса не в полном объеме; в общей системе ознакомления уголовно преследуемого лица с содержанием инкриминируемых действий (бездействия), с уголовно-правовой квалификацией его деяния процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого является высокочувствительным, чрезмер-

но заформализованным; обнаруживается тенденция к размытию различия в юридической значимости подозрения и обвинения; дифференциация процессуальных документов, содержащих обвинение и определяющих пределы судебного разбирательства в зависимости от формы досудебного производства, формальна.

Для оптимизации системы досудебного производства полагаем возможным:

1) унифицировать основания подозрения (допустить уведомление о подозрении в процессуальный порядок предварительного следствия), предоставив возможность уголовно преследуемому лицу своевременно, в полном объеме реализовать гарантированное право на защиту;

2) отказаться от института привлечения в качестве обвиняемого в том виде, в каком он предусмотрен гл. 23 УПК РФ;

3) перенести предъявление обвинения на завершающий этап предварительного расследования или на начальный этап судебного производства [3, с. 191-197; 4, с. 38-39; 7, с. 32-33; 9, с. 16; 16, с. 151];

4) в качестве документа, содержащего обвинение по уголовному делу, направляемому в суд, вне зависимости от формы предварительного расследования определить обвинительный акт¹, составляемый после ознакомления сторон с материалами уголовного дела и вручаемый обвиняемому после его утверждения прокурором;

5) обвиняемым признавать лицо, в отношении которого обвинительный акт утвержден прокурором.

Литература

1. Андреев А.В. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.
2. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (в вопросах и ответах): учебное пособие. М.: Следственный комитет при МВД России, 2003.
3. Гончан Ю.А. Функциональный анализ уголовного судопроизводства: постановка проблемы // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): мат-лы международной научно-практ. конф-ции (г. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г.). Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 191-197.
4. Гуськова А.П. Личность обвиняемого в уголовном процессе (Проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 387 с.
5. Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. 213 с.
6. Ефремова Н.П., Кальницкий В.В. Привлечение в качестве обвиняемого: учебно-практическое пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2007.
7. Зеленецкий В.С. Возбуждение государственного обвинения в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979. 144 с.
8. Колбеева М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 22 с.
9. Круглов И.В. Уголовный иск и механизм его доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 26 с.

¹ «Обвинительный акт» имеет глубокие корни в отечественном уголовном процессе.

10. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: федеральный закон от 15.11.1997 № 141-ФЗ // Российская газета. 1997. 19 нояб. № 223.

11. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.03.2013).

12. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 22.12.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. Москва: Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450>.

14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. С.-Петербург: Сенаторская типография, 1910. Т. 2. Раздел Библиотека репринтов [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

15. Чайко Ю.Я. Выступление на парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ от 18.11.2013 на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения». URL: www.genproc.gov.ru.

16. Черепанова Л.В. Окончание дознания с обвинительным актом в современном уголовном процессе России: теоретические и практические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2005. 221 с.

17. Шуваткин А.В. Обвинительное заключение и обвинительный акт в современном уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2003. 242 с.

УДК 343.102

А.Е. Чечетин, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: achechetin@mail.ru;

Ю.В. Анохин, доктор юрид. наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России;

И.Д. Шатохин, канд. юрид. наук
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: sha_to_hin@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуются проблемы обеспечения законности и прав граждан при проведении гласных обследований жилых и иных помещений в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел. Авторы показывают конкретные недостатки и пробелы ведомственного правового регулирования данного оперативно-разыскного мероприятия, требующие своего устранения. На основе анализа материалов жалоб в Конституционный Суд Российской Федерации раскрываются типичные нарушения прав личности при проведении гласных обследований и делается вывод о том, что современная оперативно-разыскная практика применения гласного обследования прежде всего жилых помещений далеко не в полной мере соответствует конституционному принципу уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

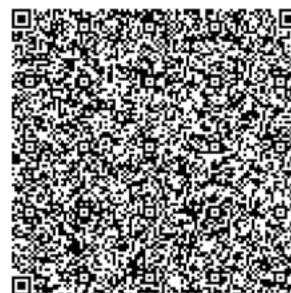
Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, гласное обследование, обеспечение прав граждан.

A.E. Chechetin, Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: achechetin@mail.ru;

Yu.V. Anokhin, Doctor of Juridical Sciences, professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

I.D. Shatokhin, Candidate of Juridical Sciences
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: sha_to_hin@mail.ru

SOME PROBLEMS OF USING THE OPEN ENQUIRY IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

The article examines the problems of ensuring the rule of law and the rights of citizens when conducting public surveys of residential and other premises in the operational-search activities of the internal affairs bodies. The authors show specific shortcomings and gaps in the departmental legal regulation of this operational-search activity, which require their elimination. Based on the analysis of the materials of complaints to the Constitutional Court of the Russian Federation, typical violations of individual rights during public surveys are revealed and it is concluded that the modern operational and investigative practice of using public surveys, primarily residential premises, does not fully comply with the constitutional principle of respect for and observance of human and civil rights and freedoms.

Key words: Constitutional Court of the Russian Federation, operational-search activities, operational-search measures, public survey, ensuring the rights of citizens.

В современной оперативно-разыскной практике гласное проведение такого оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ), как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (далее – гласное обследование), получает все большее распространение. По утверждениям исследователей, данное ОРМ одно из наиболее часто используемых в оперативно-разыскной практике [1, с. 4], нередко выступает единственным возможным способом выявления и раскрытия преступлений [5, с. 127].

Особенность гласного обследования заключается в том, что в отличие от других ОРМ оно ограничивает целый спектр конституционных прав личности, включая право на достоинство личности, на неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, права собственности (ст. 21, 23, 25, 35 Конституции РФ), что обуславливает необходимость его четкого правового регулирования. Однако Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) не определяет содержания рассматриваемого ОРМ, порядка и условий его проведения, а также прав и обязанностей его участников, прежде всего лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются в процессе обследования. Таким образом, наделяя оперативные службы правом на проведение гласного обследования, законодатель по существу предоставляет им возможность широкого усмотрения при выборе тактических приемов своих действий, что, в свою очередь, выступает фактором риска необоснованного ограничения прав граждан.

Лаконичность законодательного регулирования в сфере ОРД, исходя из положений ст. 4 Закона об ОРД, по замыслу законодателя должна восполняться подзаконными нормативными актами, принимаемыми органами, осуществляющими ОРД. Однако в ведомственных нормативно-правовых актах порядок проведения обследования изложен весьма поверхностно и неполно. Так, Инструкция МВД России о порядке проведения гласного обследования нежилых помещений [8] не распространяет свое действие на обследование жилых помещений, процедура которых на сегодняшний день не установлена ни в одном нормативном акте, несмотря на то, что проведение ОРМ в жилище более существенно ограничивает конституционные права личности. Отсюда возникает вопрос: можно ли вообще в процессе ОРД проводить гласное обследование жилища помимо воли проживающих в нем лиц, т.е. в принудительном порядке? Законодатель прямого ответа на него не дает.

В связи с этим зарождающаяся практика гласных обследований жилища неслучайно началась со скандальной истории, описанной в 2003 г. в журнале «Законность». Авторы публикации подвергли обо-

снованной критике действия сотрудников одной из оперативных служб г. Санкт-Петербурга, которые, получив секретное судебное разрешение на проведение обследования жилища предпринимателя, заподозренного в укрытии доходов от налогов, принудительно вскрыли дверь его квартиры в то время, когда он там находился, и провели фактический обыск с изъятием интересовавших оперативников документов. В статье утверждалось, что обследование жилых помещений может проводиться только в негласной форме, и предлагалось это прямо закрепить в законе [6, с. 35]. Однако вопреки публичной критике на страницах авторитетного журнала оперативные службы не просто продолжили использовать, но и пошли по пути все более широкого применения гласных обследований жилых помещений с целью обнаружения и изъятия вещественных доказательств преступной деятельности проверяемых лиц.

Более того, в практике встречаются случаи проведения гласных обследований для получения доказательств совершения не только преступлений, но даже административных правонарушений, хотя выявление административных правонарушений к задачам ОРД, как известно, не относится. Так, в одном из апелляционных определений судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации в качестве доказательств административного правонарушения исследовались акты гласных обследований, проводившихся оперативной службой с целью обнаружения и изъятия религиозной литературы, внесенной в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции Российской Федерации [14].

Возвращаясь к упомянутой выше Инструкции о порядке проведения гласного обследования нежилых помещений, нельзя не повториться о том, что данный нормативный акт имеет ряд существенных недостатков, которые несут в себе потенциальную угрозу нарушений прав личности. К их числу, как уже отмечалось ранее [23], следует прежде всего отнести отсутствие в ней обязанностей и пределов полномочий должностных лиц, проводящих обследование, порядка и содержания самих действий по обследованию, перечня прав владельцев обследуемых помещений, включая право на обжалование действий оперативных сотрудников и т.д. Внимательное изучение Инструкции не позволяет найти ответы на такие, казалось бы, элементарные вопросы о том, обязаны ли оперативные сотрудники предлагать добровольно выдать предметы, необходимые для решения задач ОРД; можно ли в процессе обследования вскрывать закрытые хранилища, сейфы, шкафы; возможно ли участие в обследовании адвоката; допустимо ли ограничивать в передвижении лиц, находящихся в помещении, их досматривать, лишать личных средств

связи, препятствовать их работе на компьютере? Инструкция «умалчивает» также о сроках хранения изъятых предметов и документов, о судьбе этого имущества в случаях отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела и других вопросах, связанных с ограничением права собственности, гарантированного ст. 35 Конституции РФ.

В то же время нельзя не отметить, что рассматриваемый нормативный акт одновременно содержит в себе избыточные нормы, правовая целесообразность которых не поддается разумному объяснению. Речь, в частности, идет о п. 6 Инструкции, которым закрепляется обязанность письменного информирования начальника территориального органа внутренних дел, на территории обслуживания которого планируется проведение обследования, до начала проведения данного ОРМ. Такое предписание, с одной стороны, безосновательно усложняет формальную процедуру подготовки обследования, поскольку предполагает необходимость подготовки письменного документа, смысл и значение которого в Инструкции не раскрываются. С другой стороны, данное предписание не согласуется с принципом конспирации ОРД, поскольку такое информирование чревато опасностью утечки информации о планируемом ОРМ [25, с. 27] и, соответственно, утратой смысла его проведения. Анализируемое положение можно как-то еще объяснить для случаев, например, проведения гласного обследования на территории другого субъекта Российской Федерации, но когда обследование планируется в помещении, расположенном на другой стороне улицы, которая относится к иному административному району, то обязанность оповещать в письменном виде руководителя полиции этого района представляется абсурдной. В силу указанных причин положение п. 6 Инструкции заведомо обречено на невыполнение должностными лицами оперативных подразделений.

Данный вывод подтверждается анализом практики прокурорского надзора за ОРД, согласно которому несоблюдение п. 6 Инструкции является одним из наиболее распространенных нарушений, выявляемых при проверке законности гласных обследований. Несмотря на то что сами прокуроры считают данное положение излишним и не причиняющим какого-либо вреда общественным интересам, они в силу своих должностных обязанностей вынуждены реагировать на формальное нарушение Инструкции путем внесения соответствующих представлений, предполагающих принятие мер дисциплинарного воздействия к нарушителям. В результате возникает деструктивная напряженность в отношениях между правоохранительными ведомствами, отвлекающая ресурсы, время и энергию от решения основных профессиональных задач.

В то же время проведение гласного обследования, о чем свидетельствуют жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации, сопряжено с реальными нарушениями законности и прав личности, на которых и было бы целесообразно сосредоточить внимание надзирающего органа.

Одним из таких нарушений является неоднократное проведение обследования на основании одного и того же распоряжения руководителя органа внутренних дел. Так, из материалов одной жалобы в Конституционный Суд следовало, что на основании конфиденциальной информации о торговле контрафактным товаром оперативный сотрудник получил распоряжение руководителя на обследование торговой точки. Вначале он произвел проверочную закупку единичного экземпляра продаваемой продукции, а затем изъял весь имевшийся у предпринимателя товар, оформив это протоколом осмотра места происшествия. Получив оперативную информацию о завозе новой партии товаров, он повторно провел обследование на основании того же распоряжения и изъял всю вновь поступившую от поставщиков продукцию. По жалобе предпринимателя суд признал незаконным повторное обследование, поскольку оно проводилось без вынесения нового распоряжения, и обязал вернуть владельцу изъятый товар [11]. В ходе нашего исследования довелось столкнуться с еще более показательным фактом многократного обследования жилого помещения, когда три раза оно было проведено негласно и один раз гласно на основании одного и того же судебного решения [12].

Достаточно распространенным нарушением прав является необоснованное изъятие имущества физических и юридических лиц в процессе проведения гласных обследований и его удержание без принятия процессуального решения о признании вещественным доказательством. В тех случаях, когда в ходе обследования изымаются предметы, не являющиеся орудием или средством совершения преступления, а также не изъяты из законного оборота, это не может не ограничивать права собственности законных владельцев имущества, особенно если его удержание длится продолжительное время.

Так, изъятые в ходе обследования офиса энергетической компании компьютеры оперативная служба отказалась вернуть владельцам по их просьбе через полгода после проведенного ОРМ, несмотря на то, что решение о возбуждении уголовного дела к этому времени так и не было принято. Вместо этого компании было предложено предоставить электронные носители для копирования необходимой информации, содержащейся в изъятых системных блоках. Попытки защитить свое право собственности в судебном порядке успехом не увенчались, поскольку суды общей юрисдикции со ссылкой на ст. 15 Закона об ОРД

само изъятие имущества признали правомерным, а от оценки обоснованности его длительного удержания уклонились. В жалобе, направленной в Конституционный Суд, справедливо был поставлен вопрос о том, что ст. 15 Закона об ОРД не предусматривает никаких сроков удержания изъятого в процессе ОРМ имущества.

Конституционный Суд отказал в принятии данной жалобы к рассмотрению, мотивировав свое решение двумя основными доводами. Во-первых, указав на то, что органы, осуществляющие ОРД, вправе изымать лишь документы и электронные носители информации, с помощью которых могут быть получены сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления. Во-вторых, он сослался на одно из своих прежних решений о том, что изъятие документов и электронных носителей информации «носит временный характер, не приводит к их отчуждению и не порождает перехода права собственности к государству» [17].

Исходя из первого довода Конституционного Суда, следует, что закрепленное в ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД право на изъятие «документов, предметов, материалов и сообщений» должно толковаться ограничительно и может распространяться не на любые документы и электронные носители информации, а лишь на те, «с помощью которых могут быть получены сведения о признаках... преступления». Однако такое ограничительное истолкование полномочий оперативно-разыскных служб нивелируется допускаемым здесь же усмотрением правоприменителей, поскольку на них в конечном итоге возлагается решение вопроса о том, с помощью каких именно документов и электронных носителей могут быть получены сведения о признаках преступления.

Со вторым доводом, как отмечалось исследователями ранее, можно согласиться только частично, поскольку даже временное изъятие фактически ограничивает право собственника на владение, пользование и распоряжение имуществом, а Закон об ОРД при этом никак не ограничивает сроки удержания изъятого имущества [4, с. 42]. В то же время для сравнения можно привести положения ст. 81.1 УПК РФ, которые устанавливают 10-дневный срок для признания изъятых предметов вещественным доказательством и возврат их владельцу в 5-дневный срок в случае непризнания таковыми.

Таким образом, указанное выше определение Конституционного Суда, к сожалению, не снимает проблему необоснованного ограничения права на владение, пользование и распоряжение имуществом, изъятого в процессе обследования, которая требует своего разрешения, прежде всего на законодательном уровне.

В материалах конституционных жалоб приводятся факты нарушения права на неприкосновенность жилища, когда для обследования арендованного жилья берется письменное согласие его юридических владельцев, а не лиц, фактически проживающих в нем по договору аренды, либо получение формального согласия на обследование достигается путем введения в заблуждение проверяемых лиц. Так, одному из заявителей сотрудником полиции было предъявлено письменное распоряжение руководителя органа внутренних дел на обследование жилого помещения и получена его роспись в ознакомлении с ним без предоставления возможности прочтения напечатанного мелким шрифтом текста о том, что владелец помещения не только ознакомился с распоряжением, но и дает добровольное согласие на обследование своего жилища. Последующая попытка обжаловать действия оперативного сотрудника была безуспешной, поскольку суд сослался на то, что обследование проводилось с согласия владельца жилого помещения [13].

Одним из распространенных нарушений прав граждан при гласном обследовании является отказ от участия в проводимом ОРМ прибывших для этого адвокатов. Так, один из заявителей, ознакомившись с судебным разрешением на проведение обследования его квартиры, попросил дать ему возможность связаться с адвокатом, но получил отказ оперативных сотрудников, разъяснивших, что Закон об ОРД не предусматривает участия адвоката при проведении ОРМ. А когда адвокат все-таки прибыл по приглашению супруги заявителя, то его в квартиру, где проходило обследование, полицейские непустили. В решении по данной жалобе Конституционный Суд отметил, что хотя Закон об ОРД и не предусматривает участие в ОРД адвоката, но его нормы «не могут применяться в отношении подозреваемого, обвиняемого без учета особенностей его правового положения, в т.ч. вытекающих из предписаний ст. 48, 49 и 51 Конституции Российской Федерации» [16]. Отсюда следует, что сотрудники, проводившие обследование, были не вправе отказать заявителю, во-первых, в приглашении защитника и, во-вторых, в допуске прибывшего адвоката к участию в проводимом гласном ОРМ, а потому своими действиями они, безусловно, нарушили конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи.

Самым же распространенным поводом для жалоб в Конституционный Суд, как показало наше исследование, является подмена процессуальных способов собирания доказательств проведением ОРМ до возбуждения дела, когда под видом гласного обследования проводится фактический обыск с целью получения доказательств вины проверяемого лица.

В качестве типичного примера этому можно привести обстоятельства дела одного из заявителей в Конституционный Суд, осужденного за два эпизода получения взяток. Из представленных им материалов следовало, что до начала оперативного эксперимента, в процессе которого предполагалась передача предмета взятки путем его помещения в почтовый ящик домовладения проверяемого должностного лица, сотрудники оперативной службы получили судебное разрешение на проведение в доме взяточника обследования для обнаружения и изъятия конверта с помеченными денежными купюрами. Поскольку в почтовом ящике предмета взятки не оказалось, оперативные сотрудники с использованием служебно-разыскной собаки в течение двух часов производили его поиск во всех комнатах двухэтажного жилого дома, пока в одной из них не обнаружили спрятанный под коробками конверт с деньгами. Заявитель оспарил действия представителей оперативной службы, которые, по его мнению, вместо разрешенного судом обследования провели в его домовладении фактический обыск, с чем трудно не согласиться, ознакомившись с материалами жалобы. Понимая стремление оперативных сотрудников обнаружить и изъять предмет взятки, который передавался бесконтактным способом, нельзя в то же время не признать, что спрятанный в двухэтажном домовладении конверт с деньгами, как иголку в стоге сена, найти не так просто, а потому поверхностным визуальным осмотром помещений здесь не обойтись. Анализ приведенной и аналогичных ей ситуаций всегда вызывает вопрос о том, возможно ли было обнаружить и изъять предмет взятки в уголовно-процессуальном порядке путем проведения официального обыска? Из дела заявителя следовало, что для этого оснований было более чем достаточно, поскольку оперативные сотрудники за полгода до описанных событий уже проводили в отношении заподозренного оперативный эксперимент, в процессе которого был документально зафиксирован факт передачи ему взятки, но уголовное дело по какой-то причине своевременно не было возбуждено. До проведения второго оперативного эксперимента у правоохранителей имелось письменное заявление от взяткодателя о вымогательстве взятки, что с учетом результатов предыдущего оперативного эксперимента давало необходимые основания и поводы для возбуждения уголовного дела и получения судебного разрешения на производство обыска в жилище. Отсюда следует, что в данном случае обследование жилища не носило вынужденного характера и не было «единственно возможным способом раскрытия преступления», как это преподносится сторонниками широкого использования данного ОРМ [5, с. 127].

Принимая решения по такого рода жалобам, Конституционный Суд сформулировал ряд правовых по-

зиций, которые, на наш взгляд, позволяют отчасти разрешить затронутые нами проблемы. Так, в одном из своих определений, отвечая на доводы заявителя, по мнению которого ст. 6, 7, 8 и 15 Закона об ОРД позволяют проводить под видом оперативно-разыскного обследования жилого помещения фактический обыск, Конституционный Суд указал, что осуществление ОРМ в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу «не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом установлена специальная процедура. Соответственно, оспариваемые нормы, – как отмечалось далее, – не допускают подмену следственных действий оперативно-разыскными мероприятиями» [19]. Данный вывод был сделан с учетом обстоятельств дела заявителя, в жилище которого обследование проводилось до возбуждения уголовного дела.

В другом определении Конституционного Суда по аналогичной жалобе отмечалось, что статьи Закона об ОРД «не регламентируют уголовно-процессуальные правоотношения, а потому и отношения, связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств» [18]. Упомянув данное решение, нельзя не отметить, что рядом специалистов оно было истолковано как подтверждение Конституционным Судом законности и возможности проведения гласного обследования жилого помещения [3, с. 186]. С таким выводом нельзя согласиться, поскольку, во-первых, само по себе решение Конституционного Суда об отказе в рассмотрении конкретной жалобы не означает, что действия оперативных сотрудников были безупречны с точки зрения соблюдения принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, поскольку он оценивает норму закона, а не правоприменительную практику. Во-вторых, чтобы правильно понять смысл правовой позиции Конституционного Суда по той или иной жалобе, необходимо уяснить аргументы заявителя о неконституционности оспариваемых им законоположений, обстоятельства их применения в его деле и соотнести все это с мотивировкой принятого судебного акта. В данном случае автор обращения утверждал, что оспариваемые им нормы в силу своей неопределенности допускают возможность использования в качестве доказательства обвинения протокола гласного обследования помещения, на что Конституционный Суд вполне резонно указал, что нормы Закона об ОРД не регулируют отношения, связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств. При этом в мотивировочной части упомянутого судебного акта было всего лишь воспроизведено содержание оспариваемых норм Закона об ОРД без какого-либо их толкования, чтобы показать отсутствие их связи с тем вопросом, который ставился в жалобе. В мотивировоч-

ной части определения содержалась также ссылка на сформулированную Конституционным Судом более двадцати лет назад и впоследствии многократно подтвержденную правовую позицию, согласно которой результаты ОРМ «являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований» Закона об ОРД, «могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем» [15]. Системный и логический анализ приведенных выше правовых позиций подводит нас к выводу о недопустимости проведения гласных обследований помещений, направленных на обнаружение предметов и вещей, которые предполагается использовать в качестве доказательств совершения преступления.

В пользу такого вывода говорит еще одна немаловажная деталь, зачастую остающаяся без внимания авторов публикаций по рассматриваемой нами проблеме, но которая позволяет глубже понять логику решений Конституционного Суда и правильно их толковать. В частности, в мотивировочной части его определений об отказе в принятии жалоб к рассмотрению, в которых используются приведенные выше правовые позиции, нередко содержится оговорка о том, что вопрос о правомерности решений правоприменителей, а также оценка содержания действий по производству обследования в его компетенцию не входят. Смысл этой оговорки состоит в том, что суды общей юрисдикции, имея возможность детально изучить и оценить обстоятельства конкретного дела, обязаны исследовать вопрос о том, имела ли место в данном случае подмена обыска оперативно-разыскным обследованием либо последнее проводилось с целью решения исключительно задач ОРД.

Именно так, на наш взгляд, поступила судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда, которая в кассационном определении от 9 января 2013 г. признала неправомерными два гласных обследования жилища, в процессе которых у подсудимых были изъяты наркотические средства, послужившие основным доказательством обвинения в их незаконном хранении. Это решение было мотивировано тем, что данное ОРМ по смыслу закона должно осуществляться негласно и не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу, в жилых же помещениях подсудимых, как установил суд, фактически были проведены обыски с нарушением требований ст. 182 УПК РФ [9].

Данное кассационное определение стало предметом оживленной дискуссии на страницах юридической печати, в ходе которой одни авторы восприняли его в качестве эталона судебной оценки допустимости гласных обследований [10], а другие признали спорным и подвергли достаточно жесткой критике

[2]. Свое несогласие они выразили прежде всего выводом суда о возможности проведения обследования жилища лишь в негласной форме. Следует признать, что такой вывод по меньшей мере носит дискуссионный характер, поскольку из текста Закона об ОРД он напрямую не вытекает. Но в то же время, как уже отмечалось нами, суд вправе давать казуальное толкование нормам права применительно к обстоятельствам конкретного дела [24, с. 98]. В связи с этим мы обратили внимание в анализируемом решении Верховного Суда на другую часть его аргументации о том, что обследование не может быть направлено на обнаружение и изъятие доказательств по уголовному делу. С таким утверждением нельзя не согласиться, поскольку оно напрямую вытекает из приведенных выше правовых позиций Конституционного Суда.

Рассматриваемый судебный акт по утверждениям исследователей повлиял на судебную практику и создал проблемы для оперативных служб, поскольку суды в ряде регионов стали отказывать в даче разрешений на проведение гласных обследований жилых помещений [7; 4, с. 63]. Однако такой вывод не подтверждается анализом материалов жалоб, поступающих в Конституционный Суд и свидетельствующих, что такая практика не является доминирующей. В большей части регионов России суды без особых проблем дают разрешения на проведение обследований жилища, а изъятые в ходе их проведения предметы и вещества признаются вещественными доказательствами. Это подтверждается и данными судебной статистики, согласно которым судами Российской Федерации в 2019 г. было выдано более 35,5 тыс. разрешений на проведение ОРМ, ограничивающих право на неприкосновенность жилища, и лишь в 68 случаях (~0,2%) оперативным службам в этом было отказано [20].

При оценке допустимости и пределов гласного обследования жилых помещений следует учитывать также постановление Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Аванесян против России», установившее нарушение прав заявителя, в домовладении которого на основании судебного разрешения было проведено безрезультатное гласное обследование. Вывод ЕСПЧ был мотивирован необоснованностью судебного постановления о проведении ОРМ, в котором не нашли отражения «надлежащие» и «достаточные» поводы для ограничения права на неприкосновенность жилища, и отсутствием в нем каких-либо предписаний о допустимых пределах действий полиции при проведении обследования, что привело к несоразмерному ограничению прав заявителя [21]. В связи с принятием ЕСПЧ этого постановления Президиум Верховного Суда отменил судебное решение о проведении обследования жилища Аванесяна, признав тем самым его незаконным [22].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что современная оперативно-разыскная практика применения гласного обследования прежде всего жилых помещений далеко не в полной мере соответствует принципу уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Основными причинами этого выступают ее недостаточное правовое регулирование, а также противоречивая практика предварительного и последующего судебного контроля за законностью и обоснованностью данного ОРМ. Для устранения

этих причин представляется целесообразным, во-первых, детально регламентировать порядок проведения гласных обследований жилых помещений, установив при этом пределы полномочий оперативно-разыскных служб и права владельцев обследуемых помещений. Во-вторых, назрела необходимость обобщения Верховным Судом судебной практики по вопросам, связанным с выдачей разрешений на проведение гласных обследований жилых помещений и последующей оценкой законности действий по их осуществлению.

Литература

1. Бакланов Л.А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 126 с.

2. Бакланов Л.А., Панюшин Д.Б. Проведение гласного обследования жилища без согласия его собственников: pro et contra // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 3 (45). С. 78-84.

3. Важенин В.В., Баженов С.В., Сафронов А.А. Гласное обследование: подготовка, проведение, использование результатов // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 185-188.

4. Глазунов Б.Б. Решение об изъятии частной собственности в ходе оперативно-розыскной деятельности // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2012. № 1 (6). С. 37-45.

5. Дорош Е.Ю. Проникновение в жилище при проведении гласного обследования, проблемы законодательного регулирования // Актуальные проблемы юридической науки: вопросы теории и практики: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Алматы: Алматинская академия МВД РК, 2020. С. 127-130.

6. Захарцев С., Молчанов П., Рохлин В. Законность проведения оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2003. № 9. С. 33-35.

7. Зенкин А.Н. Подмена уголовно-процессуальных действий оперативно-розыскными мероприятиями // Законность. 2017. № 1. С. 61-63.

8. Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств»: утверждена приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 января 2013 г. № 45-О12-77 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Курченко В.Н. Обследование жилых помещений не заменяет обыск // Уголовный процесс. 2016. № 3 (март). С. 38-43.

11. Материалы обращения № 9544/1501/13 от 26.08.2013 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.

12. Материалы обращения № 1351/15-01/13 от 04.02.2013 // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.

13. Материалы обращения № 13780/15-01/10 от 29 сентября 2010 г. // Архив Конституционного Суда Российской Федерации.

14. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2014 г. № 46-АПГ14-6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2011 г. № 580-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2013 г. № 2102-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1507-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2018 г. № 328-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- 20 Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. Раздел 4. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 05.11.2020).
21. Постановление Европейского суда по правам человека «Аванесян против России» от 18 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2016 г. № 15-П16 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
23. Чечетин А.Е. Современная оперативно-розыскная деятельность и принуждение // Оперативник (сыщик). 2015. № 1 (42), январь. С. 37-42.
24. Шатохин И.Д., Чечетин А.Е. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. 206 с.
25. Шашин Д.Г., Коршунов А.В. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: некоторые проблемы правового регулирования и проведения // Оперативник (сыщик). 2016. № 2 (47), апрель. С. 25-28.

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.963

Т.В. Алексанова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

E-mail: Aleksanova@yandex.ru;

Ю.Л. Мареев, канд. юрид. наук

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

E-mail: mareyew@mail.ru;

О.Н. Юргель

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

E-mail: yurgelorsana@yandex.ru

О ПЕРСПЕКТИВАХ АКТИВИЗАЦИИ РОЛИ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена существующим и потенциальным возможностям участия прокурора в современном гражданском процессе в свете последних изменений, внесенных в ГПК РФ Федеральным законом от 23 ноября 2018 г. № 451-ФЗ. Авторы пытаются определить причины, объективно подталкивающие к расширению оснований участия прокурора в гражданском судопроизводстве, выявить их связь как с унификацией цивилистического процесса в целом, так и с коренной модернизацией гражданского процесса, включающей глубокую ревизию его традиционных принципов.

Ключевые слова: прокурор, унификация процесса, доступность правосудия, основания и формы участия прокурора, защита прав группы лиц.

T.V. Aleksanova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: Aleksanova@yandex.ru;

Yu.L. Mareev, Candidate of Juridical Sciences

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: mareyew@mail.ru;

O.N. Yurgel

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: yurgelorsana@yandex.ru

ON THE PROSPECTS FOR ENHANCING THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN CIVIL PROCEDURE

The article is devoted to the existing and potential opportunities for the participation of a prosecutor in modern civil proceedings in the light of the latest changes introduced to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation by Federal Law No. 451-FZ of November 23, 2018. The authors try to determine the reasons that objectively push to expand the grounds for the participation of the prosecutor in civil proceedings, to identify their connection both with the unification of the civil process as a whole, and with a radical modernization of the civil procedure, including a deep revision of its traditional principles. The issue of the possibility of the participation of a prosecutor in civil proceedings in defense of the rights and legitimate interests of a group of persons is being discussed.

Key words: prosecutor, unification of the process, accessibility of justice, grounds and forms of participation of the prosecutor, protection of the rights of a group of persons.

Глубокие изменения, произошедшие в последнее время не только в гражданском, но и в арбитражном и в административном судопроизводствах, явились не чем иным, как продолжением масштабного реформирования судебной системы. Реформа затронула многие институты гражданского процесса. При этом законодатель явно старался «сблизить» существующие виды судопроизводства, унифицировать их настолько, насколько это было возможно, сохраняя при этом самостоятельность всех трех видов и оправдывая тем самым существование трех отдельных процессуальных кодексов. И это как раз можно понять, поскольку они в конечном счете имеют все же одну и ту же цивилистическую сущность, проявляющую себя не только в «лингвистических клонах» процессуальных конструкций, форм и средств процессуальной деятельности, но и в целом в характере рассматриваемых юридических конфликтов, лишенных общественной опасности. Их участники в одних случаях в силу полной процессуальной тождественности таких конфликтов (гражданский и арбитражный процессы), а в других случаях в силу исторической традиции (гражданский, арбитражный и административный процессы) не имеют оснований пенять на слабость существующих средств цивилистической процессуальной защиты и требовать разработки принципиально новых процессуальных форм для каждого из трех сложившихся в России видов цивилистического судопроизводства.

Как бы то ни было, но вышеописанный процесс по глубине и масштабности изменений, на наш взгляд, в целом справедливо получил громкое название «процессуальная революция» [8, с. 5].

Однако не стоит забывать, что указанные изменения имели место по инициативе Верховного Суда РФ («революция сверху»), а поэтому принятые новеллы прежде всего коснулись унификации и оптимизации техники цивилистических процессов (судебных процедур), преследуя в качестве главной цели оптимизацию правосудной деятельности как таковой и отодвинув все же на задний план решение более фундаментальных вопросов, в т.ч. доступности правосудия.

На этом фоне отрезвляюще звучат слова Г.А. Жилина, который определял приоритетные цели процессуальных реформ следующим образом: «...любые изменения в гражданской процессуальной форме допустимы лишь при условии обеспечения более эффективной судебной защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и организаций. Другие интересы, например, упрощение производства для самого суда, уменьшение расходов на правосудие, должны отступать на второй план» [2, с. 8].

Эта заманчивая в своей кажущейся безобидности и дешевизне попытка ограничивать реформирование правосудия одной технической стороной, кото-

рая вроде бы в итоге должна привести к коренному изменению в лучшую сторону и системных качеств правосудной деятельности, в действительности таит в себе серьезную опасность: «...техническое правоведение завершается в формуле: право – это власть. Эта истина не нова. Открыли ее софисты. Однако в новые времена это было также результатом влияния естествознания, которое поколебало веру в обязывающую объективность ценностей и заменило ее прагматично-технократическим пониманием мира и науки. Опыт тоталитарных государств, современного административного перфекционизма и естествознания, которое тоже не страшится экспериментов над людьми, умножают голоса противников, предостерегающих от чересчур безудержной технической юриспруденции» [13, с. 10].

В данном случае, внося изменения в одни процессуальные нормы, законодатель оставил без внимания другие, которые, на наш взгляд, явно требовали законодательного вмешательства, т.к. являлись и являются звеньями одной цепи. Таким образом, в некоторых случаях имели место отступления от комплексного подхода к реформированию судебной системы. И что важно, среди последних были нормы, регулирующие участие прокурора в гражданском процессе.

Не вдаваясь глубоко в изложение вопроса о развитии института участия прокурора в гражданском процессе, следует все же напомнить, что в области надзора за законностью не только судебных актов, но и судебной процессуальной деятельности в целом, когда объектом надзора выступает гражданское судопроизводство как таковое [1, с. 3], полномочия прокурора в современном гражданском процессе значительно сузились. На сегодняшний день участие прокурора обусловлено и ограничено прежде всего его главной задачей, закрепленной в статье 1 ФЗ РФ «О прокуратуре РФ», надзором за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзором за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Вступление прокурора в гражданский или арбитражный процесс, а в значительной мере и в административное судопроизводство направлено на обеспечение баланса публичных и частных интересов и призвано гарантировать реализацию принципа равенства сторон. Участвуя в гражданском процессе, прокурор защищает субъективные права и законные интересы так называемой «слабой стороны». На первом плане при этом стоит задача сохранения вышеуказанного баланса: с одной стороны, не вмешиваться в частные интересы и не осуществлять надзор за судебной деятельностью, с другой – способствовать укреплению законности и защите прав и интересов лиц, не имеющих возможности самостоятельно осуществлять свою защиту в судах.

Формы участия прокурора в гражданском процессе, обозначенные в статье 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), показывают, каким именно образом прокурор может вступить в гражданский процесс и принять в нем участие. На сегодняшний день возможны два варианта: либо обращение в суд первой инстанции с заявлением, либо вступление в уже начавшийся процесс с целью дачи заключения по делу. Более детально данный вопрос изложен в Приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 июля 2017 г. № 475 «Об обеспечении участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве».

В действующем ГПК РФ приведен исчерпывающий перечень субъектов, в интересах которых прокурор может обращаться с заявлением в суд: граждане, неопределенный круг лиц, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования. Судебная защита прав коммерческих организаций по заявлению прокурора в гражданском процессе невозможна. Причем, защищая права и свободы гражданина, прокурор имеет право инициировать гражданский процесс путем подачи заявления только в том случае, когда самому гражданину самостоятельно это сделать невозможно или крайне затруднительно в силу ряда уважительных причин (недееспособности, возраста или состояния здоровья и т.д.).

В 2009 году статья 45 ГПК РФ пополнилась перечнем категорий гражданских дел, затрагивающих важнейшие конституционные права и свободы граждан, по которым у прокурора появилась возможность инициировать гражданский процесс в защиту прав и свобод граждан без вышеуказанных уважительных причин, но при условии обращения самих граждан за помощью к прокурору. Таким образом, на сегодняшний момент можно выделить два основания участия прокурора в гражданском процессе посредством предъявления им иска (подачи заявления) в защиту прав граждан. Первое связано с невозможностью гражданина самостоятельно обратиться в суд, а второе независимо от наличия либо отсутствия у него такой возможности связано с определенной категорией гражданских дел, а именно с защитой социальных прав, свобод и законных интересов в сфере трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, с защитой семьи, материнства, отцовства и детства, с социальной защитой, включая социальное обеспечение, с обеспечением права на жилище в государственном и муниципальном жилищных фондах, с охраной здоровья, включая медицинскую помощь, с обеспечением права на благоприятную окружающую среду, образование.

Разумеется, это исключает возможность принятия прокурором произвольного решения об обращении в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Решение о подаче заявления в суд принимается им в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства. В заявлении, предъявленном прокурором в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований или в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, указывается, в чем конкретно заключаются их интересы, какое право нарушено, а также должна содержаться ссылка на закон или иной нормативный правовой акт, предусматривающие способы защиты этих интересов [7].

Стоит заметить, что уже после возбуждения гражданского дела в суде по инициативе самого гражданина или иного заинтересованного лица, имеющего право рассчитывать на защиту своих интересов в суде по заявлению прокурора, участие прокурора в гражданском процессе в соответствии с законом является недопустимым (в подобных случаях прокурор не имеет право принимать участие ни в суде первой инстанции, ни апелляции, ни кассационной, ни надзорной инстанциях; участие прокурора в стадии пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, а также в исполнительном производстве тоже, соответственно, исключено).

Статья 131 ГПК РФ предусматривает возможность подачи искового заявления посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Это большой технический прорыв в области доступности правосудия.

Но «вот только приравнивание доступности исключительно к информационным технологиям и условиям работы судов вызывает возражения» [9, с. 13]. Подача искового заявления является не самым трудоемким и сложным этапом в процессе защиты прав и законных интересов в суде. Сложная процедура судебного следствия и доказывания, усилия по обеспечению вынесения законного и обоснованного решения судом, обжалование его в судах вышестоящих инстанций требуют гораздо больше материальных, финансовых, физических и психологических затрат, не говоря уже о потерях времени. А иногда и исполнение судебного решения занимает гораздо больше времени и требует большего личного участия взыскателя, чем получение самого судебного акта.

Отсутствие в таких случаях у прокурора возможности вступить в уже начавшийся процесс обеспечивает доступность правосудия, ограничивает право на получение квалифицированной юридической помощи.

Из всей совокупности условий, которые определяют доступность правосудия применительно к рассматриваемому вопросу, необходимо выделить следующие: (1) гарантия на судебную защиту прав и свобод (статья 46 Конституции); (2) гарантия на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48 Конституции); (3) разумные пределы судебных расходов по делу. В связи с этим Л.А. Терехова, например, говоря о доступности правосудия, указывает на то, что таковая не является статичной величиной, ее невозможно достигнуть «раз и навсегда», разрешив все проблемы [9, с. 12]. Если это справедливо, оснований для иного вывода мы пока установить не можем, то при любых изменениях и дополнениях, вносимых в ГПК РФ, следовало бы с учетом значения комплексного подхода для поддержания уровня доступности правосудия всегда обращать внимание и на те взаимосвязанные положения, которые требуют корректировки в связи с вводимыми новациями.

На сегодняшний день в литературе уже было высказано предложение по поводу совершенствования форм участия прокурора в гражданском процессе. Одним из аргументов является наличие такой юридической конструкции в арбитражном процессе, что, собственно, должно способствовать общему процессу унификации цивилистических судопроизводств. Так, в статье 52 АПК РФ закреплена особая форма участия прокурора, не имеющая аналога в гражданском процессе. Кроме инициативы возбуждения гражданского дела, прокурор также имеет право вступить в арбитражный процесс на любой стадии независимо от участия в суде первой инстанции в целях обеспечения законности. Естественно, его участие в данной форме ограничено определенной категорией гражданских дел.

Так, Г.И. Залюкова предлагает внести изменения в «...ст. 45 ГПК РФ, а также в нормы особенной части ГПК РФ, допускающие возможность вступления прокурора в процесс на стадиях апелляционного, кассационного и надзорного производств (ст.ст. 320, 376, 391.1 ГПК РФ), а также в иных случаях пересмотра судебных актов (ст.ст. 200, 223, 237, 394 ГПК РФ) тогда, когда он не являлся участвующим в деле лицом при рассмотрении и разрешении данного дела судом первой инстанции» [3, с. 21].

Однако не следует забывать, что безосновательное расширение полномочий прокурора в гражданском процессе может привести к нарушению принципа процессуального равенства (равноправия) сто-

рон, закрепленного в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Суть данного принципа выражается в установленных законом равных возможностях сторон на защиту своих прав, свобод и законных интересов. Ни одна из сторон не должна пользоваться каким-либо преимуществом перед другой. Поэтому участие прокурора в защите прав одного гражданина (истца) не должно никоим образом ущемлять права другого (ответчика). Необходимо соблюдать баланс в реализации процессуальных прав и несении определенных обязанностей сторонами.

Таким образом, не стоит забывать, что при обращении прокурора в суд с исковым заявлением последний освобождается от всех судебных расходов, соответственно, и у истца в данном случае не возникает процессуальной обязанности по уплате государственной пошлины и обязанности по несению судебных издержек по делу. Прокурор не обязан соблюдать претензионный порядок урегулирования спора, к нему не может быть предъявлен встречный иск, он обязан доказать все факты, подлежащие доказыванию, причем сбор доказательств у него не вызывает особых затруднений. Кроме того, возможность вступления прокурора в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях по собственной инициативе может возродить функцию прокурорского надзора за судебной деятельностью. Поэтому, придерживаясь точки зрения Д.А. Туманова о том, что «субъективное право должно ставиться в приоритет даже над правопорядком» [10, с. 60], следует в целом поддержать предложения Г.И. Залюкаевой с одной лишь оговоркой, имеющей, по нашему мнению, существенное значение: допустить возможность участия прокурора в гражданском процессе после возбуждения гражданского дела по инициативе граждан, имеющих право на защиту своих интересов в суде прокурором, начиная со стадии подготовки гражданского дела в суде первой инстанции, заканчивая стадией исполнения судебного постановления, но только по заявлению таковых граждан.

Однако опасность эту не следует и преувеличивать. Ничем не ограничиваемое формальное равенство в процессе способно усугублять проблему экономического неравенства в материальных правоотношениях. С древнейших времен проблема защиты неимущих классов путем обеспечения для них доступности правосудия считалась средством сохранения социального мира. Р. Иеринг в своем очерке «Богатство и бедность в древнеримском гражданском процессе» более чем убедительно показал, что правосудие по гражданским делам всегда развивалось как компромисс между принципом недопустимости вмешательства в частные дела (процессуальное равенство сторон) и обеспечением доступности правосудия [12, с. 211].

На сегодняшний день такое расширение участия прокурора в гражданском процессе может помочь решить еще одну важную задачу гражданского судопроизводства. А именно получение физическим лицом квалифицированной юридической помощи в защите своих прав, которую своими силами он осуществить не может, а помощь получить оказывается не в состоянии. Так, законодатель, не решившись закрепить монопольное участие в гражданском процессе профессиональных (квалифицированных) представителей (лиц, имеющих высшее юридическое образование), все же существенно ограничил участие в нем «простого» представителя.

Участие прокурора в гражданском процессе на современном этапе остается необходимым и востребованным. Но такое участие, с одной стороны, должно быть сбалансированным, не нарушать принципы гражданского процесса и соответствовать нормам международного права. А с другой стороны, позволять прокурорам эффективно осуществлять свои функции общего надзора за соблюдением прав и свобод граждан, защитой общественных и государственных интересов в суде общей юрисдикции.

Еще одной из новелл гражданского процесса стало появление введенной Федеральным законом от 18.07.2019 № 191-ФЗ главы 22.3 ГПК, регламентирующей защиту прав и законных интересов группы лиц.

Неоднозначно данное нововведение было воспринято научным сообществом и практикующими юристами. Мнения разнятся: от одобрительных, связывающих с ним появление еще одной формы защиты прав «слабой стороны», исключение возможности вынесения противоречивых решений по схожим ситуациям, усиление, наконец, начал социального государства; до негативных, мотивируемых сложностью процессуальной формы, которая не понятна простому истцу – обывателю, длительностью сроков рассмотрения, отсутствием мотивации для участия адвокатов по таким делам [11, с. 24-43].

Тем не менее окончательный приговор по этому вопросу выносить пока рано. Только практика покажет эффективность использования данного процессуального способа защиты прав и законных интересов группы лиц. Стоит только отметить, что законодатель обошел молчанием возможность участия прокурора по таким делам. Вряд ли на сегодняшний день можно утвердительно сказать, что прокурору в этом отношении дан «зеленый свет». Повод для этого не дает, в частности, редакция ч. 1 ст. 244.20 ГПК. Не случайно нет ни одного известного случая обращения прокурора в суд с групповым иском в порядке гражданского судопроизводства.

Можно, конечно, представить, что граждане в количестве 1+20 обратились к прокурору за защитой своих прав в сфере трудовых, социальных и

других указанных в исчерпывающем перечне части 1 статьи 45 ГПК РФ прав и законных интересов. И в таком случае, разумеется, у прокурора будет право на основании закона инициировать гражданский процесс. Однако в каком порядке? В порядке защиты прав соучастников или прав именно группы лиц? Глава 22.3 ГПК РФ устанавливает особый порядок рассмотрения гражданских дел о защите прав и законных интересов группы лиц. На наш взгляд, вряд ли прокурору дано право (без специальной оговорки в законе) инициировать такое производство. Ведь не зря законодатель в ч. 4 ст. 244.20 ГПК РФ такую возможность специально закрепил за органами, организациями и гражданами, имеющими право в соответствии со ст. 46 ГПК РФ защищать интересы других лиц. Какого-либо упоминания о прокуроре указанная глава не содержит.

Кроме того, в судебной практике до этого однозначно решался вопрос о невозможности защиты прокурором прав группы лиц, в отличие от защиты прав неопределенного круга лиц. Однако вопрос о том, чьи права нарушены в данном случае, решался исходя из конкретного гражданского дела. Так, в случае пересмотра судебных актов по заявлению прокурора в защиту интересов неопределенного круга лиц к акционерному обществу о понуждении проведения аттестации рабочих мест с последующей сертификацией работ по охране труда Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила определение об отказе в принятии заявления, посчитав доводы нижестоящих судов о том, что иск предъявлен прокурором в защиту интересов определенного круга лиц – работников АО, несостоятельным. По мнению Судебной коллегии, иск предъявлен в защиту неопределенного круга лиц, т.к. в результате текучести кадров и по другим причинам на одном и том же месте могут работать разные лица. При этом аттестация рабочих мест не связана с деятельностью конкретного работника, а направлена на обеспечение безопасных условий труда в целом. Такая аттестация проводится по условиям труда, это мероприятие призвано способствовать установлению безопасных условий труда на каждом рабочем месте всех работников, которые его занимают или будут занимать [5]. В другом случае решение суда первой инстанции по заявлению прокурора о понуждении ЖКУ к заключению договора на электроснабжение, поданного в интересах неопределенного круга лиц, было отменено судом второй инстанции, а производство по делу прекращено на том основании, что заявление было подано прокурором в интересах определенного круга лиц – граждан, проживающих в конкретных многоквартирных домах [6].

Как верно отметила И.Н. Лукьянова, «столь строгое толкование Верховным Судом РФ термина "не-

определенный круг лиц" при решении вопроса о полномочии прокурора предъявить иск в защиту интересов значительной группы лиц фактически оставляет без судебной защиты значительные группы лиц, обладающие единым или одинаковым интересом, так как организовать самостоятельно защиту своих интересов достаточно сложно, а указывать всех членов такой группы в исковом заявлении и привлекать их к участию в деле чрезвычайно трудоемко не только для прокурора, но и для суда. Вопрос о разработке концепции групповых исков в таком аспекте в гражданском процессе стоит значительно острее, чем в арбитражном» [4, с. 43]. На наш взгляд, при разрешении вопроса о возможности предъявления прокурором исковых заявлений в защиту прав значительной группы лиц, состав которой может меняться, в т.ч. и на момент подачи иска, и на момент вынесения судебного решения, хотя всегда будет персонифицированным, необходимо связывать с наличием публично-правового интереса, интереса, который соответству-

ет целям всего общества или значительной его части, закреплен в законе и соответствует ему. Поэтому участие прокурора в гражданских делах по групповым искам оправданно, но требует своего закрепления в нормах ГПК РФ. В связи с этим есть необходимость внесения дополнений в ст. 45 ГПК РФ в части предоставления прокурору возможности участия по делам о защите прав и законных интересов группы лиц, но только по тем категориям дел, которые строго оговорены в законе. А в части 4 статьи 244.20 ГПК РФ авторы предлагают закрепить право прокурора подавать заявление в защиту прав группы лиц.

Таким образом, взвешенное расширение полномочий прокурора в гражданском процессе будет способствовать реализации основных принципов гражданского процесса, закрепленных в Конституции РФ, таких как гарантия судебной защиты прав и свобод и получение квалифицированной юридической помощи. Но гораздо важнее то, что такие изменения будут служить целям правосудия в социальном государстве.

Литература

1. Аргунов В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе. М., 1991. 136 с.
2. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000. 320 с.
3. Залюкова Г.И. Унификация участия прокурора в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 26 с.
4. Лукьянова И.Н. Участие прокурора в гражданском деле и правовая определенность в современном российском гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 39-46.
5. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за IV квартал 2009 г. (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10 марта 2010 г.). Судебная практика по гражданским делам. П. 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 5.
6. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за II квартал 2012 г. (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 10 октября 2012 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 19.07.2016 № 1562-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Решетникова И.В. Новейшие изменения в арбитражном и гражданском процессуальном законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 2. С. 59-64.
9. Терехова Л.А. Некоторые аспекты доступности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 12-17.
10. Туманов Д.А. Участие в административном судопроизводстве прокурора, а также органов, организаций и граждан с целью защиты «чужих» интересов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 60-68.
11. Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д. и др. Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. № 8. С. 24-43.
12. Jhering Rudolf von. Scherz und Ernst in der Jurisprudenz: eine Weihnachtsgabe für das juristische Publikum. Leipzig: Druck und Verlag Breitkopf und Härtel, 1884. 211 s.
13. Stephanitz D. Exakte Wissenschaft und Recht. Der Einfluss v. Naturwiss. u. Mathematik auf Rechtsdenken u. Rechtswiss. in Zweieinhalb Jahrtausenden. Ein hist. Grundriss (Münsterische Beiträge zur Rechts- und Staatswissenschaft Ser. v.15). Berlin/Boston: De Gruyter, Inc, 2016.

УДК 346.3

В.Ю. Карпычев, доктор техн. наук, профессор

Приволжский институт повышения квалификации ФНС России

E-mail: kavlyr@yandex.ru;

М.В. Карпычев, канд. юрид. наук, доцент

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

E-mail: jurius-nn@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ: НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

В статье исследовано соответствие новелл Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса РФ» доктринальным представлениям о техническом облике и правовом режиме современной цифровой технологии – смарт-контракта.

Сделан вывод о существенном расхождении легатимизированных требований с возможностями существующих смарт-технологий. Предложены варианты устранения выявленных несоответствий.

Ключевые слова: смарт-контракт, самоисполняемый договор, цифровые права, правовое регулирование.

V.Yu. Karpychev, Doctor of Technical Sciences, professor

the FTS of Russia Training Institute

E-mail: kavlyr@yandex.ru;

M.V. Karpychev, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: jurius-nn@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF SMART CONTRACTS: NOVELTIES OF LEGISLATION AND TECHNICAL SOLUTIONS

The article examines the compliance of the novelties of the Federal Law № 34-FZ of March 18, 2019 amended Part One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation with doctrinal ideas about the technical appearance and legal regime of modern digital technology-smart contract.

It is concluded that the legitimized requirements differ significantly from the capabilities of existing smart technologies. Variants of elimination of the revealed discrepancies are offered.

Key words: smart contract, self-executing contract, digital rights, legal regulation.

Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей ГК РФ» (далее – Закон «О цифровых правах») урегулированы некоторые проблемные вопросы ведения договорной деятельности с использованием информационных технологий. В этой связи представляет теоретический и практический интерес исследование влияния этого закона на возможности и перспективы использования *смарт-контракта* (smart-contract, далее – S-контракт) – современного технико-правового феномена¹.

В технической и правовой специальной литературе предложено большое количество определений этого термина. Вся отечественная правовая литература отдает предпочтение определению S-контракта Н. Сабо: «цифровое представление набора обязательств между сторонами, включающее в себя протокол исполнения этих обязательств» [9]. Таким образом, по Н. Сабо, S-контракт представляет цифровое выражение текста договора и алгоритм его (само)исполнения.

Технически идея S-контракта достаточно успешно была впервые реализована на платформе Ethereum (Эфириум), принципиальной новацией которой было выполнение S-функций в среде блокчейна (БЧ). При этом Ethereum задуман как бизнес-проект, т.е. использование S-контракта сторонами договорной деятельности предполагается на возмездной основе.

Спецификация функционала и основных технико-правовых характеристик такого S-контракта отражается в следующем определении: S-контрактом может именоваться специализированное программное обеспечение (программа ЭВМ в значении ст. 1261 ГК РФ, ПО), содержащее элементы искусственного интеллекта (смарт) и предназначенное для поддержки экономической деятельности в части фиксации условий договора, автоматического их исполнения при реализации набора детерминированных условий и гарантированного хранения данных по исполненным договорам. Таким образом, термин S-контракт в данном контексте является ИТ-жаргонизмом и всего лишь указывает на возможное использование в договорных отношениях S-технологии (ИТ), реализованной в программном обеспечении с конкретным назначением и функциональной архитектурой [4, с. 106].

Доминирование Ethereum как наиболее отработанного средства реализации S-контракта сформировало вышеописанный обобщенный технический облик S-контракта и породило серьезную научную дискуссию о его месте в отечественном договорном праве. Прежде всего это выразилось в попытках определить правовую сущность S-контракта и отраз-

ить ее в определении. Для целей настоящей статьи приведем в некотором роде итоговое определение, предложенное в проекте Федерального закона «О цифровых финансовых активах», которое, на наш взгляд, также достаточно отчетливо отражают технико-правовую природу S-контракта на платформе Ethereum: «смарт-контракт – это договор в электронной форме², исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций (*блокчейне*³ – авт.) в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [7].

Для установления взаимовлияния правовых и технических характеристик S-контракта рассмотрим упрощенный функционал Ethereum и определим его соответствии Закону «О цифровых правах».

Смарт-функция. Будем понимать под *фиксацией* условий договора представление сформулированных на естественном языке условий договора и обязательств сторон в электронном виде. В общем случае в договорах можно выделить три группы условий⁴, имеющих значение для программной реализации.

Существенные условия (данные) в смысле ст. 432 ГК РФ. Концепция Ethereum не предусматривает работу с такими условиями (данными). Тем не менее при разработке S-контракта они могут быть включены в тело программы (представлены некоторым количеством переменных), хотя и не требуются для ее работы. Необходимость такого решения обусловлена общим требованием к договорам о включении в них всех существенных условий.

Далее при компиляции исходных кодов S-контракта в БЧ существенные условия становятся практически нечитаемыми. Последнее означает невозможность выполнения Закона «О цифровых правах» в части обеспечения воспроизведения на материальном носителе в неизменном виде содержания сделки (п. 1 ст. 160 ГК РФ).

Особым существенным условием в данном контексте является предмет договора. Закон «О цифровых правах» вводит в ГК РФ понятие *цифровые права* – обязательственные и иные права (ст. 141.1 ГК РФ), которые, как представляется, и будут основным предметом S-контрактов. Для распоряжения цифровыми правами (деньгами) в Ethereum предусмотрен специальный функционал (кошелек).

² Современные представления об электронном договоре представлены в работе [1].

³ Отметим, что в определении Н. Сабо отсутствует упоминание БЧ-технологии.

⁴ В настоящей статье третью группу условий – *неформализуемые условия* – не рассматриваем. Подробнее см. [4].

¹ Отечественное законодательство термином смарт-контракт не оперирует.

«Условные» условия (не тавтология), как правило, входят в любой договор и связаны с определенными событиями (например, наступление момента времени) или действиями, по совершении которых стороны должны выполнить договорные обязательства.

Формализация таких условий – достаточно сложная техническая и новая для юриспруденции задача, которая заключается в автоматизации выявления фактов возникновения предопределенных условий договора и выполнения соответствующих обязательств.

Для формализации таких условий в Ethereum (язык Solidity) используется логическая конструкция «Если... И..., То..., Иначе...», которая и придает работе S-контракта смарт-эффект, т.е. некоторое человекоподобное функционирование.

Включение в алгоритм S-контракта блока логических правил «Если... То...» реализует функцию автоматической активации S-контракта при наступлении предопределенных событий в информационной системе и окружающей среде. Эта возможность позволяет интерпретировать S-контракт как *самоисполняемый*¹ договор, т.е. договор, в котором исполнение сторонами обязательств осуществляется «при наступлении определенных обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения определенных условиями сделки информационных технологий» (ч. 2 ст. 309 ГК РФ).

Дополнительным следствием формализации договора является повышение его определенности, четкости формулировок и, соответственно, снижение необходимости его толкования (ст. 431 ГК РФ).

Блокчейн-технология S-контракта. Полная архитектура S-контракта по версии Ethereum включает также технологию распределенного реестра (БЧ) данных всех транзакций (исполнения обязательств), выполняемых программой. В данной статье БЧ рассматривается как «многофункциональная и многоуровневая информационная технология, предназначенная для надежного учета различных активов» [5]. Наличие БЧ-функционала прямо предусмотрено в проекте Федерального закона № 419059-7.

Также БЧ обеспечивает уникальные потребительские свойства (характеристики) S-контракта (неизменность, децентрализация, анонимность, доступность, защищенность и др.) [5, 6], некоторые из них позволяют реализовать оригинальные договорные характеристики.

В частности, невозможность изменения S-контракта в силу специфики хранения информации в БЧ может быть гарантией от одностороннего изменения обязательств, но при этом исключает легитимное внесение изменений в S-контракт или

расторжение его в одностороннем порядке. Практически по договоренности сторон S-контракт может быть «брошен», например, только путем вывода денежных средств из кошелька одной из сторон (проверить возможность). Дальнейшее урегулирование отношений сторон может происходить уже вне рамок S-контракта.

В целом характеристики S-контракта, обеспечиваемые БЧ, с гражданско-правовой точки зрения имеют весьма неоднозначную оценку. Рискнем предположить, что именно это обстоятельство явилось одной из причин отсутствия в Законе «О цифровых правах» регулирования БЧ-технологии.

Еще одним важным с правовой точки зрения свойством S-контракта в соответствии с Законом «О цифровых правах» должно стать предоставление возможности третьим лицам (суду) достоверно определять авторство лица, заключившего контракт (выразившего волю).

По общему правилу выполнение требования достоверного установления авторства сторон обеспечивается усиленной электронной подписью (подп. 2 п. 3 ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»). Закон о цифровых правах повышает вариативность требований законодательства о наличии подписи, допуская использовать «любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю».

Рассмотрим, как отвечает данному требованию S-контракт на платформе Ethereum. В Ethereum решается задача предоставления доступа к S-контракту в рамках процесса создания *внешней учетной записи* (Externally owned account, EOA), которая в том числе содержит публичный и приватный ключи [3, с. 36]. Создание EOA выполняется средствами клиента Ethereum (специальной программой – кошельком). Видимо, с гражданско-правовой точки зрения по умолчанию можно предполагать, что лицо, создавшее EOA (подписавшее S-контракт), действует по своей воле и в своих интересах.

Далее функционал Ethereum производит криптографическое преобразование EOA и транзакций с последующей записью в БЧ.

С рядом оговорок предложенный в Ethereum алгоритм можно рассматривать как механизм создания своеобразной электронной подписи. При этом техническая концепция децентрализованной (самоуправляемой) платформы Ethereum ограничивается *анонимной идентификацией* (без аутентификации) лица, создавшего EOA, и не предполагает участия в какой-либо форме третьих лиц в процессе работы с EOA. Поэтому штатная функциональная архитектура Ethereum не позволяет «достоверно определить лицо, выразившее волю» (требование п. 1 ст. 160 ГК РФ). Другими словами, S-контракт на платформе

¹ Термин используется в п. 1.2 проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» [8].

Ethereum не отвечает требованиям отечественного законодательства.

Рассмотренное требование законодательства может быть обеспечено применением усиленной электронной подписи в соответствии с федеральным законом «Об электронной подписи», что, в свою очередь, требует разработки специальной программы-кошелька, совместимой с Ethereum.

Применение усиленной электронной подписи также обеспечивает невозможность отказа сторон (условие *неотказуемости*) от авторства S-контракта.

Исходя из вышеизложенного, представляется технически труднореализуемым создание S-контрактов на существующих платформах (Ethereum) в части ответственности действующему законодательству.

Важными, позитивными, на наш взгляд, и взаимосвязанными особенностями Закона «О цифровых правах» являются:

- отказ от использования термина *смарт-контракт*;

- отсутствие упоминания в законе технологии БЧ.

В Законе «О цифровых правах» акцент сделан на сущностной с точки зрения гражданского права характеристике – самоисполняемости договора, хотя этого термина законодатель также не употребляет.

Легитимизация самоисполняемых договоров с технологической точки зрения означает возможность использования S-функционала S-контрактов без БЧ. С одной стороны, это существенно облегчает

разработку и последующее использование самоисполняемых договоров. С другой стороны, исключает многие характеристики S-контрактов, обеспечиваемых БЧ.

При этом законодательство не запрещает использование S-контрактов с «классическим» (с БЧ) функционалом.

Поэтому в случае использования таких платформ может быть применена модель регулирования отношений, аналогичная регулированию обязательств из игр и пари (п. 2 ст. 1062 ГК РФ), т.е. отказ в судебной защите по требованиям, связанным с использованием S-контрактов.

Решением данной проблемы может быть разработка отечественных платформ, отвечающих законодательству.

Также учитывая ряд организационных и экономических аспектов [2, с. 1480] использования концепции S-контрактов, полагаем, что наибольшую востребованность приобретают S-контракты в массовых простых сделках, обычно оформляемых в настоящее время типовыми договорами. Технологическим обеспечением таких S-договоров могут быть специализированные оболочки, шаблоны, созданные для конкретных договорных отношений, т.е. программный продукт, позволяющий пользователю не проводить программирование, а только формализовать и вводить данные, используя предоставленные оболочкой возможности.

Литература

1. Ефимова Л.Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 84-90.
2. Карпычев В.Ю. Использование смарт-контрактов в договорной деятельности: транзакционные издержки и ограничения // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18. Вып. 8. С. 1478-1493.
3. Карпычев В.Ю. Функциональная модель смарт-контракта на платформе Ethereum // Труды НГТУ. 2019. № 2. С. 34-40.
4. Карпычев В.Ю., Карпычев М.В. Смарт-контракт: перспективы роботизации договорного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2. С. 104-109.
5. Свон М. Схема новой экономики. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 224 с.
6. Тапскотт Д. Технология блокчейн. То, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эксмо, 2017. 560 с.
7. Законопроект № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=419059-7>.
8. Паспорт национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"»: утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
9. A Formal Language for Analyzing Contracts / Nick Szabo. 2002. URL: <http://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/contractlanguage.html>.

УДК 347.214.22

А.В. Панчук

аспирант Алтайского государственного университета

E-mail: panchukanton1836@yandex.ru

ПОНЯТИЕ НЕДВИЖИМОСТИ В ДОКТРИНЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Понятие недвижимости давно является предметом различных дискуссий, т.к. это значимый социальный объект, имеющий высокую экономическую ценность. В научном сообществе нет единой позиции о том, что такое недвижимость и как его определить в массиве остальных вещей, участвующих в гражданском обороте. В настоящее время вопрос о несформированной четкой дефиниции недвижимого имущества в науке гражданского права был поставлен достаточно давно и периодически воспроизводится в трудах различных ученых. И хотя суды и другие правоприменители пытаются дать ответ на этот вопрос с помощью выработки различных методик и рекомендаций, эти позиции государственных органов основаны на сложившейся судебной практике, которая допускала ошибки при идентификации объекта как недвижимой вещи. Таким образом, без четкого нормативного закрепления невозможно говорить о дальнейшем совершенствовании гражданского законодательства и правильном решении споров об относимости каких-либо вещей к недвижимости и распространении на него соответствующего правового режима. Полагаем, что на сегодняшний день возникла необходимость определить как существенные признаки недвижимой вещи, так и концепцию понимания недвижимости, в русле которой и следует развивать данный институт гражданского права.

Ключевые слова: недвижимость, гражданский оборот, государственная регистрация, земельный участок, тесная связь с землей, самостоятельное назначение, кадастровый учет, единый государственный реестр недвижимости.

A.V. Panchuk

postgraduate student of Altai State University

E-mail: panchukanton1836@yandex.ru

THE CONCEPT OF REAL ESTATE IN DOCTRINE, LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

The concept of real estate has long been the subject of various discussions, as it is a significant social object, and it has high economic value. There is not single position on what real estate is and how to determine it in the array of other things involved in civil circulation in the scientific community. At present, the question of an unformed clear definition of real estate in civil law science has been posed for a long time and is periodically reproduced in the works of various scientists. And although the courts and other law enforcement agencies are trying to answer this question by developing various methods and recommendations, these positions of state bodies are based on prevailing judicial practice, which made mistakes in identifying the property as an immovable. Thus, it is impossible to talk about the further improvement of civil legislation and the correct resolution of disputes about the relevance of certain things to real estate and the extension of the corresponding legal regime to it without a clear regulatory reinforcement. We believe that today there is a need to determine both the essential features of an immovable and the concept of understanding real estate, in line with which it is necessary to develop this institution of civil law.

Key words: real estate, civil circulation, state registration, land plot, close connection with land, independent appointment, cadastral registration, unified state register of real estate.

Сложившееся на сегодняшний день понимание недвижимого имущества носит скорее рамочный характер. Установленный законодательством признак тесной связи с землей вмещает в себя как прямо указанные в законе объекты незавершенного строительства, машино-места, так и находившие себе место в этом ряду благодаря правоприменительной практике заборы, стадионы, лифты и другие объекты. Внесение подобных объектов в число недвижимого имущества, на наш взгляд, не отражает существа такой сложной категории, как недвижимая вещь, а скорее удовлетворяет потребность гражданского оборота на конкретный период времени. Это касается объектов незавершенного строительства и машино-места. Забор, лифт, стадион и другие объекты недвижимости, по мнению правоприменителей, становятся таковыми в результате попытки соотнести признаки, установленные в законе с физическими признаками объектов. Правоприменительная практика показала, что одних физических характеристик недостаточно, однако взамен был предложен один, существенно новый, но не бесспорный юридический признак недвижимой вещи.

Р.С. Бевзенко считает, что недостатки в определении вещи в качестве недвижимой кроются в ст. 130 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [4], в содержании которой выделяются в качестве таковой земельные участки и приравнивается к ним то, что находится над или под земельным участком [3, с. 6].

Однако достаточно обоснованную критику в толкование Р.С. Бевзенко статьи 130 ГК РФ вносит В.А. Алексеев. Критике подвергается мнение о возможности восприятия норм ГК РФ в рамках концепции единого объекта недвижимости. Для этого необходимо надлежащим образом прочитать ст. 130 ГК РФ: недвижимость – это земельный участок «и» неразрывно связанный с ним объект.

Однако В.А. Алексеев считает, что это ни что иное как манипуляция с текстом, что позволяет извлечь содержание, которое не вкладывалось в соответствующую норму права [2, с. 26].

Как замечает Р.С. Бевзенко, правоприменительная практика не созрела до «такого изящества в интерпретации предельно тонко написанного текста Кодекса» [3, с. 30]. Напротив, большинство ученых, в т.ч. и В.А. Алексеев, небезосновательно полагают, что из буквального толкования ст. 130 ГК РФ не являются составными частями земельного участка объекты незавершенного строительства, здания и другие объекты, указанные в данной статье [2, с. 26].

Необходимо отметить, что в доктрине и правоприменительной практике роль государственной регистрации прав не является одной из ключевых в данной дискуссии о природе недвижимой вещи.

Е.А. Суханов придерживается позиции, согласно которой только после государственной регистрации прав на недвижимую вещь она появляется в обороте. Это обусловлено необходимостью обеспечить безопасность оборота таких объектов [15, с. 91-92].

Однако остается вопрос о правовой природе такого объекта до государственной регистрации.

Ранее Е.А. Суханов признавал ее движимой вещью [16, с. 4], В.В. Чубаров – совокупностью вещей, которая по своим качественным характеристикам, возможно, напоминала недвижимую вещь [18, с. 80]. Теперь же сторонники данной концепции считают, что такой объект, «напоминающий недвижимую вещь», является частью определенного земельного участка.

В подтверждение данной мысли можно привести позицию Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) [9]. Собственник земельного участка в силу ст. 304, 305 ГК РФ обладает субъективным правом на защиту и устранение препятствий в пользовании построенным зданием, которое по существу является частью земельного участка. Стоит заметить, что целью определения здания к земельному участку как составной части участка является предоставление права на защиту здания.

Однако Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) опроверг регистрационную концепцию, указав, что для признания недвижимой вещи таковой не является обязательным условием государственная регистрация права на нее, т.к. в силу своих природных свойств вещь уже является недвижимой [10], что с сожалением признал и сам Е.А. Суханов [15, с. 91-92].

На данный момент в правоприменительной практике такие признаки, как разрешение на строительство, проведение кадастровых работ, имеют косвенное значение при определении вещи недвижимостью, как и государственная регистрация недвижимости.

Потребность в надлежащем понимании недвижимой вещи заключается в ошибочной, на наш взгляд, государственной регистрации таких недвижимых вещей, как футбольное поле [12], заборы [13], оросительные системы и т.п. Такая же проблема возникает с поверхностными «улучшениями» земельных участков, как, например, асфальтовое или бетонированное покрытие [14], песчаная насыпь. Данные объекты неразрывно связаны с земельным участком и формально, по смыслу ст. 130 ГК РФ, но данного признака недостаточно для того, чтобы признать такие объекты недвижимостью.

Л. Лапач предложил такой признак недвижимого имущества, как самостоятельное значение в обороте. Опираясь на ниже приведенную судебную практику, он замечает, что в случае отсутствия у объекта самостоятельного функционального назначения, он не признается недвижимостью. Соответствующие

строения и сооружения являются модернизацией, улучшением земельного участка, т.к. они возведены именно для его обслуживания [6, с. 58].

В случае возникновения вопроса о принадлежности вещи к недвижимости суду необходимо выявить несколько обстоятельств для определения недвижимости:

1) имеется ли признак неразрывной связи объекта с земельным участком;

2) если данный признак присутствует, то:

- является ли его целью удовлетворение нужд пользователя земельного участка и находится ли спорный объект внутри границ земельного участка;

- имеется ли самостоятельное назначение в обороте у спорного объекта, отличное от назначения земельного участка.

Впервые данный тест был применен Президиумом ВАС РФ [16]. В качестве спорных объектов выступали системы подземных труб, надземных канав и цементных лотков, которые были признаны составной частью земельного участка. Они расположены внутри границ земельного участка и предназначены строго для обслуживания интересов собственника земельного участка.

Президиум ВАС РФ последовательно и аналогично решил вопрос и при рассмотрении других дел. Такой объект, как футбольное поле, в отношении которого осуществлялась регистрация прав, был признан составной частью земельного участка. Являясь качественным улучшением земельного участка, оно необходимо для удовлетворения нужд собственника и, соответственно, не имеет самостоятельного назначения в гражданском обороте [17]. Забор, ограждающий земельный участок, не имеет самостоятельного назначения и предназначен для того, чтобы обслуживать интересы собственника земельного участка [18].

В подтверждение и в развитие указанной позиции в научной литературе был более подробно обоснован признак самостоятельного назначения в гражданском обороте.

В.А. Алексеев считает, что такие объекты вообще вещами не являются, тем более недвижимостью. Такие объекты и есть земельный участок, а точнее улучшения, которые изменяют качественные характеристики земельного участка. Он (участок) может быть обнесен забором, заасфальтирован или каким-то иным образом благоустроен, но несмотря на эти улучшения и усовершенствования, это по-прежнему одна недвижимая вещь – земельный участок.

Также не считаются отдельными самостоятельными вещами внутренние сети водоснабжения, канализации здания; строительные материалы как отдельные вещи в составе здания. Мы воспринимаем это не как совокупность вещей в понимании составной вещи, а как, например, двухэтажный дом с системой канализации и водоснабжением [1, с. 151].

Вопрос о понятии недвижимости многогранен, носит как теоретическое, так и практическое значение. Подходы судов являются формальными и, к сожалению, приводят к несправедливым решениям, в силу чего сложившиеся позиции судов приходится корректировать вышестоящими инстанциями. Определение недвижимости правоприменителем в каждом конкретном случае требует правильного толкования как нормативных-правовых актов, так и позиции вышестоящих инстанций. ЕГРН не является достоверным источником в отношении сведений о квалификации объекта как недвижимости и практически игнорируется судебной практикой. При этом, по мнению А.А. Чеснокова, именно в публичной регистрации недвижимости проявляются ее важнейшие свойства – высокая ценность, социальная значимость, легкость нахождения и идентификации, а также взаимосвязь с базовыми интересами граждан и организаций [20, с. 173].

По сути, мы приходим к пониманию недвижимости Е.А. Суханова: после регистрации права на недвижимость она становится видна гражданскому обороту, является «идеалом, к которому стоит стремиться». Загвоздкой является то обстоятельство, что решение правовой проблемы квалификации объекта как недвижимости при таком подходе ложится на кадастрового инженера и государственного регистратора недвижимости. Конечно, исполнительные органы государственной власти частично решают эту проблему в отношении отдельных объектов в письмах и методических рекомендациях [21] для ниже стоящих органов, но опять же основываясь на сложившейся судебной практике. Полагаем, что решением данной проблемы будет внесение изменений в гражданское законодательство с указанием, наряду с уже имеющимися признаками, признака самостоятельного назначения. Лишь после такой «двухэтапной фильтрации» объектов, не являющихся недвижимостью или вообще самостоятельной вещью, такой объект подлежит государственной регистрации и, соответственно, признается недвижимым имуществом.

Литература

1. Алексеев В.А. Является ли самостоятельность в обороте критерием отнесения имущества к недвижимому? // Закон. 2015. № 9. С. 150-155.

2. Алексеев В.А. Правовой статус недвижимой вещи до государственной регистрации права на нее // Нотариус. 2018. № 7. С. 23-27.

3. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М.: М-Логос, 2017. 80 с.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 12.05.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.01.2013 № 153 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Лапач Л.В. Спорная недвижимость – некоторые вопросы теории и практики // Хозяйство и право. 2014. № 12. С. 62.
7. Письмо Федеральной налоговой службы России от 30.07.2019 № БС-4-21/14997 // Нормативные акты для бухгалтера. 2019. № 17.
8. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 01.04.2016 по делу № А43-16704/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 24.10.2018 № Ф08-9047/2018 по делу № А32-52683/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.10.2019 № Ф09-6410/19 по делу № А76-31010/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.01.2012 № 4777/08 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.09.2013 № 1160/13 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Президиума ВАС РФ от 28.05.2013 № 17085/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Суханов Е.А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.
16. Суханов Е.А. О понятии недвижимости и его влиянии на иные гражданско-правовые категории // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 11.
17. Чесноков А.А. Публичность имущественного реестра как гарантия безопасности добросовестного приобретателя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3. С. 171-176.
18. Чубаров В.В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М.: Статут, 2006. 333 с.

УДК 349.2

Д.А. Шапортов

Московский государственный юридический университет (МГЮА) имени О.Е. Кутафина

E-mail: dima_shaportov@mail.ru

ПРАВОМЕРНОСТЬ УВОЛЬНЕНИЯ РАБОТНИКА ЗА ПРОГУЛ ПРИ НЕСВОЕВРЕМЕННОМ ЗАКРЫТИИ БОЛЬНИЧНОГО

Вопросы защиты интересов работника всегда были и остаются актуальными для правоохранительных органов Российской Федерации. Данная статья посвящена анализу возможности работодателя уволить работника за прогул при неявке последнего в назначенный срок на врачебный осмотр. Несмотря на то что институт дисциплинарной ответственности был создан, чтобы обеспечить работодателя механизмом воздействия на недобросовестных работников, в настоящее время вопрос о правомерности увольнения работника по инициативе работодателя в случае его неявки к врачу является очень дискуссионным. Автором статьи обозначены различные точки зрения по данной проблеме, а также приведены собственные выводы на основе проведенного анализа позиций административных и судебных органов различных регионов России. На данный момент в российском законодательстве отсутствует презумпция отсутствия заболевания у работника при несвоевременном закрытии больничного листка. Однако анализ судебной практики позволяет сделать вывод о сложившейся правовой позиции судов о наличии такой презумпции и соответствующего права у работодателя.

Ключевые слова: трудовое право, просроченный листок нетрудоспособности, правомерность увольнения, прогул.

D.A. Shaportov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

E-mail: dima_shaportov@mail.ru

LEGALITY OF DISMISSAL OF EMPLOYEE FOR UNEXCUSED ABSENCE IN CASE OF UNTIMELY CLOSURE OF A SICK LEAVE

The issue of employees' rights protection has always been and remains actual for the law enforcement bodies of the Russian Federation. This article is devoted to the analysis of employer's right to dismiss his/her employee for unexcused absence, if the latter has not visit doctor on time. Despite the fact that the institution of disciplinary responsibility was created to provide the employer with a mechanism of influence on his/her unscrupulous employees, the legality of dismissal of an employee at the initiative of an employer in case of his/her failure to visit a doctor is really controversial now. The author of the article shows various points of view on this issue and presents his own conclusion based on the analysis of views of administrative and judicial authorities acting in different Russian regions. In the Russian legislation there is not a presumption of the fact, that an employee is not ill, if his/her sick leave is expired. However, the analysis of judicial precedents shows that such legal rule acts and that an employer is entitled to dismiss his/her employee in this case.

Key words: employment law, expired sick leave, legality of dismissal, unexcused absence.

Трудовое законодательство устанавливает гарантии работнику на случай его временной нетрудоспособности: обязанность работодателя выплачивать работнику пособие (ст. 183 Трудового кодекса Российской Федерации [16] от 30.12.2001 № 197-ФЗ (далее – ТК РФ)), право работника на продление ежегодного оплачиваемого отпуска (ст. 124 ТК РФ) и т.д. Однако некоторые работники пытаются воспользоваться этими гарантиями, не имея на то должных оснований.

Проблема заключается в том, что в ТК РФ установлен запрет на увольнение работника в период его временной нетрудоспособности (ч. 6 ст. 81 ТК РФ), но нет разъяснений по поводу восстановления трудоспособности при нарушении срока явки к врачу на врачебный осмотр. Получается так, что если работник приходит на приём позже назначенного срока, то врач указывает в больничном листке «явился трудоспособным» (код «З6»), однако факт наличия заболевания у работника до приёма доктором не рассматривается. Действует ли в этом случае презумпция отсутствия заболевания у работника? Вправе ли работодатель уволить такого работника за совершение прогула?

В данной статье будет рассмотрен вопрос о законности квалификации периода времени между днём неявки работника без уважительных причин в назначенный срок на врачебный осмотр (не включая этот день) и днём несвоевременной явки на приём к врачу уже трудоспособным (включая этот день) в качестве прогула; а также будет проанализирована соответствующая судебная практика.

Согласно подп. «а» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ под прогулом понимается отсутствие работника на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены) независимо от его (ее) продолжительности, а также отсутствие на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены). Разъясняя данное положение закона, ВС РФ в п. 39 Постановления Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами РФ ТК РФ» [6] отметил некоторые частные случаи, когда возможно увольнение работника за прогул. Однако среди них нет прямого указания на допустимость увольнения при нарушении срока явки к врачу на осмотр. Таким образом, нормы ТК РФ не содержат ни прямого запрета производить увольнение, ни указания на его законность.

По данному вопросу существует официально опубликованная позиция Московского регионального отделения Фонда социального страхования РФ, в соответствии с которой «дни, следующие за датой, когда работник должен был явиться к врачу, можно считать прогулом, только если причина неявки была признана неуважительной» [8]. Тем не менее наличие позиции регионального несудебного органа по

правовому вопросу не всегда является существенным основанием для утверждения о том, что такой позиции придерживаются суды в России. Например, в деле № 7-118(2)/2018 Государственная инспекция труда в Тамбовской области, привлекая организацию к административной ответственности, настаивала на том, что ст. 153 ТК РФ нужно толковать так, что работник, привлечённый к работе в выходной или нерабочий праздничный день, имеет право на предоставление ему иного дня отдыха, а если он им не воспользовался, то на оплату труда в двойном размере. С таким выводом согласился тогда и суд [14]. Однако диаметрально противоположное мнение было отражено, например, в Апелляционном определении Вологодского областного суда от 21.08.2019 по делу № 33-4682/2019 [3].

Таким образом, наличие позиции регионального несудебного органа, даже подтверждённой соответствующими судебными решениями, ещё не является достаточным основанием, чтобы утверждать о наличии устойчивой позиции судов по всей стране по определённому вопросу.

В связи с этим, чтобы установить законность увольнения работника за прогул при несвоевременной явке к врачу, необходимо обратиться к судебной практике разных регионов России.

В Магнитогорске суд [11] рассмотрел ситуацию, когда за совершение прогула был уволен работник, который ссылался на то, что он не явился в срок на приём к врачу по уважительной причине – ухаживал за больной женой. Суд постановил, что поскольку в материалах дела: 1) отсутствуют доказательства наличия у работника заболевания в рассматриваемый период; 2) отсутствуют доказательства того, что жена сама не могла о себе позаботиться; отсутствие уважительных причин доказано. Также суд отметил, что «уважительной причиной неявки на работу является не выдача листка нетрудоспособности как такового, а состояние здоровья истца, которое бы ему не позволило выйти на работу». Данное судебное решение было оставлено без изменения и Челябинским областным судом [7].

В другом деле [10] в городе Нерюнгри работник попытался сослаться на отсутствие своего лечащего врача в лечебном учреждении в дату, указанную для явки в листке нетрудоспособности. Рассматривая данный спор, суд встал на сторону работодателя, т.к. работнику не удалось доказать: 1) невозможность записи к другому врачу; 2) наличие у себя заболевания в рассматриваемый период. Обжалование решения в Верховный суд Республики Саха (Якутия) не повлияло на исход дела – судебный акт был оставлен без изменения [2]. Толкование уважительной причины, данное апелляционной инстанцией, совпадает с рассмотренной ранее позицией суда г. Магнитогорска [11].

В Санкт-Петербурге суд [9] анализировал правомерность невыхода работника на работу, т.к., по мнению последнего, он ещё не выздоровел. Суд указал, что «действующее законодательство не предоставляет работнику право самостоятельно определять период своей нетрудоспособности, выбирать дату восстановления трудоспособности и явки к врачу для закрытия листка нетрудоспособности. Подобными полномочиями наделены исключительно работники медицинских организаций». Также суд отметил, что «явка работника на прием к врачу в выбранную им по своему усмотрению дату не означает, что он до этой даты был освобожден от работы». Позиция суда в отношении правомерности невыхода на работу в последний день в связи с необходимостью закрыть больничный состояла в следующем: «Сам по себе факт обращения истца к врачу трудоспособным для закрытия листка нетрудоспособности, учитывая допущенное нарушение режима в виде неявки к врачу, не является доказательством наличия у истца уважительных причин отсутствия на работе в указанный период времени».

Ещё одна попытка воспользоваться гарантиями работников без оснований была пресечена судом в Новосибирской области [12]. Здесь суд указал, что если бы работник явился хоть и с нарушением сроков, но с признаками заболевания, то это стало бы основанием для продления листка нетрудоспособности и для отмены приказа об увольнении. Однако в данном случае работник явился здоровым. На аргумент работника о том, что он не мог явиться на приём в срок в связи с резким ухудшением здоровья, суд ответил так: «При резком ухудшении здоровья у истца было право вызвать скорую помощь либо терапевта на дом, которым он не пожелал воспользоваться». Апелляционная инстанция согласилась с таким решением [5].

Московский регион в данном вопросе совсем не отличается от других. Чертановский районный суд [15] не стал признавать «семейные обстоятельства» уважительной причиной пропуска срока явки к врачу. К показаниям свидетеля о плохом состоянии здоровья отца работника суд отнёсся критически, т.к. «достоверных доказательств состояния здоровья отца истца не представлено». Суд первой инстанции анализировал лишь одно обстоятельство – имеются ли доказательства плохого состояния здоровья работника. Поскольку таковых представлено не было, суд принял решение в пользу работодателя. Апелляционная инстанция на довод работника о том, что за престарелым отцом требовался уход, ответил следующее: «В таком состоянии он находится длительное время, что не препятствовало ранее осуществлению истцом работы». В итоге решение было оставлено без изменения [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что в России сложилась устойчивая практика по вопросу о признании права работодателя расторгнуть трудовой договор по своей инициативе на основании прогула в случае отсутствия трудоспособного работника на рабочем месте после истечения срока для закрытия листка нетрудоспособности. В каждом рассмотренном ранее деле суды признавали в качестве основного условия законности увольнения отсутствие доказательств заболевания работника в период прогула.

Несмотря на сильную позицию работодателя в данном вопросе, ему необходимо принимать во внимание и стремление судов защищать слабую сторону договора. Так, в Архангельске суд [13] рассмотрел дело, в котором работник 18 марта 2019 г. обратился к врачу. Ему был выписан листок нетрудоспособности со следующей явкой на прием через 3 дня – 21 марта. В этот день работник на прием не явился, а явился 22 марта с теми же жалобами. 22 марта врач зафиксировал обращение больного, выдал дубликат листка нетрудоспособности с отметкой о нарушении режима (код «24») и с указанием, что работник в момент явки на прием был трудоспособен (код «36»). В итоге, суд принял решение о признании увольнения работника за совершение прогула (22 марта) незаконным даже при том, что: 1) листок нетрудоспособности работнику не был продлён; 2) новый листок нетрудоспособности не был выдан; 3) работник был признан трудоспособным 22 марта. Показания свидетеля (лечащего врача) о наличии у истца аналогичных жалоб после даты неявки на приём стали основанием для восстановления на работе. Суд отметил, что «листок нетрудоспособности не является единственным документом, подтверждающим наличие уважительности причины отсутствия на рабочем месте». Апелляционная инстанция оставила решение без изменения [1].

В данном деле у суда не было оснований для отмены приказа работодателя об увольнении. Простое наличие жалоб у работника, юридически не подтверждённых заключением врача о его нетрудоспособности, не должно приводить к предоставлению работнику гарантий по трудовому праву. Только заключение специалиста медицинской организации о нетрудоспособности работника должно являться условием временного освобождения работника от выполнения им трудовой функции.

Подводя итог, можно сделать вывод, что право работодателя на увольнение работника за совершение прогула при нарушении срока явки к врачу на осмотры стабильно признаётся судами по всей России. Однако гуманность системы российского правосудия по отношению к работнику до сих пор остаётся её отличительной чертой.

Литература

1. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 09.10.2019 по делу № 33-5973/2019. URL: https://oblsud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1037606&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 17.10.2020).
2. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 09.10.2017 по делу № 33-3980/2017. URL: https://vs--jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21617590&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 17.10.2020).
3. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 21.08.2019 по делу № 33-4682/2019. URL: https://oblsud--vld.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=818666&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 17.10.2020).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.11.2019 по делу № 33-57799/2019. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/chertanovskij/services/cases/civil/details/c6eb2179-7f93-4dfe-97f4-a1715abb80a3?caseNumber=02-3222/2019+~+M-3583/2019> (дата обращения: 17.10.2020).
5. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 04.04.2019 по делу № 33-3379/2019. URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1379119&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 17.10.2020).
6. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ от 17.03.2004 № 2 // Российская газета. 2004. 8 апр. № 72.
7. Официальный сайт Челябинского областного суда. URL: https://oblsud--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=10249597&case_uid=f5200630-505d-459d-9a9b-8ef0511ce5b3&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 17.10.2020).
8. Письмо ГУ – МРО ФСС РФ от 01.09.2020 № 14-15/7710-2216л [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Решение Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 04.05.2016 по делу № 2-1485/16~М-1021/2016. URL: https://lnn--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=384315708&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 17.10.2020).
10. Решение Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 11.09.2017 по делу № 2-1156/2017 ~ М-1079/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС «Правосудие».
11. Решение Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 30.05.2018 по делу № 2-1550/2018 ~ М-1209/2018. URL: https://magord--chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=8b41d553-af2c-4549-a51e-9961037650ee&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 17.10.2020).
12. Решение Ордынского районного суда Новосибирской области от 04.12.2018 по делу № 2-979/2018~М-928/2018. URL: https://ordynsky--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=121759214&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 17.10.2020).
13. Решение Соломбальского районного суда г. Архангельска от 10.06.2019 по делу № 2-796/2019~М-621/2019 // URL: https://solombsud--arh.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=48636804&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 17.10.2020).
14. Решение Тамбовского областного суда от 26.03.2018 по делу № 7-118(2)/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Решение Чертановского районного суда г. Москвы от 07.08.2019 по делу № 02-3222/2019 ~ М-3583/2019. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/chertanovskij/services/cases/civil/details/c6eb2179-7f93-4dfe-97f4-a1715abb80a3?caseNumber=02-3222/2019+~+M-3583/2019> (дата обращения: 17.10.2020).
16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.